

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 3 • 2011 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Власенко С.В.* О событийной референции: на материале английских переводов русских волшебных сказок 3
- Мишуров Э.Н., Немов А.А.* Характерология военно-рекламного дискурса и его транснациональная переводческая адаптация к специфике ареала реализации (на материале английского, арабского и русского языков). 26

Методология перевода

- Коростелёва А.А.* Проблема русификации коммуникативной дорожки в звучащем переводе (эмоциональный диалог в кино) 42

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Алексеева М.О.* Специфика религиозного дискурса как объекта исследования 59
- Андреев Н.И.* Особенности метафоры в немецком политическом дискурсе 70
- Раздобудько-Чович Л.И., Чович Б.* Фразеологическая специфика художественных концептов «жизнь» и «смерть» в сборнике новелл Иво Андрича «Дом на отшибе» и его перевода на русский язык (к 120-летию со дня рождения Иво Андрича) 82
- Харацидис Э.К.* Взаимодействие культур как источник прогресса (миф о Полифеме в преданиях народов Кавказа) 105

Дидактика перевода

- Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Литвинова Г.М.* Особенности преподавания русского языка в русскоязычной и иностранной аудиториях: проблемы подготовки переводчиков 112

Contents

General Translation Theory

- Vlasenko, S.V.*: On Event Reference: Based on English Translations of Russian Fairy Tales 3
- Mishkurov, E.N., Nемов A.A.*: Characterology of the Military-Advertising Discourse and its Transnational Adaptation to Specificity of the Realization Area (on the English, Arabic and Russian Language Material) 26

Translation Methodology

- Korostelyova, A.A.*: Dialogue Communicative Russification in Film Translation (Emotional Speech in Movie Dubbing) 42

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Alekseyeva, M.O.*: Religious Discourse as a Subject for Research 59
- Andreyev, N.I.*: Distinctive Features of Metaphor in German Political Discourse 70
- Razdobudko-Čović, L.I., Čović, B.*: Phraseological Peculiarities of Artistic Concepts “Life” and “Death” in Ivo Andrić’s Cycle of Short Stories “The House on the Outskirts” and its Russian Translation (Celebrating Ivo Andrić’s 120th Birthday). 82
- Charatsidis, E.K.*: Interaction of Cultures as a Source of Progress (the Polyphemus Myth in Caucasian Peoples’ Legends) 105

Translation Didactics

- Yesakova, M.N., Koltsova, Y.N., Litvinova, G.M.*: Teaching Russian to Russian-Speaking and Foreign Students Alike: Issues of Translator Training 112

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

С.В. Власенко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при факультете права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» при Правительстве РФ (НИУ ВШЭ);
e-mail: svetsign@stream.ru

О СОБЫТИЙНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ: НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Статья посвящена рассмотрению проблем, выявленных в ходе анализа переводов русских волшебных сказок, тексты которых принято трактовать как культурно-языковые знаки сложной природы, статусно граничащие с культурно-символическими и семиотическими артефактами. Одним из главных вопросов смысловосприятия переводчиком текста сказок для трансляции их содержания является вопрос референции. Текстовые реализации смысла соотносятся с миром сказочного пространства как некоторым событийным сценарием. Предложенный сопоставительный анализ фрагментов русских волшебных сказок и их англоязычных версий позволяет проследить внутритекстовые переводческие тактики.

Ключевые слова: англо-русский перевод, денотат, референт, референция, русские волшебные сказки, событие, событийная референция, фольклор.

Svetlana V. Vlasenko,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the English Department, Faculty of Law, Higher School of Economics National Research University under the Russian Federation Government (HSE), Moscow, Russia; e-mail: svetsign@stream.ru

On Event Reference: Based on English Translations Of Russian Fairy Tales

The article features translation problems associated with Russian fairy tale renderings into English and revealed during their comparative analysis. The tales seem to represent fairly complex verbal signs and cultural phenomena whose status borders on cultural symbolism and/or semiotic artifacts. Translator perception patterns driven by the fairy tale message search for its further code-switching appear to be strongly dependent on referencing. Text surface structure is referenced to the wonder-land world of fairy tales as a certain eventful scenario. A cross-language analysis of Russian—English subtexts taken in parallels allows for tracing some text-internal translation tactics.

Key words: denotatum, English—Russian translation, event, event reference, fairy tales, folklore, reference, referent.

«Соблюдать фабулу — значить соблюдать референцию
некоего текста к возможным повествовательным мирам».

У. Эко, 2006 (2003)

Настоящая статья направлена на определение семантических характеристик текстовых единиц, участвующих в языковом оформлении события, и их корреляции с другими компонентами высказы-

званий. Материалом для анализа послужили тексты русских волшебных сказок и их переводы на английский язык, которые в их параллельном сопоставлении обладают, по нашему мнению, большим потенциалом для переводоведов, исследующих механизмы и детализирующие параметры категорий текстовой референциальности и событийности.

Вслед за В.Я. Шабесом под «текстом» понимается вербально оформленный фрагмент целостной системы знаний о мире [Шабес, 1990, с. 12], а под событием — «основная единица фонового знания, репрезентирующая тривиальные типизированные динамические когнитивные сущности» и «обобщённый инвариант, обладающий свойствами прототипа» [там же, с. 11—12].

Сказочные повествования рассматриваются как безусловные ирреальные, идиалистические — и в этом смысле «чистые» — тексты, как прототипические исследовательские пространства невозможных миров, сценарно устроенных по образу и подобию возможных. Более того, согласно В.Я. Проппу, сказки дореалистичны, фантастический мир сказки — давно ушедшая реальность, к тому же художественно преображённая [Пропп, 1992 (1946)] (цит. по: [Корепова, 1992, с. 6]). Вследствие этого сказочные повествования — это модели дважды ирреальной жизни.

Лексикализация и грамматикализация ирреалиса на частноязыковом материале — сложнейшая проблема, разрабатываемая многими отечественными и зарубежными лингвистами, аннотирование которой выходит за рамки настоящей статьи. Проблемы типологии ирреальных категорий рассматриваются среди прочего в [Ирреалис, 2004]. Позволим себе заметить только, что, по выражению В.А. Плунгяна, *ирреалис* — это «особая грамматическая категория глагола, характеризующего “ирреальные”, “нереальные” или “воображаемые” ситуации» [там же, с. 10]. В.А. Плунгян призывает разграничивать два термина *ирреалис* и *ирреальность*, используя «*ирреалис* для обозначения грамматической категории (или её граммема), а общий семантический компонент ситуаций, «не принадлежащих реальному миру», обозначать словом *ирреальность*» [там же, с. 15].

Крайне важна интернациональность сюжетных построений сказок, что обуславливает универсальность¹ потенциальной при-

¹ Среди огромной плеяды отечественных сравнительных литературоведов-фольклористов выделим В.М. Жирмунского, исследовавшего дихотомию национальное—международное в сюжетообразовании сказок разных национально-культурных традиций, их типологические аналогии и контактные взаимодействия. В.М. Жирмунский акцентирует «способность сказки переходить от народа к народу и перевоплощаться в национальные формы, сохраняя международную структурную основу» [Жирмунский, 1992, с. 461]. Перечисляя международные сказочные сюжеты, В.М. Жирмунский подкрепляет свою аргументацию ссылкой

ложимости выводов сопоставительно-переводческого анализа к большому кругу переводоведческих проблем. Помимо того что сказка — классическое литературное наследие, следует также отметить уникальность сказок и в когнитивном, и в аксиологическом плане, каждый из которых сводим к их содержательной и коммуникативной интенции: моделированию экзистенциальных сценариев и универсальных человеческих измерений — жизненных ценностей, верований и установок.

Понимая необозримость сказотворчества в исторической перспективе и многообразии существующих поджанров, выступающих объектами сказочной фольклористики и, точнее, сказоведения, как то: литературных и народных — волшебных, животных, новеллистических, и др., — мы ограничиваем цитирование текстового материала и его анализ пределами, реализуемыми с учётом допустимого объёма и целей статьи.

Сложность изучения референциальных аспектов перевода связана с целым рядом причин, в том числе с ненаблюдаемостью перевода извне в процессуальном плане, скрытостью от аналитика-наблюдателя тех ментальных структур, которые приводят в действие механизмы понимания иноязычного текста и непосредственно «отвечают» за семантические преобразования в межъязыковом перекодировании. Переводоведческие подходы к изучению референции преимущественно охватывают номинацию и дейксис, и в гораздо меньшей степени — предикацию и пропозицию, что связано с приоритетами, сложившимися в самой теории референции. Отметим прозорливость мнения, высказанного три десятилетия назад Н.Д. Арутюновой, о потенциальной смене проблематики теории референции: «Референция к непредметным сущностям — событиям (действиям, процессам, состояниям, свойствам, признакам), фактам и пропозициям» составит в будущем одну из перспектив дальнейшего развития теорий референции [Арутюнова, 1982, с. 37—38]. Не менее важно и другое утверждение учёной о том, что «к числу основных факторов, влияющих на интерпретацию именных выражений предметного и непредметного значения, относятся: семантика предиката, пропозициональные отношения, <...> модальные операторы» [там же, с. 37—38].

Непредметные сущности, взаимоотношения ирреальных персонажей, опосредованные ирреальными явлениями природы, составляют основной корпус объектов номинации сказочных повествований. При этом «предметность» привычного предметного мира

на А.М. Горького и его предисловие к «Книге тысячи и одной ночи» (1953), где вслед за А. Веселовским и другими фольклористами признается «тематическое сходство и широчайшее распространение сказок заимствованием их одним народом у другого» (цит. по: [там же, с. 462]).

сказки — ковров-самолётов, летучих кораблей, шапок-невидимок, скатертей-самобранок, сапог-скороходов, чудесных предметов, живой и мёртвой воды, избушки на курьих ножках и т.д. и т.п. — достаточно условна в силу своей виртуальной, нематериализованной² природы. Аргумент крайне прост — все эти и многие другие «предметы» и сущности есть знаки, воплощающие архетипы бессознательного носителей русского языка, объекты их психической, а не фактической реальности.

Если исходить из мнения Ю.М. Лотмана о том, что «сама природа смысла определяется только из контекста, то есть в результате обращения к... вне его лежащему пространству» [Лотман, 2000 (1992), с. 39], то «вне его лежащим пространством» для мира сказки следует полагать не что иное, как воображение воспринимающего и (или) переводящего субъекта. Так, Д.С. Лихачёв утверждает, что «пространство сказки как пространство сна» [Лихачёв, 1979, с. 338], в связи с чем нельзя не предположить, что как таковое смысловое пространство сказки *полиреферентно*, или *метареферентно*, определённому событию или определённой череде событий, причём рядоположенность участников и обстоятельств таких событий характеризуется вариативностью понимания, а значит, и вариативностью речезыковых воплощений, поскольку оно референтно психической реальности переводчика или читателя.

Согласимся с Э.Н. Мишкуровым, который, рассматривая текстовые смыслы, отмечает, что «смысловая структура текста — это не структура самого живого смысла, а структура знаковой модели», и уточняющего, что «система смыслов» опирается не только на языковые формы, но и включает в себя смыслы разной когниции и функциональности» [Мишкуров, 2010, с. 136].

В связи с этим встаёт вопрос о принципиальной референциальности ирреального предметного мира как фона протекания ирреальных событий, действий, состояний и ситуаций, передающихся

² Виртуальное воплощение названных предметов сказочного мира вполне реализуемо посредством информационно-технологических ресурсов и продвинутых технологий визуализации, а также художественными средствами — в декоративно-прикладном искусстве, сценических постановках, экранизации, и т.д. Здесь же речь идёт о физическом измерении предметного мира, экзистенциально не материализуемом (хотя любой человек при желании может построить для себя «избушку на курьих ножках», а также воплотить иной объект сказочного предметного мира также и в массмедийном контенте). Поскольку вербализация касается *образного ряда*, воплощённого средствами *текстопостроения*, который может быть не связан и даже далёк от объектов сказочных миров, материализованных художественными средствами, мы рассматриваем «материализацию» как виртуальное воплощение — промежуточное или параллельное звено — между интериоризованными в сознании воспринимающего субъекта образами, отражающими архетипы, прообразы или прототипы, и единицами текста разной протяжённости и любого языкового уровня (ср.: [РКП, 2004, с. 12, 22]).

в языках предикационно. Вопрос о перекодировании, скажем, *скатерти-самобранки* или иной единицы указанного выше ряда, интересен с той точки зрения, что может быть описан в терминах так называемых смешанных образов — образов-блендов, совмещающих реальное с нереальным³.

Как известно, проблематика теории референции изначально развивалась в связи со средствами именования, участвующими в формировании номинативного ядра высказывания и включавшими именные группы и их местоименные заменители, в результате чего получили развитие аспекты прономинализации в естественных языках. В круг теории референции фрагментарно включались языковые средства обозначения действий, событий и состояний, многообразие и непараллельность которых в разных языках заслуживает более системного исследования. Механизмы референции, обеспечивающие означивание предметных и (или) непредметных сущностей, реальных или виртуальных объектов в процессе первичной и (или) вторичной номинации накапливаемого опыта, полагаются важными для переводоведения не только в процессуальном аспекте (переводческий процесс), но и в результативном (переводческий продукт — текст перевода).

В свете наших рассуждений актуальна дифференциация на реальные и идеальные сущности, соотносимые с теми или иными лексическими средствами, которую рассматривает Н.К. Гарбовский [Гарбовский, 2004, 2010а, б, в]. В частности, учёный отмечает, что «референция исходного текста далеко не совпадает с референцией переводного текста» [Гарбовский, 2004, с. 282]. Именно в этой связи становится особенно понятно стремление переводоведа принципиально разграничивать понятия референта и денотата. Нельзя не согласиться со следующим мнением Н.К. Гарбовского о переводе художественных текстов: «Практически вся художественная литература оперирует одновременно и реальными, и идеальными сущностями, смешивая, размещая идеальное в реальном и реальное в идеальном. И те и другие фигурируют в качестве референтов в художественных речевых произведениях» [там же, с. 281]. Данное мнение подтверждает особую важность проблематики референции не только к предметным внеязыковым сущностям, но и к идеальным, абстрактным, которые недоступны для непосредственного наблюдения и анализа. Представляется, что круг текстов, к кото-

³ Кроме того, учитывая мнение В.А. Плунгяна о том, что «грамматическая категория ирреалиса по-прежнему остаётся для типологов трудным объектом» [Ирреалис, 2004, с. 18], можно с большой долей вероятности заключить, что для переводоведов многие формы лексикализованной, грамматикализованной и имплицитной, неочевидной, семантики ирреальности являлись и являются сложным исследовательским объектом.

рым применимо утверждение Н.К. Гарбовского, включает также и фольклорные, в том числе тексты сказочных повествований.

Значимость данного вопроса в особенности возрастает, учитывая, что *референтные*, или *референциальные*, знания часто понимаются как *референтное*, или *референциальное*, значение, которое, по мнению многих отечественных и зарубежных лингвистов, синонимично понятиям *концептуального*, *когнитивного*, *денотатного* (*денотационного*) значения, что в общем соотносится с Соссюровским «означаемым» (см., в частности [АРСЛС, 2001, с. 102; Бархударов, 1975; Степанов, 1975, с. 8; DS, 2001, р. 336], и др.). Дискуссия по этому поводу ведется не одно десятилетие. Ряд лингвистов полагает, что отсутствие референта в реальной действительности не значимо для референтного статуса языковых единиц [Roberts, 1993, s. 103]. Оппозиция референтность—нереферентность напрямую касается вопроса о референтном статусе сказочных и (или) мифологических персонажей, а также деятелей в фольклоре малых форм — пословицах, поговорках, крылатых выражениях, которые, по мнению некоторых лингвистов, автореферентны (см., например, [Козинцев, 2008, с. 57—58; Неклюдов, 1995]).

По мнению У. Куайна, изучавшего механизмы референции, предикация и способы её выражения имеют большое значение [Куайн, 1986, с. 64—69]. Анализируя грамматическое противопоставление существительных, прилагательных и глаголов, У. Куайн, в частности, отмечал, что для предикации основной формой является глагол [там же, с. 66]. Использование им понятия «общий терм» для выражения предикации, очевидно, имело целью обобщить приёмы референтного соотнесения текстовых единиц с репрезентируемыми ими объектами и явлениями (состояниями, действиями и т.п.). Такие понятия, как *совокупная референция прилагательных*, *множественность референции* и *разделённая референция* [там же], на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о несводимости референции лишь к указательной функции дейктических местоимений и номинативной функции имён или именных групп в отношении *текстовое пространство—внетекстовое пространство*. Размышления относительно «совокупной референции» наводят на мысль о накопительном эффекте смыслопоисковой мыследеятельности переводящего субъекта. Вероятно, под «совокупной» понимаются возможные референции разных атрибутивных текстовых единиц, каждая из которых «несущественна» сама по себе (по У. Эко), но вместе активируют *референтную привязку*⁴ данной единицы. Другими словами, можно говорить о взаимозаменяемости или взаи-

⁴ Данный термин коррелирует с термином *референционная привязанность* В.Г. Гака [Гак, 1998, с. 95].

модополняемости референтного статуса соответствующих текстовых единиц, об их неустойчивом характере.

В связи с этим не менее характерно и следующее утверждение Н.Д. Арутюновой о том, что «теория референции не может сбросить со счетов прагматику речи. Она вынуждена учитывать все основные типы отношений, определяющие коммуникацию, то есть перекрестные связи между языком, действительностью, ситуацией речи, говорящим и адресатом» [Арутюнова, 1982, с. 11]. В подтверждение сказанного сошлемся на мнение американского лингвиста З. Пылишина о принципиальной невозможности полного отражения и усвоения человеком предметно-деятельностных контекстов, существующих в действительности, в виде чётко сформированных представлений, но и хорошо усвоенные представления о мире могут вовсе не коррелировать с реальным положением дел, в особенности нереализованные или нереализуемые, например, цели и намерения, страхи и убеждения [Pylyshyn, 1992, p. 48].

По всей видимости, понимание *предикативности* как особого (отдельного) вида референтных отношений логически вытекает не только из изучения предикативности в русле традиционно семантических исследований, классификации предикатных типов разных языков (см., в частности, [Булыгина, 1982, с. 7—85; Селиверстова, 1982, с. 86—157], и др.), но также обусловлено разработкой вопроса грамматического функционирования глагольных категорий: времён, аспекта, залога, вида (см., например, [Адмони, 1988, Шведова, 1984, и др.]). Неслучайно референтные аспекты предикативных отношений нашли отражение в исследованиях и закрепились уже в самой используемой в них терминологии: «предикативный денотат»⁵ [Селиверстова, 1982, с. 151], «референт-процесс» [Кошелев, 1988, с. 30—52], «референтно значимые признаки глаголов» [Кошелев, 1990].

Наряду с этим уместно процитировать следующее мнение А. Шаффа, утверждающего, что «когда мы имеем дело с названием *пустого класса предметов*⁶, т.е. с названием, обладающим десигнатом, но не имеющим *реального денотата*, например, когда речь идёт о плодах фантазии, таких, как фавны, дьяволы, кентавры и т.п., или об *абстрактных качествах*, таких, как геройство и т.п., то и здесь выступает отражение действительности, хотя и опосредованное. Порождения фантазии складываются из кусочков реальной действительности;

⁵ Отношения между понятиями «референт» и «денотат», в особенности применительно к переводоведению, относятся к наиболее сложным и выходят за рамки проблематики настоящей статьи. Подробнее о соотношении указанных понятий в парадигме переводоведения см. работы Н.К. Гарбовского [Гарбовский, 2004, с. 278—283, 2010, а, б, в].

⁶ Шрифтовое выделение автора цитаты. — А.Ш.

абстрактные черты и свойства представляют собой отражение свойств, отношений, поведений и т.п., — общих для элементов какого-либо класса предметов, т.е. присущих единичным материальным предметам» [Шафф, 1963, с. 306].

Иного мнения придерживается А.Г. Козинцев, который, рассматривая референционные связи в фольклорных текстах, волшебных сказках, включая пословицы, крылатые выражения и т.п., многократно задаётся вопросом о тех сущностях, к которым референтны чувства и чувственные состояния. «Во всех случаях, когда предикат выражает чувство или оценку (весело, грустно, страшно, удивительно, отвратительно, хорошо, плохо и т.д.), осуществляется референция к означаемому, к той ситуации, которая изображена на картинке [карикатура, предъявляемая ребенку. — С.В.]. — Автор далее продолжает, — Означающее ничего не означает» [Козинцев, 2008, с. 57]. В частности, при отсутствии чувства А.Г. Козинцев замечает: «Референция отменена, знак перестал что-либо означать, перестал быть знаком...» [Козинцев, 2008, с. 58]. Следовательно, размышления о «референции к чувству или его отсутствию», на наш взгляд, весьма созвучны вышеназванным рассуждениям З. Пылишина.

В тексте перевода происходит реноминация события (действия, состояния) как свершившегося факта или продолжающегося процесса (последовательность/цепочки) действий, что требует преимущественно глагольной и адвербиальной номинации. И событие как факт свершившихся действий (состояний), и состояние как процесс, длящийся во времени, как правило, реализуются в тексте предикативно. Языковые средства, участвующие в формировании предикативного ядра, имеют грамматические значения времени, места, образа действия, длительности или завершённости. Референция к событиям, или событийная референция, — достаточно новое направление теории референции.

Ряд исследований в области референции, включая теорию *событийной референции* (a theory of event reference) [Grosz, Pollack, Sidner, 1993], подтверждают нашу точку зрения о событии — реальном или мыслимом — как фоне проецирования речезыковых единиц-слагаемых текстов сказочных повествований в ходе их межъязыкового перекодирования. Под *событийной референцией* предлагаем понимать *референцию к пропозиции как целостному макрособытию или совокупности либо последовательности действий или состояний, имеющих или имевших место в реальном мире или нереальном (мыслимом, возможном) мире, действительность или виртуальность которых может фиксироваться в любой точке пространственно-временного континуума как результат воплощения одного или более каузативных взаимоотношений участников таких*

событий. Материальная подлинность не реализуема для героев сказок и действий, совершаемых ими, а также для событий, происходящих с ними. Вместе с тем текстовые единицы, участвующие в формировании предикативного ядра, соотносящиеся и с областью предикативной референции, и с областью пропозициональной референции, могут совпадать с описанием тех или иных событий или действий, состояний, переживание которых входит в экзистенциальный опыт переводчика и читателя.

В нашем понимании событийная референция — это референция к событию, объективированному в соответствующем тексте. Если исходить из вышеприведённого мнения Д.С. Лихачева о том, что пространство сказки есть пространство сна, то допустимо предположить, что как таковое смысловое пространство сказки можно назвать *полиреферентным*, или *метареферентным*, определённом событию или определённой чередой событий. При этом рядоположенность участников таких событий и обстоятельств их протекания характеризуется вариативностью понимания, а значит, и вариативностью речезыковых воплощений.

Соотнесение эквивалентных способов номинации атрибутивных элементов типа *заливные луга*, *наливное яблочко*, *добрый молодец*, *красна девица* и т.п. также способно пролить свет на событийность при условии, что она понимается дискретно — как статичный результат одного действия, отдельных действий или последовательности действий либо недискретно — как динамический процесс продолжающихся действий, результатом(ами) которых является определённое состояние или набор состояний. Уже в атрибутивном компоненте номинативной пары *заливные луга* → *lush meadows* (брит. англ.), *high meadows* (амер. англ.) прослеживаются «следы» событийности, поскольку *заливной луг* есть следствие весеннего половодья, наглядным результатом которого и являются высокие, пышные и сочные травы — своего рода «высокотравье» или «пышнотравье». Очевидно также, что в американском эквиваленте *луга* → *meadows* не в буквальном смысле *высокие* → *high*, т.е. не в смысле приподнятого рельефа местности как характеристики ландшафта, а именно в смысле *густо заросших высокой травой лугов*. Такое понимание находим в словарных толкованиях: «Заливные луга вблизи рек, заливаемые при весеннем разливе рек» [СРЯ, 1990, с. 213]; «заливной луг — затопляемый водой при разливе» [АВВУУ, 2011]. Инференция, видимо, присутствует в каждом акте категоризации, который обуславливает принятие конкретного переводческого решения.

В теории коммуникативной компетентности О. Йокоямы содержится аргументация того, что мы называем «следами событийности». Однако американская учёная усматривает во внутренней форме ряда слов *имплицитное экзистенциальное знание*. Рассуждая

в рамках своей концепции перераспределения знаний в дискурсе об экзистенциальных утверждениях и пропозициях с экзистенциальным предикатом, О. Йокояма выражает крайне важное для нас мнение. В частности, она утверждает, что понимает экзистенциальный предикат в широком смысле как включающий, согласно Э. Бенвенисту, «не только “быть” и “иметь”: ...для некоторых термов существование обязательно соединено с дополнительным значением» [Йокояма, 2005, с. 123]. Уточняя свою мысль, О. Йокояма делает важный для нас вывод о том, что «для огня существовать означает гореть, для звука — звучать и т.д. Следовательно, предикат типа “гореть” может быть использован для перемещения экзистенциального знания такого термина, как, например, огонь (ср.: “Вдали горит огонь”)... На некотором элементарном уровне знания⁷, по-видимому, сливаются» [там же]. Далее учёная отмечает: «Обычно предполагается, что неодушевлённые объекты и живые существа, имеющие обозначение в языке (т.е. те, для которых существует номинативный код), существуют по крайней мере в одном из возможных миров. Следовательно, в экзистенциальных утверждениях должна быть эксплицитно обозначена пространственная и (или) временная область бытия термина (или информация о ней должна легко вычисляться)» [Йокояма, 2005, с. 123—124]. Вычисление или выведение информации о событийности, латентно присутствующей в высказывании, составляет операцию инференции как составную часть категоризации, которая проиллюстрирована выше на примере *заливных лугов*.

Описанное мнение О. Йокоямы перекликается с вышеописанным понятием референтной имплицитности Е.В. Ермаковой, под которой лингвист понимает «результат оживления⁸ прототипических сценариев, составляющих основу человеческого взаимодействия в обществе» [Ермакова, 2010, с. 139]. В нашем понимании изучаемый Е.В. Ермаковой феномен имплицитного знания следует рассматривать в качестве знания априорного, экзистенциального, не нуждающегося в верификации, и, вследствие этого, базового для картины мира воспринимающего субъекта (переводчика, читателя, т.д.)⁹. «Жил-был царь» используется учёной для примера

⁷ Об «осмыслении элементарных фигур знаний» или «элементарных когнем» см. [Караулов, Филиппович, 2009, с. 147—163].

⁸ Речь, видимо, идёт об активации ассоциативно-вербальных связей в сознании воспринимающего субъекта. Кроме того, здесь, очевидно, имеются в виду «референтные имплицитные смыслы», которые определены как «знания типичных поведенческих сценариев» — своего рода «коммуникативно-прагматического знания, деавтоматизация которого ведёт к выявлению референтных имплицитных смыслов в художественном тексте» [там же, с. 93].

⁹ Ср. данное определение с характеристикой события по В.Я. Шабесу, приведённой в начале статьи и включающей признаки обобщённости, инвариантности и прототипности.

экзистенциальных утверждений, для которых известны (эксплицированы) или подразумеваются области из существования — «царь» жил (существовал) «в некотором царстве в определённое время» [Йокояма, 2005, с. 124]. Позволим себе не согласиться: в строгом смысле «*некоторое царство*» и «*определённое время*» вовсе не являются знанием как таковым или, скорее, **они не являются знанием как чёткой хронотопической привязкой** — вневременность или «замкнутое время сказки» (по Д.С. Лихачеву) характеризуют временную и пространственную неприуроченность сказочных повествований: «[погулять] *до поры, до времени*»; «[ехать] *долго ли, коротко ли*»; «[искать] *за тридевять земель, в тридесятом царстве*» и др.

Отметим референциальную недоступность топоса, размытость референциального пространства события и его отдельных компонентов как характерную черту большого количества действий, объектов и состояний, описываемых в рамках события. Например,

- «За тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве [*сидит в башне Василиса Кирбитьевна*]» [Булат-молодец];
- [Сели они на коней и поехали в путь-дорогу. Как только *приехали они в*] тридевятое царство — тридесятое государство [Булат-молодец].

В одном из английских вариантов *близко ли — далеко ли, долго ли — коротко ли* преобразуется следующим образом: *whether a short distance or a long one* [РНС 1996, с. 19], в другом — *either near or far away, either long or short a time* [Bulat The Brave, 2010].

Обратим внимание на перевод русских сказок «Царевна-Лягушка» и «Марья Моревна», выполненный английским переводчиком Натаном Хэскеллом Доулом, который стремится породить идиоматически безупречный текст, сохраняя аутентичность русскоязычного текста и максимально оставляя его просодию — метрический рисунок:

- Once upon a time, in a certain kingdom, in a certain realm, lived... [The Frog—Queen // RFB, 2000 (1907), p. 101];

- In a certain kingdom, in a certain realm, once lived *Prince Ivan and his three sisters* [Marya Morevna // RFB, 2000 (1907), p. 81].

Вместе с тем укажем на использование английским переводчиком и более простого метрического рисунка, которым отличаются английские зачины сказок. Это позволяет ему привнести аутентичность в зачин текстов русских сказок, освободив их от смысловой избыточности, которая является результатом жанровой редупликации (*жили-были, один-оденёшенек* и т.п.):

- Once upon a time there lived *an old man and his old wife*... [RFB, 2000 (1907), p. 19].

- Once in a certain country lived *a merchant* [Vasilisa The Beauty // RFB, 2000 (1907), p. 1].

• *Время шло быстро: дни* проносились за днями, *часы — за часам* (варианты: *Дни бежали за днями, часы неслись за часами; Дни проносились за днями, часы [летели] за часами*) → *Days followed days, hours trod on the heels of hours* [RFB, 2000 (1907), p. 82].

Укажем, что идиоматичный препозитивный глагол *tread on* (букв. наступать на пятки часам) имеет значение *ног под собой не чувствовать, лететь как на крыльях*, указывает на прототипность события «быстро текущее время», имеющего корреляты во всех языках и выраженного в английской пословице *Time flies*.

Созвучное мнение выражает отечественный сказовед К.Е. Корепова: «Сказка не знает описаний, в ней нет портретов, пейзажей, замедляющих действие. Даже если в сказке возникает потребность описать портрет героини, чтобы показать её совершенство, то портрет даётся через отказ от описания: *красоты такой, что ни в сказке сказать, ни пером описать*». И далее К.Е. Корепова выражает мысль, созвучную утверждению О. Йокоямы: «Либо качество показывается через действие. Таково изображение резвости, стремительности или богатырской мощи коня: “*Конь бежит — земля дрожит, из ушей дым, из ноздрей пламя пышет*”» [Корепова, 1992, с. 13]. Приведённые мнения учёных позволяют заключить по меньшей мере в предварительном порядке, что событийность включена и в семантику номинативности, и атрибутивности.

Событие в статике и динамике как концептуализированная переводчиком внеязыковая ситуация. Обратимся к мнению отечественных лингвистов. Вслед за Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым, исследовавшим онтологию событий в разных лингвистических проекциях, в настоящей статье событие будем понимать в широком и узком смысле: в широком — как все происходящее в мире, в нашем случае мире сказочном, а в узком — пропозиции и факты действий как проявления ментальной или эмоциональной сферы, как объекты «пропозициональных установок» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 167]. В частности, лингвисты отмечают, что «в соответствии с онтологией положений вещей... все явления (события в широком смысле) подразделяются на статические (состояния) и динамические, а динамические — на процессы и (собственно) события» [там же]. В этой связи полагаем возможным рассматривать *событийность* в качестве отдельной категории, семантика которой передаётся набором значений предикатно-связанных средств текстопорождения. Другими словами, любые языковые и (или) речевые средства объективации смысла, участвующие в построении предикативного ядра высказывания, рассматриваются нами в качестве носителей *событийного значения*.

Приведём и другое утверждение Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, касающееся выбора предиката при построении речевого высказы-

вания: «Тип предиката зависит не только от внеязыковой ситуации, которой он соответствует, но и от способа концептуализации этой ситуации в языковой картине мира» [там же, с. 178]. Сказанное прямо указывает на участие воспринимающего субъекта, в нашем случае — переводящего субъекта (переводчика), причём «концептуализация внеязыковой ситуации в языковой картине мира» понимается нами как вписывание воспринимающим или переводящим субъектом нового знания в набор уже сформированных «типовых» или «шаблонизированных» экзистенциальных сценариев. Такое «вписывание» возможно при использовании схем восприятия, позволяющих расщеплять смысловые потоки и оценивать их — концептуализировать, категоризировать — описанные в тексте действия для определения их конкретных значений, отражающих внеязыковые (внетекстовые) ситуации. Авторы выражают сожаление по поводу отсутствия в словарях помет, позволяющих «разграничивать “отнологически” различные (событийные и несобытийные) значения глаголов несовершенного вида» [там же], добавляя при этом, что подобным различиям часто сопутствуют семантические и грамматические различия. Словари, по мнению Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёва, не дают возможности полноценно определить тип предиката и, следовательно, предсказать его языковое поведение.

Передача предикации, усиленной повторяющейся синтаксемой *ни...*, *ни...*, *a...*, в текстовой последовательности — *такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать* → *so beautiful that no words could convey her beauty and no mind could imagine such beauty unless it was in a never-never world*, — в переводе с русского реализована посредством союза *unless* со значением «если только не [в мире вымысла]», «пока не [выйдешь из мира вещественного в мир сказочный]». Данный пример указывает на изменение в переводе классического понимания референции как отсылки к реальной предметной сущности или к абстрактной/мыслимой сущности не только в связи с речезыковой реализацией предикативно связанной референции, но и номинативно связанной: *только в сказке сказать* → *in a never-never world*.

Межъязыковые переходы лексем-кванторов отличаются большим расхождением по используемым языками средствам: *жил-поживал один-одинёшенек* → *there once lived... all alone*. Перевод национально-специфических понятий и имён персонажей сказок, а также релевантных дескрипций, закреплённых в сознании русскоговорящих многовековой традицией, оказывается возможным при выполнении ряда условий, в частности смещении фокуса референции, расщеплении фокуса референции или его экспликации как развертывания плана содержания и др.

Согласно В.Я. Шабесу, «триада Пресобытия — Эндособытия¹⁰ — Постсобытия является когнитивным фундаментом для выделения завершённого в тексте эпизода в рамках более крупного текста. Завершённым текстом может считаться и единичное предложение, соотносимое с указанной триадой, если иная необходимая информация уже имеется в памяти отправителя и получателя сообщения» [Шабес, 1990, с. 21—22]. По аналогии с мнением В.Я. Шабеса под фабулой сказки мы понимаем некоторое макрособытие, представленное в виде последовательной очерёдности микрособытий. Структура микрособытия включает: участников и их действия и переживаемые ими состояния, а также наблюдателей и причинно-следственный комплекс: начальные условия и последствия. Для объективации событийных значений, связанных с передачей предсобытия и постсобытия, используются достаточно конвенциональные средства, а именно: предсобытие как зачин события представляется типизированным и континуальным, недискретным: *жили-были...*, *жил да был* с последующим перечислением участников собственно события. При этом зачин главного, основного события сразу отсылает к внеположенному миру: пространству сказки, которое в тексте репрезентировано речезыковыми воплощениями. Как отмечалось выше, обычно это референциально размытые детерминативы типа «*в некотором царстве, в некотором государстве...*», «*за тридцать земель: в тридевятом царстве — в тридесатом государстве...*». В сочетании с участниками события зачины звучат обычно следующим образом:

- Жил-был *царь*; Жили-были *царь с царицей...*
- *В некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухой...*
- Жил-проживал [Кузьма] один-одинёшенек — *There once lived a man whose name was Kuzma. He lived all alone in a dark forest...*

Укажем на плеоназм как жанровую составляющую. Причём плеонастичны как глагольные группы, так и номинативные и атрибутивные:

- [поутру] встаёт-просыпается [царь]; потушили-поплакали [да делать нечего]; [стали] жить-поживать [да добра наживать]; [начали] целовать-миловать; жил-проживал один-одинёшенек; слыхом не слыхивать, видом не видывать;
- [повели они меж собой] речи сладкие, хорошие; тёмный, дремучий лес; молода молодица;
- [поезжайте-ка вы] путём-дорогою; [поехали] в путь-дорогу; сильномогучие богатыри;
- [запереть] крепко-накрепко; [спрятаться] скоро-наскоро.

¹⁰ Собственно событие. — С.В.

Семантическую избыточность находим повсюду. Номинативным построениям присущи повторы и редупликация: *царь-государь, путь-дорога, долго-долго, рад-радёхонек, крепко-накрепко* и др. Императивы также плеонастичны: *встать-пробудиться*, вариант — *проснись-пробудись!* [Перышко Финиста, 1997, с. 109]. Редупликация в таких выражениях, как [убирайся] *подобру-поздорову* в английском изложении *Leave while the getting is good and you are still in one piece* указывает на то, что образ действия снова сопоставим и с состоянием, и с событием «поиск безопасности» при корреляции с сюжетом, схемой поведения и идиоматичностью в русском и дескриптивности в английском.

Конец сказки может иметь следующие стандартные речезыковые конфигурации, соотносимые с постсобытийным сценарием заслуженной победы добра над злом и, следовательно, счастливым (как правило, но не всегда) концом:

- И стали они жить-поживать и добра наживать. — And they lived happily ever after [Marya Morevna // RFB, 2000 (1907), p. 99]. Вариант: So they began living happily together ever since.

- И после того стали они жить вместе долго и счастливо. — After this they lived together and were happy ever after... [The Frog—Queen // RFB, 2000 (1907), p. 112].

- After this *the Tsar and the Tsaritsa and the little Kid lived*, and *lived happily* and *lived well*, and they ate and drank together just as they used to do before [Little Sister and Brother // RFB, 2000 (1907), p. 70—71].

Речевые конфигурации, участвующие в оформлении постсобытийности, включают множество клише. Вот один из примеров:

- И был пир на весь мир. И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. — [And so they were married] and they banqueted for three days and three nights. I also was at that wedding, and I drank the mead; and if you don't believe it you may long for it, but you won't get a taste of it. [They put a nightcap on me — Now what's the use of talking? I think I'll be off!] [The Bright-Hawk's Feather // RFB, 2000 (1907), p. 39].

В связи с использованными фрагментами уместно привести мнение Н.К. Гарбовского, касающееся основополагающей категории переводоведения — точности: «Требование сохранения некоей “точности” перевода, некоего тождества информации представляется сомнительным. Это идеалистическое стремление разрушается представлениями об асимметрии языковых картин мира, о различном членении действительности языками, сталкивающимися в переводе, о семантической и функциональной асимметрии, о различных тенденциях языкового общения, проявляющихся, в частности, в стремлении одного языка использовать более конкретные обозначения там, где другой использует более общие, и наоборот» [Гар-

бовский, 2010а, с. 100]. В самом деле, вышеприведённый фрагмент перевода русской сказки носителем английского языка характеризуется не только и не столько иной просодией и иным метрическим рисунком, в нём воплощена картина мира переводчика, которая и определила текстовые реализации, далёкие по выбранным языковым средствам и синтаксическому построению от исходной фразы.

Перейдём к рассмотрению атрибутивного знания в выражении-клише [*zadatъ*] *пир на весь мир*, которое, по нашему мнению, содержит выраженную событийность и в вышеприведённом примере переводится заменой предикативной конструкции — *banqueted for three days and three nights* (букв. *устроенное пиршество (званный обед) длилось три дня и три ночи*, т.е. долго, продолжительное торжество). В одной из цитируемых сказок оно переводится по-другому: *to arrange a great feast to which people from all over the world came*. С одной стороны, обычный «ход» переводческого решения: идиоматическое выражение передаётся дескриптивно. С другой стороны, в терминах когнитивной лингвистики атрибутив разворачивается в событие, коррелирующее с фреймно-сценарной формой репрезентации и сопоставимое с объектом сложного референциального знания (по О. Йокояме [Йокояма, 2005, с. 125]). В переводе «пир на весь мир» семантически развернут в событие (букв.) «огромное празднество (торжество/пир), на которое собрались люди со всего света». Находим и третье решение: *And as for the feast — it was so grandiose that people still remember it*, которое свидетельствует о похожем подходе — описании пиршества через событие: (букв.) «пир, который был столь великолепным, что люди помнят о нём и по сей день».

Анализ перевода сказок позволяет пролить свет на достаточно сложные и референциально непрозрачные отношения сопоставляемых текстов — оригинала и перевода. Вербализация атрибутивно связанной референции представляет существенные трудности в переводе, поскольку предполагает знание и оперирование широким затекстом. Так, например, при означивании участника волшебного-сказочного события *добрый молодец* → *young man* «выпадают» имплицитные семы *добрые намерения, добрая душа, чистое сердце* и т.п. Кроме того, трансляция смысла *добрый* через английскую *young* (букв. *молодой*) аксиологически недостаточно корректна, поскольку не оставляет людям почтенного возраста права на добрые намерения и чистые помыслы. С другой стороны, конвенциональность набора лиц сказочных сюжетов представлена общеизвестными оппозициями: *добрые vs. злые* и их воплощениями — *добрые молодцы* и *красны девицы vs. старцы* и *старушки*, а также *волшебницы, феи vs. дьяволы, бести*. Набор исчислим, если не учитывать конкретных «исполнителей ролей» в сказочных сюжетах [Корепова, 1992; РКП, 2004]. Вот ещё один пример:

• *И настгла их* ночь тёмная. — Night came making it pitch dark all around [Bulat The Brave, 2010].

Атрибутивное знание имеет сложную природу, часто сопоставимую не сколько с типичным блоком знаний, представленным фреймом, сколько со сценарными формами репрезентации. В переводе «ночь тёмная» также плеонастично, как и в оригинале, поскольку «светлых ночей» не бывает (за исключением «белых ночей»¹¹ в северных странах и северного сияния¹²), развёрнута в событие «наступление ночи», которое в буквальном прочтении эксплицируется: «*темнота [накрыла/сделала все темным], накрывшая все вокруг*».

Даже при пристальном сопоставительно-переводческом анализе текстовых фрагментов сказочных повествований рутинный «поход» переводчика к первоисточнику, к авторскому замыслу вряд ли способен обеспечить переводоведам однозначные выводы. Вместе с тем соположение текстов оригиналов и перевода — традиционный источник логического осмысления переводческих ресурсов и арсенала средств, которые определяют формат конечного переводческого продукта — текста перевода. Соотнесённость с виртуальными смыслами, сюжетами, сценариями, событиями и участниками этих событий, которая реализуется при восприятии текстов сказок, обуславливает возможность говорить о *переводе сказочных повествований как моделировании смыслов*. В этом аспекте перевод рассматривал, в частности, И.Э. Клюканов [Клюканов, 1998; ПММП, 1991].

О восприятии референтного события в разных перспективах в её корреляции с языковым узусом пишет В.З. Демьянков, сравнивая примеры из разных языков [Демьянков, 2001]. В частности, В.З. Демьянков отмечает, что, если, согласно Т. ван Дейку, «...упорядоченное множество “участников” и обстоятельств события приравнять к “статичным ситуациям” (состояниям), то изменение состояний, в частности событие, может быть описано как удаление, добавление или перестановка ролями объектов, свойств и отношений. Эти изменения, как и другие характеристики события, рассматриваются в определённой перспективе, связанной с языковым узусом» (цит. по: [там же, с. 317]). Подобное трансформирование события иллюстрируется вышерассмотренными и нижеприведёнными примерами.

Представляется, что текстовая репрезентация событий связана с их линейризацией. Репрезентация события посредством линейризации действий и состояний во времени и пространстве осуществляется, по нашему мнению, через рядоположение определённых опорных моментов развития события. Предлагаем назвать

¹¹ Это явление наблюдается в период солнцестояния (в северном полушарии — в июне, в южном — в декабре вблизи полярных кругов.

¹² Также «полярное сияние».

эти моменты *опорными точками событийности* и понимать под ними *микродействия* или *микродействия, последовательность которых отображает развёртывание (развитие) события во времени и пространстве.*

Развитие события в текстовой реальности оформляется предикативно связанной референцией посредством линейаризации действий (состояний) в определённой точке временного и пространственного континуумов. Иными словами, текстовые единицы или их последовательности, участвующие в формировании предикативного ядра, оформляют событийность как своего рода *точки событийности*. Лексемы (словоформы) и словосочетания, а также грамматические конструкции, фраземы и фигуры речи, участвующие в формировании предикативного ядра, идентифицируют временную и пространственную соотнесённость действий, процессов, событий или состояний, описанных в текстовом фрагменте. Так, реализуется вербализация событийности как линейная последовательность фиксации параметров события с помощью последовательной локализации их на временном континууме по отношению к заданной коммуникативным актом точке отсчёта и по отношению друг к другу [Власенко, 2010].

Следующие примеры взяты из одной сказки в двух английских переводах:

Едет Горшеня с горшками, дремлет. Вслед на тройке катит царь Иван Васильевич. Догнал Горшеню... [Горшеня // БМРНС, 1993, с. 62].

И уехал царь. В городе он приказал, чтобы на всех пирах и угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы посуда — только глиняная.

К тому времени Горшеня исполнил царский заказ и привёз товар в город [Горшеня // БМРНС, 1993, с. 63].

Once a potter was driving along the road with his pots and fell asleep as he went. Tsar Ivan the Terrible overtook him... [The Potter // RFT 1973 (1945), p. 208].

The tsar arrived in town and gave orders that everyone use only earthenware at all receptions, and that no silver, lead, copper or wooden dishes be set on the table [The Potter // RFT, 1973 (1945), p. 209].

A man called Pottenya was riding a horse drawing a cart load of pottery. He was dozing. Coming along behind him was the Tsar, Ivan Vasiliyevich, in a large coach drawn by three horses. The Tsar overtook Pottenya and said... [The Witty Potter // BBCRFT, 2010].

With this the Tsar went on his way.

When got to the town the Tsar decreed that everyone should use only pottery during festivities and celebrations and forbade using either silver, tin, copper-ware, or wooden plates and dishes [The Witty Potter // BBCRFT, 2010].

— *Если свезёшь меня на себе вот до такого-то двора, отдам тебе и товар, и все деньги* [Горшени // БМРНС 1993, р. 64].

— *Pull me to that house: then I will give you both the merchandise and all the money* [The Potter // RFT, 1973 (1945), p. 209].

— *If you take me with my cart as far as that yard over there, then I will give you back all the pottery and all your money as well* [The Witty Potter // BCRFT, 2010].

Рассмотренные выше примеры трёх фрагментов одной сказки, подтверждая мнение Н.К. Гарбовского о недостижимости точности в переводе или, скорее, о неприложимости этого понятия к естественно языковому переводу, обуславливают необходимость поиска другого критерия эквивалентности. Для сравнения приведём небольшой фрагмент из перевода известной сказки Б. Поттер на русский язык¹³, из которого следует аналогичный вывод о разных речезыковых средствах, используемых языками при реализации линейного рядоположения действий (состояний):

Mr. McGregor was quite sure that Peter was somewhere in the tool-shed, perhaps hidden underneath a flower-pot. He began to turn them over carefully, looking under each [Поттер, 1994 (1902), с. 36].

А мистер Мак-Грегор уж тут как тут. Он не сомневался, что Питер где-то здесь. Может быть, под цветочным горшком? Осторожно приподнял один — никого, приподнял другой — опять никого [Сказка про Питера Кролика // Поттер, 1994, с. 36].

В приведённых фрагментах наблюдаем расщепление фокуса референции, фиксирующей предикатные отношения.

В заключение отметим, что анализ текстов сказок с их переводами позволяет выявить определённые доминантные характеристики семантических преобразований при смене языкового кода. В частности, становится возможным заключить, что тексты сказок референтны прежде всего не миру как таковому, будь то реальный мир окружающей действительности или воображаемый, нереальный мир как основное место развития сказочных сюжетов и цепочек событий. При анализе переводческого процесса и его результата, текста перевода, видимо, правомерно говорить о том, что референциальность текстовых единиц, последовательностей или фрагментов реализуется опосредовано: через картину мира переводчика. Референциальная соотнесённость волшебного мира сказки и его «жителей» — внетекстовых сущностей, объективированных в текстах сказок, осуществляется посредством направленного поиска переводчиком на своём континууме знаний таких алгоритмов представления мыслимой (возможной, гипотетической) действительности, которая соотносима со сказочным повествованием, с последующим их опредмечиванием на переводящем языке.

¹³ Перевод выполнен Ольгой Григорьевой, ученицей Н. Демуровой.

Сопоставление текстов оригинальных произведений с текстами их переводов для анализа текстовых средств, используемых языками при оформлении событийно значимых единиц, позволяет приблизиться к описанию механизмов событийной референции. Представляется, что идентификация событийности переводимого текста как основы реферируемого и денотируемого смыслового пространства возможна посредством дальнейшей разработки проблематики референции в переводе.

Исследование событийной референции, по нашему убеждению, является одной из приоритетных задач переводоведения, в частности теории литературного перевода, в рамках которой разрабатываются и канонизируются алгоритмы и техники трансляции художественного, в том числе фольклорного, текста как сложного знака, кодирующего национально-специфические характеристики языкового сознания носителей того или иного языка. Полагаем возможным выразить уверенность, что изучение переводных соответствий текстов сказок в разных языковых парах составит один из потенциально важных источников выявления переводческих преобразований и трансформационных моделей смысла, опосредованных ярко маркированным национальным речевым колоритом.

Список литературы

- Адмони В.Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.
- Арутюнова Н.Д.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982. С. 5—40.
- Арутюнова Н.Д.* Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 411—412.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Идентификация событий: онтология, аспектология, лексикография (1992) // Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 167—180.
- Власенко С.В.* Перевод русской волшебной сказки: проблемы референции // Тетради переводчика: Науч.-теор. сб. / Под ред. проф. С.Ф. Гончаренко. М.: МГЛУ, 1999. Вып. № 24. С. 122—134.
- Власенко С.В.* Референция и референциальность в межъязыковом переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. Вып. 4. С. 3—28.
- Власенко С.В.* Референция и референциальность в межъязыковом переводе: диахронический ракурс // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. Вып. 1. С. 17—37.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

- Гарбовский Н.К.* Денотат и референт // Н.К. Гарбовский. Теория перевода. М., 2004. С. 278—283.
- Гарбовский Н.К.* Отражение как свойство перевода // Труды Высшей школы перевода (фак-та) Моск. ун-та. Кн. 1. 2005—2010. М., 2010а. С. 98—106.
- Гарбовский Н.К.* Перевод и смысл: к постановке вопроса // Труды Высшей школы перевода (фак-та) Моск. ун-та. Кн. 1. 2005—2010. М., 2010б. С. 107—111.
- Гарбовский Н.К.* Герменевтический аспект перевода // Труды Высшей школы перевода (фак-та) Моск. ун-та. Кн. 1. 2005—2010. М., 2010в. С. 112—122.
- Демурова Н.М.* Голос и скрипка: К переводу эксцентрических сказок Льюиса Кэрролла // Мастерство перевода. 1970: Сб. ст. / Правление Союза писателей СССР, Совет по художественному переводу. Вып. 7. М., 1970. С. 150—185.
- Демьянков В.З.* Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идеозтнические стратегии) // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001. С. 309—323.
- Ермакова Е.В.* Референтная имплицитность // Е.В. Ермакова. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) / Под ред. М.Б. Борисовой. Саратов, 2010. С. 91—111.
- Жирмунский В.М.* К вопросу о международных сказочных сюжетах (1967) // Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979. С. 336—343.
- Ирреалис 2004: Исследования по теории грамматики.* Вып. 3: Ирреалис и ирреальность / Под ред. Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2004. 476 с.
- Йокояма О.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов / Авторизованный пер. с англ. Г.Е. Крейдлина. М., 2005.
- Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М., 2009. 336 с.
- Клюканов И.Э.* Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование. Тверь, Тверск. гос. ун-т, 1998. 99 с.
- Козинцев А.Г.* Об антиреферентивной функции языка // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. ред. член-корр. РАН Н.Д. Арутюнова / РАН. Ин-т языкознания. М., 2008. С. 55—66.
- Корепова К.Е.* Волшебный мир // Русская волшебная сказка: Антология. М., 1992. С. 5—18.
- Кошелев А.Д.* О референциальном подходе к изучению семантики вида (опыт референциального описания видовых значений) // Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 30—52.
- Кошелев А.Д.* Классификация аспектуальных значений процессных глаголов по референтно значимым признакам // Тождество и подобие, сравнение и идентификация. М., 1990.
- Куйин У.О.* Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 24—98.

- Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979.
- Лотман Ю.М.* Текстовые и внетекстовые структуры // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 201—239.
- Мишкурин Э.Н.* Смысл перевода и перевод смыслов (социально-исторические, логико-философские и лингвокультурологические этюды) // Труды Высшей школы перевода (фак-та) Моск. ун-та. Кн. 1. 2005—2010. М., 2010. С. 122—138.
- Неклюдов С.Ю.* Отношение «текст—денотат» и проблема истинности в повествовательных традициях // Лотмановский сборник. Вып. 1. М., 1995. С. 667—675.
- ПММП 1991:* Перевод как моделирование и моделирование перевода: сборник научных трудов / И.Э. Клюканов. Тверь, Тверск. гос. ун-т, 1991.
- Пропин В.Я.* Трансформации волшебных сказок (1928) // Русская волшебная сказка: Антология. М.: Высшая школа, 1992. С. 434—451.
- Пропин В.Я.* Исторические корни волшебной сказки (1946) // Русская волшебная сказка: Антология. М., 1992. С. 425—433.
- Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 86—157.
- Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М., 1975. С. 8.
- Шабес В.Я.* Событие и текст. М., 1989.
- Шабес В.Я.* Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности. Событие и текст: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1990.
- Шафф А.* Введение в семантику / Пер. с польск. М., 1963.
- Эко У.* Референция и глубинный смысл // У. Эко. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с итал. А.Н. Ковалева. СПб., 2006 (2003). С. 166—191.
- Grosz D.J., Pollack M.E., Sidner C.I.* Discourse // Foundations of Cognitive Science / Ed. by M.I. Posner. Cambridge (Mass.), L.: The MIT Press, 1993. P. 437—468.
- Pyllyshyn Z.W.* Computation and Cognition: Toward a Foundation of Cognitive Science. 2nd ed., XXIII. Cambridge (Mass.), L.: MIT Press, 1984.
- Roberts L.D.* How Reference Works: Explanatory Models for Indexicals, Descriptions, and Opacity. Albany: State Univ. of New York Press, USA, 1993.

Лексикографические источники

- АРСЛС 2001:* Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Авт.-сост. А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.Н. Михайлов, П.Б. Паршин, О.И. Романова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
- РКП 2004:* Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / Авт.-сост. В.В. Красных, И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко. М.: Гнозис, 2004.
- СРЯ 1990:* Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М., 1990.

- ABBYY 2011*: ABBYY LINGVO xp5: Electronic Multilingual Dictionary. ABBYY Software Ltd., 2011.
- DS 2001*: A Dictionary of Stylistics / Compiled by K. Wales. 2-nd ed. Longman. Pearson Education Ltd., 2001.
- Random House Russian—English Dictionary of Idioms / Compiled by Sophia Lubensky. N.Y.: Random House, 1995.

Цитируемая литература

- Булат-молодец: Русские народные сказки. М., 1993.
- Горшеня* 1993 // Булат-молодец: Русские народные сказки. М., 1993. С. 62—66.
- Поттер Б.* Сказка про Питера Кролика: Параллельные тексты / Пер. с англ. О. Григорьевой. М., 1994. С. 6—57 (Сер. Полиглот).
- PHS* 1993: Русские народные сказки — Russian Fairy Tales / Пер. с рус. и литер. обработка параллельного текста Д. Мартин (США), Л. Лисицкая (РФ). М., 1993.
- Bulat The Brave*: Collection of Russian Fairy Tales / Transl. from Russian by Svetlana Vlasenko (Russia) / Ed. by Lynne Hulett (USA), М., 2010. (в печати)
- Folk Tales from the Russian* / Retold by Vera X.K. de Blumental. Chicago; N.Y.; L.: Rand, McNally & Co. Publ., 1903. 152 p.
- RFB* 2000 (1907): The Russian Fairy Book / Transl. by Nathan Haskell Dole. N.Y.: Dover Publ., Inc., 2000 (1907). 112 p.
- RFT* 1973 (1945): Russian Fairy Tales / Collected by Alexandr Afanas'ev / Transl. from Russian by Norbert Guterman. N.Y.: Pantheon Books, 1973 (1945). 662 p.
- The Potter // Russian Fairy Tales, 1973 (1945), P. 208—210.

Э.Н. Мишкuroв,

доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mishkurov@inbox.ru,

А.А. Немов,

адъюнкт Военного университета; e-mail: nemov.a.a@gmail.com

ХАРАКТЕРОЛОГИЯ ВОЕННО-РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА И ЕГО ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ К СПЕЦИФИКЕ АРЕАЛА РЕАЛИЗАЦИИ (на материале английского, арабского и русского языков)

В статье впервые в отечественном рекламоведении и науке о переводе системно исследуется комплекс вопросов, связанных с идентификацией сущности и состава военно-рекламного дискурса (ВРД), его психолингвистического и функционально-стилистического отличия от «бытовой рекламы». Показывается исключительная роль ВРД в жизни мирового сообщества и особенно в сфере конкурентной борьбы за рынки сбыта вооружения и военной техники.

Впервые в мировом востоковедении особенности арабского ВРД становятся предметом специального исследования.

Ключевые слова: военно-рекламный дискурс; военно-социальная/военно-политическая/военно-коммерческая реклама; военный перевод; арабоязычный рекламный ареал.

Eduard N. Mishkurov,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: mishkurov@inbox.ru

Aleksei A. Nemov,

Postgraduate student at the Military University, Moscow, Russia; e-mail: nemov.a.a@gmail.com

Characterology of the Military-Advertising Discourse and its Transnational Adaptation to Specificity of the Realization Area (on the English, Arabic and Russian Language Material)

For the first time ever in the advertising and translation studies in the country the authors carry out systems analysis of issues relating to the identification of the military-advertising discourse (MAD) essence and stylistic distinctions in comparison to household advertising. The paper presents, for the first time in the history of oriental studies, the peculiarities of the Arabic MAD as a subject of comprehensive linguistic and translation research.

Key words: military-advertising discourse, military-social/military-political/military-commercial advertising, military translation, Arabic advertising area.

1. Военно-рекламный дискурс как особый профессионально ориентированный вид институционального общения отражает комбинированный многокомпонентный социально-политический,

научно-технический и финансово-коммерческий феномен, облачённый в особые вербальные и невербальные этнопсихологические, лингвокультурологические и функционально-стилистические рамки. Он является важной неотъемлемой частью широкого общественного взаимодействия, охватывающего самые разнообразные области функционирования современного социума в странах с различным экономическим, социально-политическим и культурно-религиозным укладом.

Однако приходится констатировать, что военно-рекламный дискурс, несмотря на свою существенную значимость в «милитаризованной сфере» жизнедеятельности современного мирового сообщества в целом и в отдельных государствах и их блоках и союзов, в частности, ещё не стал в ряде своих репрезентативных аспектов предметом должного внимания специалистов в области теории и методологии рекламоведения и науке о переводе. Интуитивно практика рекламной деятельности и её переводческое сопровождение в разноязыком маркетинге значительно опережает их концептуально-теоретическое и научно-прагматическое осмысление и методологическую экспликацию. Очевидно, констатирует известный рекламовед К. Хопкинс, что «пришло время, когда реклама в хороших руках становится наукой <...> Как и во всякой науке, причины и следствия в рекламе изучаются вплоть до полного их понимания» [Хопкинс, 2007, с. 5].

Справедливости ради стоит отметить, что США и ряд западно-европейских стран преуспели в вопросах разработки и применения военной как социально-политической, так и коммерческой рекламы, умело используя её не только для внутренних целей, но и для проведения международных военно-психологических операций против своих реальных и, по их мнению, потенциальных противников, а также в целях повышения своей конкурентной способности на рынках вооружения и военной техники. Так, ещё в начале 40-х гг. XX в. в США перед службами по связям с общественностью и рекламе, входившими с 1942 г. в объединённый Военный совет по рекламе (War Advertising Council), ставились задачи по информированию населения о всех аспектах военной деятельности, поддержке правительства и его положительного имиджа внутри страны и за рубежом, формированию отношений партнёрства в промышленности, поддержке сотрудничества индустриальных структур и общественности. А в ходе Второй мировой войны наряду с широкой пропагандистской деятельностью делались и некоторые специальные «рекламные ходы». В частности, американская табачная компания сменила цвет упаковки сигарет Lucky Strike с зелёного на белый под слоганом «Зелёный цвет Lucky Strike ушёл на войну!» [Кужелева-Саган, 2004, с. 1—2]. Любопытна следующая «теологическая» акция спецслужб США — побуждение

Института языков к переводу Библии в первую очередь на языки тех регионов земного шара, которые представляли первоочередной интерес для ЦРУ [там же].

Характерной особенностью американской и западноевропейской рекламы в целом является целенаправленная связь её социальных, политических, коммерческих и культурных аспектов, обеспечивающая необходимое воздействие на менталитет населения, на его геополитическую ориентацию, нравы и обычаи, социальное и бытовое поведение. Американский учёный и публицист Филип Боноски убедительно продемонстрировал на конкретном материале резко усилившееся влияние рекламы на повседневную жизнь американцев в послевоенный период. Он писал: «Реклама, как известно, играет огромную роль в американской жизни, начиная от ежедневной продукции *131 тысячи агентов рекламных фирм, расходующих в различных районах страны два миллиарда долларов в год, и кончая коммерческой рекламой по телевидению и радио, в печати и, наконец, в президентских речах.* Американцы привыкли читать рекламные объявления за своим утренним кофе и не расставаться с ними до позднего вечера. <...> Средства и усилия, вкладываемые в рекламу её организаторами, не пропадают даром. Ибо скрытый подтекст рекламы — а это не что иное, как пропаганда американского образа жизни, — оседает у них в сознании.

Американцы точно так же читают и предвыборные речи политических деятелей... Рядовой американец постепенно приобретает навык извлекать содержание из читаемого из условных символов... Читатель приучается *не искать истину, а выбирать* между этими условными символами» [Боноски, 1980, с. 112].

В монографии «Чудо воображения» её авторы — психологи Ц.П. Короленко и Г.В. Фролова, подчёркивают, что в рекламной деятельности особое значение придаётся психологии воображения, которое внедряет и закрепляет в сознании людей некие «символические ценности, определяя тем самым образ жизни, мировосприятие, образ мышления» [Короленко, Фролова, 1975, с. 12]. Авторы проиллюстрировали этот тезис следующим примером. В ходе войны во Вьетнаме в США можно было повсюду видеть портреты здоровяка-новобранца, «поражающего воображение прохожих своей жизнерадостностью и целеустремлённостью, выражением решительности и воли». Надписи под ними были предельно лаконичны: «Война — это школа энергии. Только война способна создать настоящего мужчину. Записывайтесь добровольцем для отправки во Вьетнам» [там же]. Ясно, что после страшного поражения подобная реклама была спешно изъята из оборота и заменялась в зависимости от стоящих перед США задач «модифицированными вариантами». Так, для психологического «успокоения» солдат по поводу незаконного вмешательства в дела суверенного государства

в «New Media» был запущен ролик, показывающий араба с автоматом, насилующего американскую женщину.

Война — это отражение очень ярких явлений, эмоций, состояний, это часть жизни человечества, считают рекламодатели, а поэтому этот фактор не может игнорироваться рекламой: «Ролик против войны, ролик за войну, ролик против России...» — неперемнная часть рекламной деятельности в США и ряде западноевропейских государств—членов НАТО. Так называемые «компьютерные войны» — компьютерные игры (стратегии, РПГ, экшн), широко представленные в коммерческой рекламе, нередко несут социально-политическую нагрузку для скрытого продолжения «психологической войны» против «потенциального противника». Так, в рекламируемой новой видеоигре *Battlefields 3*, которая скоро должна появиться в продаже, военные действия разворачиваются, в частности, в центре Парижа, где нужно уничтожить средства ПВО, расставленные *русским спецназом* (!), затем, вызвав поддержку с воздуха, освободить захваченное им метро и т.д. [см.: Зачем нужна война в рекламе? 2011, с. 1—4; Логинов, 2011, с. 48].

Примечательно, что военная тематика используется в рекламе как в прямой постановке, так и в метафорической форме. Например, на фоне артиллерийской установки вдоль вздымающегося вверх орудийного ствола помещаются названия месяцев — с февраля по август. Два слогана справа и слева от неё соответственно гласят: «Рост акций нефтяных компаний США в 2003» (2003 Stock Prices of US Oil Companies) и «Понимать экономику — понимать весь мир!» (Understand the Economy — Understand the World. Les Echos) [там же, с. 4].

Как показывает анализ, социальная реклама является важным соединительным звеном между органами власти, общественными организациями и представителями бизнес-кругов. Выше уже шла речь о её военной составляющей, обеспечивающей, в частности, комплектование Вооружённых сил добровольцами-контрактниками. Важным «рекламным ходом» является установление «доверительных партнёрских» отношений с юношей по принципу «чем раньше, тем лучше». Приведём несколько примеров так называемой «гуманной рекламы» американских рекламных служб Вооружённых сил США.

В содержательном обзоре подобных военно-социальных рекламных акций, проводимых в США, Великобритании, Германии, Франции и Испании, составленном одним из экспертов ГШ ВС РФ, в частности отмечается, что «с помощью средств военной рекламы решается широкий круг задач: популяризация американской жизни, повышение престижа военной службы, формирование привлекательного образа ВС, воспитание у молодёжи чувства патриотизма, а у военнослужащих — гордости за принадлежность к вооружён-

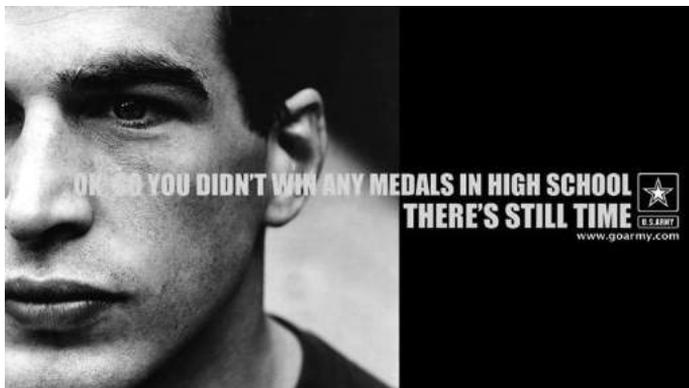

Рис. 1. OK. So you didn't win any medals in high school. There's still time.
Ладно, пусть ты не получил никаких медалей в школе. Но у тебя еще есть время

Рис. 2. Learn how to hip throw a terrorist.
Узнаешь, как справиться с террористом

Рис. 3. I will exceed my expectations. I am army strong.
Я превзойду свои собственные ожидания. Я смогу. Я в армии

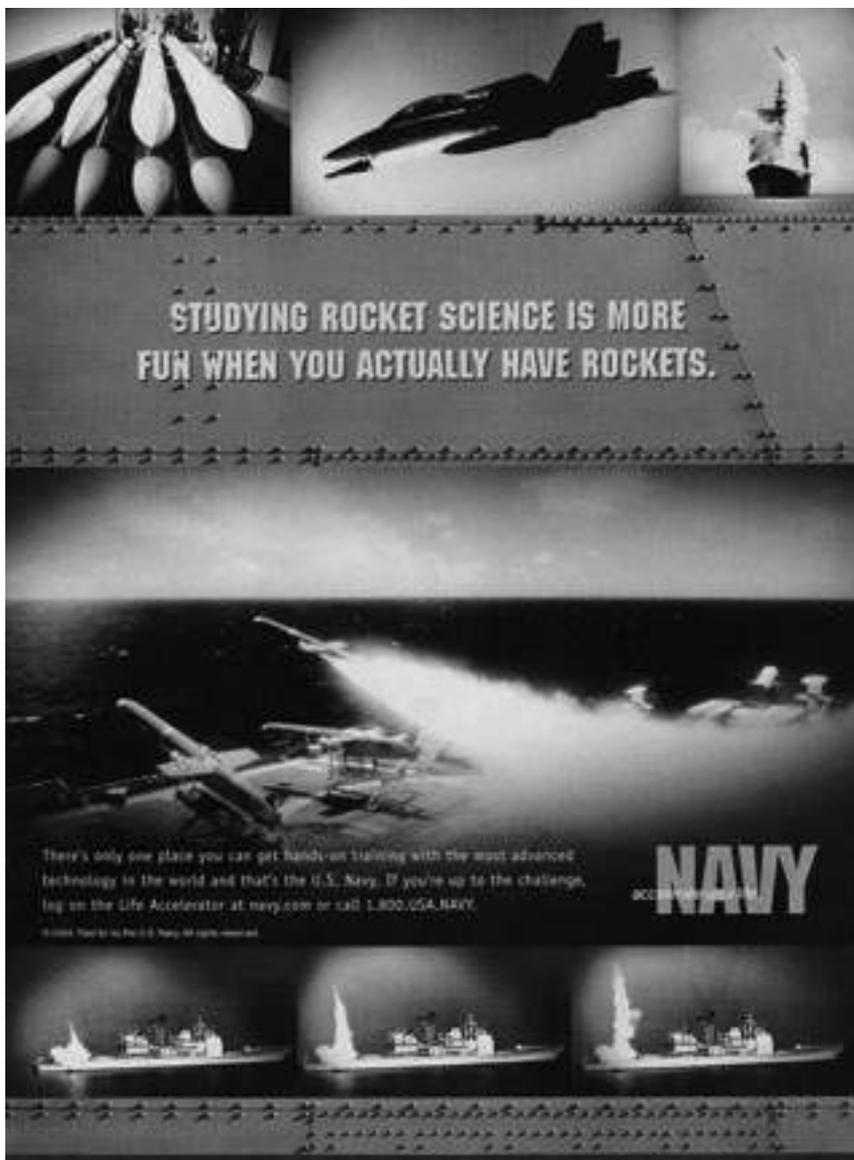

Рис. 4. Studying rocket science is more fun when you actually have rockets.
Изучение баллистики гораздо интереснее, когда ты запускаешь реальные ракеты
(ВМС США)

ным силам» [Копьев, 2011, с. 1—4]. Автор наглядно демонстрирует различные методы военно-рекламных служб в ВС указанных стран, а также различные медийные средства распространения соответствующих рекламных материалов. Так, например, отмечается все возрастающая роль Интернета в рекламной деятельности: все виды (рода) ВС имеют свои сайты; баннерная реклама ведётся на многих коммерческих веб-сайтах, что позволяет удерживать прочные позиции на рекламном рынке и добиваться роста количества обращений в ВС со стороны пользователей [там же].

Несомненно, положительный зарубежный опыт создания военно-социальной рекламы небесполезен для ВС РФ, которые постепенно переводятся на комплектование воинских должностей преимущественно по контракту, тем более что собственная рекламная продукция в данной области крайне далека от совершенства.

Американский журнал «Foreign Policy» исследовал качество военно-социальных рекламных роликов, созданных в разных странах на тему пропаганды военной профессии, и разместил их вместе на сервере YouTube. Сравнение рекламной продукции России, Украины, Швеции, Японии, Австралии, Канады и других государств показывает, что во многих из них «киновербовка» подаётся плоско, примитивно, что называется «в лоб», часто с глуповатыми, наивными сюжетами и репликами.

Исключения не составляет и российская реклама службы по контракту: она тривиальна, проста и малопривлекательна. К примеру, демонстрируется несколько картинок из геройской армейской жизни и телефон военного комиссариата Санкт-Петербурга и Ленинградской области, занимающегося набором контрактников. В ней нет какой-то особой идейной «фишки», которая бы зажигала сердца молодых ребят желанием служить непременно в крылатой гвардии (см. ролик социальной рекламы службы по контракту в ВДВ), на флоте и т.п. [Рекламу военной службы..., 2011, с. 1—6].

2. Что касается собственно военно-коммерческой рекламы, то к ней предъявляются принципиально иные маркетинговые требования, отвечающие повышенным запросам военных специалистов стран-импортёров к тактико-техническим характеристикам (ТТХ) приобретаемого вооружения, военной техники и др.

Рекламный субъязык документации к экспортируемому товару должен, как правило, строго соответствовать международной или принятой в соответствующей стране терминологии, а в целом — отвечать общим требованиям, предъявляемым к военному переводу (ВП) специальных текстов. Известно, что сфера ВП является «одним из видов специального перевода с ярко выраженной военной коммуникативной функцией», характеризуется «большой терминологичностью и предельно точным, чётким изложением материала при относительном отсутствии образно-эмоциональных вырази-

тельных средств» [Гарбовский, Мишкуров, 2010, с. 16]. В числе требований, предъявляемых к письменному ВП, существенными представляются нижеследующие:

— сохранение в переводном тексте рельефно очерченной профессиональной концептосферы источника, его информативно-объективной полноты;

— точная однозначная, логически корректно выраженная вербализация смысла содержания оригинала средствами ПЯ;

— коррелятивный подбор терминологической номенклатуры, соотносимых стандартизированных условных обозначений, сокращений и аббревиатур, специальных знаков-индексов и символов и т.п.;

— сохранение стилеобразующих характеристик оригинала в ПТ;

— воспроизведение нормативной архитектоники (структуры) иноязычного текста на ПЯ (с необходимыми комментариями при наличии существенных композиционных расхождений в построении военного текста на ИЯ и ПЯ) и др. Однако поскольку тексты рекламы вооружения, военной техники и снаряжения, военных учебных заведений и т.д., с одной стороны, относятся к военному подъязыку и составляют часть военного дискурса, а с другой стороны, находятся в поле рекламного дискурса, то переплетение этих особенностей создаёт особый, военно-технический (научно-технический) рекламный дискурс. Поэтому необходимо учитывать специфику, цели, задачи и направленность обеих составляющих данного дискурса. Следовательно, перевод подобных текстов будет отличаться от собственно военного перевода использованием большего объёма образно-эмоциональных выразительных средств, отвечающих решению задач рекламы, но также будет отличаться и от перевода рекламы других товаров и услуг большей формальностью, особой чёткостью и структурированностью.

Иллюстрацией к данным постулатам могут служить нижеследующие англоязычные примеры рекламных слоганов к представленной на продажу в арабские страны военной продукции:

— We focus. You see results.

«Мы фокусируемся. Вы видите результат» (реклама оптических систем).

Два простых предложения, специально разделённых точкой и не связанных в сложное предложение, создают впечатление диалога. Соответственно упрощается восприятие информации, и чётко определяется рема-тематическая структура высказывания:

— Global vision, global player!

В данном словосочетании удачно обыгрывается многозначный эпитет «global» — «всемирный, мировой; всеобщий; всеобъемлющий, глобальный» и т.п. В результате реклама военно-транспортных самолётов создаёт впечатляющий, запоминающийся образ типа «Широчайший обзор — мировой игрок!»;

— More than just shipbuilders!

«Больше, чем просто кораблестроение».

В рекламном тексте эксплицитными средствами создаётся образ компании, которая не ограничивается простым строительством и спуском на воду военных кораблей, а их дальнейшим техническим сопровождением, обеспечением необходимыми запчастями и оборудованием. Кроме того, судя по изображённой картинке, можно сделать вывод о том, что проектирование кораблей и их систем осуществлено таким образом, чтобы максимально эффективно обеспечить безопасность личного состава и непосредственно самого судна во время выполнения поставленных задач.

Российские военно-экспертные организации постепенно перенимают опыт оптимальной рекламной деятельности у американских и западноевропейских конкурентов на мировых рынках оружия, отказываясь от сухой, неэмоциональной рекламы, содержащей только ТТХ и фотографии рекламируемой техники. Ср. два ниже-следующих примера:

300-мм реактивная система залпового огня 9К58 «Смерч» предназначена для поражения живой силы, бронированной и небронированной техники на марше и на позициях, артиллерийских батарей, командных пунктов, узлов связи, уничтожения ВПП аэродромов и других целей

или более «продвинутый» в рекламном отношении текст с фотографией и соответствующим видеороликом:

Танки Т-80У, Т-90, «Чёрный орёл» являются гордостью российской военной техники. Эти бронемашинны известны во многих странах мира. Высокая скорость, маневренность и сверхпроходимость в совокупности с великолепной огневой мощью делают наши танки наиболее привлекательными по сравнению с зарубежными аналогами. Великолепная подборка видеоматериалов различных российских телекомпаний показывает во всей красе могучие танки нашей страны [RusArmy.com — Видео бронетехники вооружённых сил России, 2011, с. 1—4].

И в этой связи представляется совершенно неуместным продвижение на российский рынок игрушки-конструктора «Собери танк “Тигр”» в рекламно-заявительной привлекательной коробке с диском, на котором записан видеоролик с инструкцией по сборке немецкого «чудо-танка» Второй мировой войны. Невольно напрашивается вывод: может быть, целесообразно отдать предпочтение хотя бы зарубежным современным танкам типа «Леопард», что все равно не содействует развитию отечественного танкостроения?

В принципе верное предположение — «хорошая техника сама о себе говорит» — вовсе не означает, что ей не требуется помимо показов квалифицированное рекламное обрамление.

Это особенно важно, когда продукция предлагается такому «капризному» рынку, как некоторые арабские страны, конкурентная борьба за который никогда не прекращалась между СССР/Россией и странами НАТО [см.: Юрченко, 2011, с. 1—5].

Отрадно, что, осозная современные политические и военно-технические вызовы мирового сообщества, в Рунете создан интернет-портал «Оружие России», в задачи которого входит, в частности, повышение «авторитета России на международной арене как одного из ведущих мировых производителей широкого спектра продукции оборонного и двойного назначения, повышение имиджа российских предприятий (организаций) и их продукции с целью дальнейшего повышения её конкурентоспособности на международных рынках современных вооружений и военной техники, а также стимулирования интереса к ней потенциальных покупателей» [подробнее см.: О справочнике — оружие России, 2011, с. 1—3]. Важное место в его деятельности отводится анализу «результатов участия российских предприятий и организаций в салонах и выставках продукции военного и двойного назначения, рекламно-выставочной деятельности организаторов и организаторов российских выставок и салонов, а также того, что способствует росту авторитета России на международной арене и выпускаемой отечественной продукции» и т.д. [там же].

3. Для успешного продвижения российского оружия на современные арабские рынки важно изучить особенности арабского менталитета и рекламной деятельности в различных арабских странах.

Несмотря на то, что русско-арабские переводческие контакты имеют огромную историко-культурную базу в художественной, политико-экономической, социально-теологической, военно-технической и других областях межгосударственного сотрудничества, проблемы арабоязычной рекламной деятельности в отечественной арабистике практически не изучены. Поскольку объем товаров, производимых в арабских странах и экспортируемых в Россию, невелик (сладости, фрукты, туристические услуги), то для араб-

ской рекламы актуальным на настоящий момент представляется перевод рекламы с русского и английского языков на арабский. Соответственно и для российского рынка также актуален выпуск рекламной продукции на арабском языке, и прежде всего рекламы основной статьи экспорта в арабские страны — продукции вооружения и военной техники.

Рассмотрим некоторые особенности военного и военно-технического аспектов рекламного дискурса в арабоязычном континууме.

Важно отметить, что вопросами современной рекламы в настоящее время стали активно заниматься сами арабские учёные. Среди них А. Галли, Х. Шафай, И. Зейнаб, В. Аль-Мардуд и др.

Арабисты — европейские и американские — к глубокому изучению автохтонной арабоязычной рекламы пока ещё не приступали.

Реклама в её общепринятом виде получила в арабских странах мощный толчок в XX в., что было обусловлено приобретением политической независимости, возможности интеграции в мировой нефтяной рынок и т.д.

Необходимо отметить, что арабский рынок в основном ориентирован на Запад. Из западных стран импортируется широкий спектр товаров, начиная с продукции бытовой химии и заканчивая вооружением и военной техникой. И поскольку законодателями в сфере рекламных услуг также являются западные страны, то и основные принципы создания рекламного текста были заимствованы арабами в основном у английских, французских и американских специалистов.

Реклама на арабском языке отражает *диглоссийный характер* языковой ситуации в арабских странах. В ней используются как литературный, так и региональные арабские идиомы, т.е. арабский литературный язык и местные обиходно-разговорные языки (диалекты). Прежде всего реклама рассчитана на местного покупателя. Кроме того, широкое хождение имеют рекламные тексты на английском и французском языках, предназначенные соответственно для иностранных клиентов.

Зарубежные экспортёры оружия сопровождают свою продукцию рекламными переводами преимущественно на арабский литературный и английский языки.

Арабоязычные копирайтеры в различных арабских странах демонстрируют неодинаковые уровни профессионализма. Так, специалист в области PR Махир Салями констатирует, что, например, реклама в Иордании производится без должной подготовки. В этом, на его взгляд, кроется опасность, поскольку реклама влияет на образ, стиль жизни общества, рекламируя новые товары и услуги, которые «являются частью общественных изменений и социальной мобильности». Подготовительный же этап очень важен и должен включать в себя исследование целевой аудитории, начиная от воз-

раста, заканчивая настроением, основываясь на достоверных данных. В ряде же случаев складывается впечатление, что автор иного рекламного сообщения не понимает того, о чем пишет. «Это может быть директор компании или его жена, или сын, или секретарь, т.е. не специалист. И это сообщение точно не будет иметь ничего общего с целевой аудиторией» [см.: Зейдан, 2010].

Очевидно, Х. Шафаи говорит о том, что рекламировать — это не только информировать потребителя о товаре, но и убеждать его купить продукт, что может быть достигнуто только посредством создания какой-либо ценности или значения. Покупатели, по мнению автора, через изображение, вербальные средства или символы начинают соотносить себя с качествами и достоинствами рекламируемого продукта в повседневной жизни. Иными словами, реклама имеет дело не только с информацией, но и внешним видом как товара, так и потребителя. Создаются некие отношения между продуктом и значением или ценностью, которое привносится этим продуктом в жизнь покупателя. Реклама при этом призвана удовлетворять материальные потребности (еда, одежда и др.) и социальные желания (любовь, дружба и т.д.) покупателя через потребление товаров и различных услуг [Chafai, 2011].

Что касается арабоязычной рекламы военной техники, то ей присущи следующие характерные черты, свойства и особенности:

— содержит значительное количество транслитерированных иноязычных заимствований и калек;

— сохраняет оригинальную маркировку образцов техники и т.д. Рассмотрим ряд примеров:

(١) طائرات MH-60 العمودية. قفزة تكنولوجية للقوات البحرية.

«Вертолеты MH-60 — технологический скачок для ВМС» (реклама грузовых вертолетов). В тексте рекламируются американские многоцелевые вертолеты серии MH-60 (MH-60K, MH-60A Velcro Hawk, MH-60A Embassy Hawk, MH-60G Pave Hawk), предназначенные для выполнения специальных операций. Эти вертолёты оснащены различной современной аппаратурой, оборудованием и вооружением и действительно являются технологическим скачком в развитии ВМС;

(٢) عندما تحلق في الاجواء غير الصديقة، حلق من دون هزيمة.

«Находясь в чужом воздушном пространстве, будь уверен в своей безопасности» (реклама инженерно-производственной компании). В арабском языке одним из значений глагола “حلق” является «парить, летать». Дословный перевод следующий: «Когда ты летаешь в недружественном небе, летай без поражения». Смысл состоит в том, что если самолёт находится в воздушном пространстве про-

тивника, лётчик может быть уверен, что системы, произведённые рекламируемой компанией и установленные на борту, помогут ему избежать поражения со стороны сил ПВО противника. Данный арабский текст по своей структуре и лексике похож на кальку с английского: “When you fly the unfriendly skies, fly without being defeated”. Собственная военно-техническая терминология может быть территориально маркирована: например, для обозначения понятия «самоходная артиллерийская установка» —

الحركة مدفع ذاتي (общееарабский термин) в Египте, Сирии и Ираке используются соответствующие территориальные термины: مدفع الصولة, قانص, مدفع الاقتحام;

— русскому термину «снаряд» в арабской терминологии соответствуют несколько терминов: دانة, مقذوف, قذيفة, مقذوفة. Первый термин употребляется в иракских текстах, второй — в иракских и сирийских, третий — в египетских и сирийских, а последний — в основном в египетских текстах. Все эти термины, за исключением последнего могут употребляться для обозначения понятия «ракета» (наряду с более частотным термином صاروخ) [см.: Шитов, 1991, с. 190, 269].

В текстах используется стилистические допустимые, но нечастотные тема-рематические типы синтаксических конструкций, привлекающие внимание своей нестандартностью и образностью, например:

(١) معطيات متفوقة في ادارة المعارك.

«Открытые данные при управлении боевыми действиями» (реклама самолёта — воздушного центра управления).

В рекламе, изображающей самолёт, летящий над облаками, авторы обыграли значение слова “مفتوح” — «открытый; завоёванный». Получается, что в воздухе не только нет препятствий для получения различных видов информации, но и то, что благодаря рекламируемому воздушному судну эту информацию можно добыть, отвоевать у противника, находясь в его воздушном пространстве, ср. также:

(٢) المعارك تحدث بسرعة فائقة وكذلك يجب ان تتم الاتصالات.

«Бои могут быть скоротечными, а обстановка быстро меняться, но, несмотря на это, связь должна быть постоянной и бесперебойной» (реклама инженерно-производственной компании).

Текст актуализирован путём выноса на первое место подлежащего-темы, вследствие чего чётче воспроизводится информационная структура высказывания. Для повышения эмотивности образа

используется эпитет “فائق” — «превосходящий; большой; чрезмерный» с оттенком «сверх чего-то».

Рекламные сообщения могут быть двуязычны, т.е. арабоязычный текст сопровождается дубликатом обычно на английском языке (реже на французском или немецком) или, наоборот, к примеру, англоязычный текст сопровождается его арабоязычным эквивалентом:

For any threat, a solution to counter it.
MBDA protects you, wherever, whenever.

لاي نوع من التهديد. هناك حل لمواجهته

MBDA توفر لكم الحماية، في اي مكان، في اي زمان.

«Абсолютно любой угрозе... можно противостоять.

MBDA обеспечит вашу безопасность в любом месте, в любое время».

Рекламируемые ракетные системы импортируются из США на арабский рынок. Интересно, на наш взгляд, сопоставить английские словосочетания и их арабские эквиваленты: “any threat” — “اي نوع من التهديد” (досл.: любой вид угрозы), “to counter it” — “لمواجهته” (досл.: для противостояния с ним), “protects you” — “توفر لكم الحماية” (досл.: обеспечивает вас защитой), “wherever” — “في اي مكان” (досл.: в любом, каком бы ни (было) месте), т.е. это рекламное сообщение будет понятно лицу, как не владеющему английским языком, так и не владеющему военной тематикой, но от которого может зависеть принятие решения о закупке данного вида вооружения.

Дальнейшие углублённые исследования в данной области несомненно имеют существенное значение для развития лингвистики текста, теории и практики арабоязычных речевых актов.

В заключение подчеркнём, что все составляющие военно-рекламного дискурса — социально-политические, научно-технические и коммерческо-деловые, креативно реализованные в особых этнолингвopsихологических, лингвокультурологических и функционально-стилистических средствах выражения, в практической деятельности контрагентов находятся, как правило, в теснейшей взаимосвязи и взаимодополнительности. Военная реклама в силу пристального внимания к ней конкурирующих сторон более объективно (сравнительно с другими — «гражданскими» — видами) отражает научно-технический потенциал соответствующих государств — экспортеров военной техники, вооружения и снаряжения и их авторитет на международной арене.

Военно-рекламный дискурс в межкультурной коммуникации в значительной мере тяготеет к требованиям военного перевода, с одной стороны, но отличается от нормативных военных текстов более высокой степенью эмоционально-экспрессивной окраски — с другой.

В арабских странах военная реклама носит «креализованный» характер — она, как правило, насыщена иноязычными терминами и кальками, нередко двуязычна, отличается территориальной вариативностью в выразительных средствах.

Список литературы

- Боноски Ф.* Дезинформация на службе «психологической войны» // Коммунист. 1980. № 5. С. 110—121.
- Гарбовский Н.К., Мишуров Э.Н.* Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 2. С. 16—41.
- Зачем нужна война в рекламе. <http://www.rb.ru/office/officestory/officestory/2008/10/24/095823.html>; <http://www.rb.ru/inform/95537.html>, 27.08.2011.
- Зейдан Редда.* Воздействие рекламы на потребителя. <http://www.chihab.net/modules.php?name=News&file=article&sid=2039>, 15.11.2010.
- Копьев А.Д.* Новобранца нужно сначала вырастить // Независимое военное обозрение. Рекламные трюки «военных» Запада. http://nvo.ng.ru/spforces/2005-03-25/7_advert.html. с. 1—4. 01.08.2011.
- Короленко У.П., Фролова Г.В.* Чудо воображения (воображение в норме и патологии). Новосибирск: Наука. Сибирское отд., 1975. 210 с.
- Кужалева-Саган И.П.* Генезис и история Паблик рилейшнс: анализ интерпретаций. Томск: Дельтаплан, 2004 <http://www.referat.ru/referats/view/29153>, 01.08.2011.
- Логвинов А.В.* Battlefields 3 // Игромания. Август 2011. № 8. С. 48—50.
- О справочнике — Оружие России. <http://www.arms-expo.ru/049056048057.html>. 04.08.2011. С. 1—3.
- Рекламу военной службы убивают примитивизм и глупость. <http://www.advertology.ru/article10684.htm>; <http://kp.by/daily/24550/727498/>. С. 1—6. 27.08.2011.
- Хопкинс К.* Научная реклама. М.: Эксмо, 2006. 128 с.
- Шитов Б.А.* Учебник арабского языка. Военный перевод (начальный курс). М.: ВКИ, 1991. 321 с.
- Юрченко В.П.* Военно-техническое сотрудничество России с арабскими странами: состояние и перспективы. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/20-05-03.htm>; <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/20-05-03.htm>. С. 1—8. 04.08.2011.
- Chafai Habiba.* Gender and the language of advertising: a sociolinguistic analysis of women's representation in British and Moroccan magazine advertisements. <http://repositorium.sdum.uminho.pt/bitstream/1822/7921/3/Thesis-Habiba.pdf>. 06.06.2011.

- Gully, Adrian.* The discourse of Arabic advertising: preliminary investigations // Journal of Arabic and Islamic Studies. 1996—97. N 1. http://www.lanacs.ac.uk/jais/volume/docs/vol1/1_001-49_GULLY07.PDF
- RusArmy.com — Видео бронетехники Вооружённых сил России. http://rusarmy.com/video/video_default.htm. С. 1—4. 01.08.2011.
- Zeinab, Ibrahim.* Borrowing in Modern Standard Arabic. http://www.inst.at/trans/16Nr/01_4/zeinab16.htm، الرياض، العربي، الدفاع № 8. 05.2009 (Arab Defense Journal, Riyadh) ، الامن، ابو ظبي، № 425. 09.2009. № 4. 28.06.2010. 06.2010 (Security Journal, Abu Dhabi).

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Коростелёва А.А.,

кандидат филологических наук филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент; e-mail: korostelleva.a@gmail.com

ПРОБЛЕМА РУСИФИКАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ДОРОЖКИ В ЗВУЧАЩЕМ ПЕРЕВОДЕ (ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В КИНО)

Коммуникативная русификация речевой дорожки в звучащем переводе фильма «Явление» (The Happening, США, 2008) выявляет ряд базовых расхождений в области проявления эмоций в русском и английском языках и демонстрирует яркие типологические особенности русского языка на данном отрезке системы. Отбор коммуникативных средств на трёх уровнях — целеустановка, конструкция, средство — приводит к формированию типично русских языковых стратегий, адекватно воспринимаемых зрительской аудиторией.

Ключевые слова: семантика коммуникативного уровня языка, переводной кинодиалог, эмоциональный диалог, типологические особенности русского языка.

Anna A. Korostelyova,

Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: korostelleva.a@gmail.com

Dialogue Communicative Russification in Film Translation (Emotional Speech in Movie Dubbing)

The communicative russification of speech in the dubbed version of the movie “The Happening” (The Happening, USA, 2008) reveals a number of fundamental discrepancies in the emotional display area of the Russian and English languages. It also shows some significant typological features of the Russian language in emotional displaying. Selecting the communicative tools on three levels — the aim, the construction and the means — tends to form typically Russian linguistic strategies, adequately perceived by the audience.

Key words: the semantics of communicative level of language, movie dialogue translation, emotional dialogue, typological features of the Russian language.

Выделяя *коммуникативный уровень* русского языка как систему, семантика которой связана с позицией говорящего, позицией слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуацией, мы противопоставляем его номинативному уровню языка, передающему информацию о действительности, преломлённую в языковом сознании говорящего. Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия целеустановки, вариативного ряда структур, её выражающих, и инвариантных параметров средств, формирующих эти структуры. Инвариантные значения коммуникативных единиц подчиняются определённым законам реализации (алгоритм антонимического развёртывания параметров

и возможность отнесенности к позиции говорящего, слушающего и к ситуации). Средства коммуникативного уровня языка могут быть разделены на две группы: это собственно коммуникативные средства, для которых функция выражения коммуникативных значений является первичной (частицы, междометия, интонация, порядок слов), и средства, которые могут передавать номинативное содержание высказывания, но способны также участвовать в формировании значений коммуникативного уровня (полнозначные лексические единицы, части речи и грамматические категории — вид, время, число, падеж) [Безяева 2002, 2005]. При анализе интонационных средств мы основываемся на интонационной транскрипции, разработанной Е.А. Брызгуновой [Брызгунова, 1980, 1982].

Известно, что в традициях русской школы дублирования заложен уход от русификации. В норме это выражается в «неперегруженности» переводного кинодиалога русскими коммуникативными единицами, в отсутствии сугубо русского приёма коммуникативного дублирования (как на уровне конструкций, так и на уровне отдельных средств со сходными параметрами), в отборе интонационных средств и т.д.

Жанр фильма-катастрофы предопределяет изобилие эмоциональных целеустановок, связанных с выражением страха, опасения, растерянности, недоумения, сочувствия и др. «Учащённость» от свойственных русскому диалогу собственно коммуникативных единиц (в первую очередь частиц и междометий), смысл которой обычно в том, чтобы не сделать общение иностранных героев на экране узнаваемо русским, именно в этом жанре оказывается уязвимым аспектом перевода. Стремление не впасть в русификацию по понятным причинам губит эстетический посыл фильма-катастрофы, обеспечивая непреодолимую грань между персонажами фильма и русскими зрителями, в то время как идея такого фильма во многом базируется на сочувствии зрителя герою.

Основная масса переводных диалогов в американских фильмах-катастрофах выполнена по принципу сохранения возможной близости к целеустановке, использованной на данном месте в оригинале, а иногда даже и к способу её выражения. В качестве крайнего проявления возможно коммуникативное калькирование (“I know” — «Я знаю», когда контекст требует перевода «Господи, горе-то какое!»; “Everything OK?” — «Всё хорошо? / Всё нормально?», когда ситуация предполагает перевод «Ты жив?» или «Отзовись!» и т.п.), которое, как правило, приводит к сбою при восприятии значения реплики зрителем. Попытка переводчиков держаться по возможности ближе к оригинальным целеустановкам американского фильма в диалоге с резко повышенным эмоциональным фоном неизменно даёт один и тот же эффект: закрывает для русского зрителя

возможность отождествлять себя с героями и сопереживать им. Рассмотрим пример:

На тонущем корабле. Герой видит, что единственная лестница, по которой можно было бы выбраться наверх и спастись, погребена под завалом из горящих перекрытий:

2³

— У нас проблема! // (“Посейдон”, 2006)

Структура «у нас проблема» в русском описывает, как правило, ситуацию неожиданно возникшей бытовой неувязки (взяли с собой бутылку, но забыли штопор; должны привезти посылку, но никого не будет дома и т.п.), разрешающейся в обозримое время путём приложения дополнительных (но не героических) усилий. В приведенном примере структура может трактоваться русским зрителем либо как свидетельство исключительного бесстрашия героев, проявляющих чувство юмора даже в смертельной опасности, либо как признак необъяснимой неуязвимости персонажей, условности, «игрушечности» их природы.

На фоне этого и сходных переводов довольно заметно выделяется работа, проделанная командой дубляжа при переводе фильма «Явление» (“The Happening”, США, 2008). Нельзя не отметить, что все художественное «послание» фильма «Явление» зиждется на эмоциональном слиянии зрителей с героями; собственно базовая идея картины в том и состоит, что такое может случиться с каждым, со всеми нами, в любой момент, мы едины и нам следует мыслить себя как часть человечества. Утрата этой идеи в переводе обесмыслила бы сюжет в целом, и тем ценнее в данном случае усилия, предпринятые переводчиком и актёрами озвучания, что, отходя от негласных стандартов перевода голливудских фильмов-катастроф, они спасают замысел и значение картины. Содержание фильма вкратце таково: на восточном побережье Соединённых Штатов происходят загадочные выбросы токсинов, вызывающие немедленную эпидемию самоубийств. Герои фильма бегут вместе с другими, такими же напуганными беженцами, пытаясь выбраться из зоны поражения. Постепенно становится понятно, что смертельные токсины спонтанно выбрасывают деревья, обеспокоенные перенаселённостью планеты и угрозой, которая исходит от человечества. Панический диалог в фильме доминирует, занимая практически всю речевую дорожку. Финальная сцена, где показано, как это мрачное “явление” перебросилось уже на Францию, даёт понять, что человечество — это единый континуум, не поделённый государственными границами, и в случае серьёзной катастрофы противостоять происходящему мы будем все на равных.

Рассмотрим ряд эпизодов «Явления». Обратим внимание на то, что авторы дубляжа вынуждены радикально отходить от структур, используемых в оригинале, равно как и от конкретных эмоциональных целеустановок там, где их сохранение разрушило бы русскую модель эмоционального реагирования.

Главные герои в поезде, эвакуирующем людей из зоны поражения. Эллиот протискивается к тому месту, где сидит Альма.

Оригинал:

Фон: “...ouch! No... I don’t think I... ..my daughter... Do you have a phone? Sorry, I don’t... don’t have a phone... Do you have a phone?”

Эллиот: Are you OK?

Альма: They say Boston got hit too!

Эллиот: How do you hear that?

Альма: A phone from work! What about Ivette?

Эллиот: OK, she made out in a bus.

Альма: What the hell is going on, Ellie?

Фон: “I have no idea...”

Эллиот: Oh, you see, don’t know!

Русская версия:

Фон: «...тебя не слышно! // Алло! // Алло! // Не слышно... //
 — Извините, у вас нет телефона? // — А? // — Извините, у вас...
 нет телефона? // — Нет, / нету // — ...нет телефона».

Эллиот: Ну как ты?

Альма: Слышал, / в Бостоне тоже беда?

Эллиот: Кто тебе сказал?

Альма: Коллега с работы // . А как там Иветт?

Эллиот: Ей удалось сесть в автобус.

Альма: Что ж это происходит, Эллиот?

Эллиот: Ничего не понимаю.

Вопросу Are you OK? соответствует русское Ну как ты?; заметим, что переводчик отказывается от «традиционных» вариантов перевода этой структуры со словами *хорошо*, *о’кей* и *в порядке* («С тобой все хорошо?» и т.п.), так как в русском в ситуации заведомо

Очень примечательно, что из вопроса Альмы (What the hell is going on, Ellie?) исчезает пейоративный элемент (what the hell). Использование в соответствующей русской реплике ругательства («Что, черт возьми, происходит...?» и под.) уменьшило бы сочувствие зрителей героине, так как использование в речи ругательств в нашем представлении подразумевает активное воздействие говорящего на мир (или готовность воздействия на мир), и героиня, применяющая пейоративную лексику, достаточно уверена в себе и активна, не беспомощна, а боевой настрой не требует от зрителей такого сопереживания, как беспомощность. Вместо этого в русском высказывании появляются *же* ('должное не имеет места'), *это* ('недолжное имеет место') и ИК-3 (невозможность сориентироваться в происходящем, порождающая эффект полной растерянности): Что ж это происходит, Эллиот?

В зале ожидания на вокзале к Эллиоту обращается пожилая женщина.

Оригинал:

Женщина: Oh my God. My God, look at this. My sister sent it to me. It was taken an hour ago in the Philadelphian zoo. (*Смотрят видеозапись с очередным спонтанным самоубийством*). Mother of God, what kind of terrorists are these?

Русская версия:

Женщина: О Боже // ¹ Вы / ⁶ посмотрите // ¹ Мне сестра скинула запись // ¹ Это снято в зоопарке, / ⁶ в Филадельфии, / ⁶ час назад // ¹ (*Смотрят видеозапись с очередным спонтанным самоубийством*). ^{6/} Матерь Божья, / [\] что ж это за... [/] террористы ² такие?

Слово *боже* передаёт желание говорящего дистанцироваться от небенефактивной ситуации в целом, *о* говорит о несоответствии предположений говорящего о ходе развития ситуации действительности. Типично русский комплекс коммуникативных единиц возникает в заключительном высказывании: *что за* (незнание, отсутствие представления о характеристике объекта применительно к ситуации, отсюда — недоумение), *же* — 'должное не имеет места', *это* — «недолжное имеет место», и, наконец, *такие* активизирует параметр нормы и следствия (нарушенная норма и небенефактивные следствия: '...что столько людей из-за них гибнет', '...что люди гибнут так страшно и необъяснимо'). Сумма взаимодействующих друг с другом коммуникативных единиц даёт исключительно русскую эмоциональную реакцию: это недоумение и страх *русской* старухи, жалеющей погибших, а может быть, и начинающей подо-

зреть, что власти обманывают людей, что нет и не может быть таких террористов, что источник угрозы на самом деле неизвестен.

Собравшиеся на станции в Филберте беженцы слушают телевизионные новости, пока не выключается электричество.

Оригинал:

Мужчина из толпы: They are not sure it's terrorist now.

Диктор (по телевизору): ... moments ago in the official statement the government moves away from the official position that this was a terrorist attack. Authorities are now feeling by the sheer number of the incidents being reported that the terrorist group being responsible is becoming less and less likely. The event appears to be limited to the North-East where smaller and smaller towns are being attacked.

Мужской голос: Where are we?

Диктор: The affected area now includes most of New England from Massachusetts to Maryland.

Один из пассажиров (показывая пальцем точку на карте на экране): Then that's it?

Эллиот (Джулиану, напряжённо глядящему на дисплей телефона): Everything OK?

Диктор: ...smaller towns...

Мужчина: If we stay here... we are gonna die here. (*Неразборчивые женские причитания*). Whatever this is... It looks like it's not occurring about ninety miles from here.

Голоса: Let's go... let's get out of here...

Русская версия:

Мужчина из толпы: У них сомнения, / что это террористы.

Диктор (по телевизору): По мнению наших экспертов, / все происходящее в стране мало напоминает спланированные теракты // . Теперь власти считают, что количество таких случаев слишком велико // . То, что за ними стоят террористы, кажется все менее и менее вероятным // . Это явление наблюдается только на северо-востоке // . Под ударом оказываются уже и маленькие города..

Мужской голос: А где мы?

Диктор: ...поражение распространилось на большую часть Новой Англии, / от Массачусетса до... Мэриленда.

Один из пассажиров (показывая пальцем точку на карте на экране):

2
Посередине.

6
Диктор: Сообщения о случаях поражения к западу от Аппалачей...
Эллиот (Джулиану, напряжённо глядящему на дисплей телефона):

3
Есть сообщение?

Диктор: Сейчас учёные всей Земли изучают это смертельно опас-
1
ное явление...

Отключается электричество. Все ахают.

6 2³
Пожилый мужчина: Если останемся здесь, / тут все и погибнем.

Женский голос: Ой, господи, < да что же нам делать?

6/
Мужской голос: Что бы это ни было, / в девяноста милях отсюда
2\
(с убыстрением) оно не происходит //. (Все устремляются к выходу).

2\
Надо выйти за границу штата.

Со временем все более и более становится заметно, что персонажи «Явления» на речевом уровне решают возникающие перед ними задачи так, как это сделали бы русские, и реагируют на происходящее с ними так, как русские. Степень отхода от способа выражения, представленного в оригинале, при этом варьируется так, как того требует ситуация, — иногда, как будет показано ниже, для достижения сходного эстетического эффекта необходимо заметить и целеустановку, и содержание высказывания полностью.

В приведённом эпизоде представлены целые каскады типичных для панического диалога русских коммуникативных единиц, передающих затронутость личной сферы говорящего (*тут, господи*), неготовность воспринять новую внезапно обрушившуюся действительность (*ой*), неадекватность ситуации представлениям говорящего о норме (*да*), значение 'должное не имеет места' (*же*), попытку войти в новую ситуацию (*а*). С этой точки зрения, Ой, господи,
2 <
< да что же нам делать? — это классическое *русское* выражение страха и растерянности, апеллирующее к сознанию русского зрителя напрямую через интуитивно воспринимаемые коммуникативные параметры и активизирующее у русских полное отождествление себя с персонажем. Той же цели служит выбор в пользу *тут* в

тут все и погибнем, и придыхание, передающее сильную эмоциональную вовлечённость говорящего в происходящее (в данном случае — страх):

Посередине. Очень характерен перевод вопроса Эллиота к Джулиану, безуспешно пытающемуся связаться с женой:

3
Есть сообщение? (в оригинале — Everything OK?). Подчеркнём, что вопрос типа «Всё в порядке? / Всё хорошо?», формально воспроизводящий структуру оригинала, в данной ситуации в русском совершенно невозможен. Он заменяется конкретным деловым вопросом по сути, что как раз обусловлено сильной тревогой и сочувствием говорящего. Его интересует судьба Иветт, и интересуется так же остро, как самого Джулиана, поэтому он с ходу спрашивает главное: есть сообщение — нет сообщения; более общий, «размытый» вопрос о том, как вообще дела, не способен передать этот смысл, тогда как вопрос о том, всё ли хорошо, может быть воспринят только как исходящий от человека, равнодушного к беде Джулиана, от человека, в личном миреке которого действительно может быть все благополучно, когда пропала жена друга.

Оригинал:

Эллиот и Альма со случайными попутчиками бегут из Филберта, надеясь выбраться за границы зоны поражения.

Попутчик: Oh, it's the army, we are safe!

Солдат: My name is Private Auster. I'm stationed at Westover military base about... ten up... ten miles back. I think they've been affected by whatever's happening. I lost communication with them. When I approached the base, I saw... military personnel in... the barbed wire in... the fence. So I suggest no one take that road.

Попутчик: There's a town about eight miles behind us. There were bodies on the road into town.

Солдат: Cheese and crackers... Oh, that still leaves us two directions... Oh, just... stop! Stop! Where you go... are you alright?.. Hope you are OK...

Попутчица: I'll talk to them... Hello! Can we talk? Excuse me...

(...) *Эллиот пытается связаться по мобильному телефону с Джулианом.*

Альма: Any luck?

Эллиот: I can't get hold of them on the cellphone.

Альма: I am sure they'll be allright. They'll be okay.

Эллиот (шёпотом): May be he is on to something...

Альма (шёпотом): What are you talking about?

Эллиот (шёпотом): I don't know... Why did it start in the parks...

Солдат: They say it is the same story — about eight-nine miles back... They say there is a... bus... in a lake...

Попутчица: Five miles back! There are dozens of bodies!

Солдат: OK. Nobody is going anywhere! We are gonna... stay right here... for a while...

Люди из нескольких съехавшихся машин толются на перекрёстке.

Попутчик (подбегает): There is a woman talking to a daughter... She's talking to a daughter in Prinstone... isn't it where your friend went?

Эллиот: Come on!

Женщина с телефоном: It's okay... honey... honey, it's okay... you... ah, she is so scared... You just... you just stay in that room, you don't open the door for no thing... just keep watching up the window with the tree, baby... someone will come and get you soon...

Эллиот: Tell her... tell her not to go near the window with that tree... Just tell her!

Женщина с телефоном: Baby, don't go near the window with the tree...

Эллиот: Ask her if Prinstone is been affected!

Женщина с телефоном: Honey... s-someone wants to know if... if... if Prinstone had any problems... She says everyone is dead outside... You just stay in your room, you... Honey! Honey... Honey, you are talking funny, what's wrong with you...

Русская версия:

Попутчик: О, / военные! // Мы спасены.

Солдат: Моя фамилия Остер // Я / служу на военной базе Вест-оувер // Она в десяти милях // У них там тоже отравляющее вещество // Сперва / прервалась связь с ними... // а... э-э... я подъехал к базе, а они... // В общем, военные... / н-на... проволоке... / они... мертвы! // В-вам нельзя ехать в ту сторону!

Попутчик: Позади нас остался городок // На дороге к нему лежали трупы.

Солдат: Господи Иисусе! // Остаются только две дороги // Так что...

С третьего направления подъезжает ещё машина.

Солдат (бежит к ним, на бегу скрепя руки над головой):

2 2 2
Стойте! // Остановите машину! // Остановитесь!

Мужчина: Что случилось?

Обрывки разговора: “Никто не пострадал? // Мы не можем ни с кем связаться!.. // Вы видели что-нибудь необычное (?) на дороге?...”. По четвертой дороге подъезжают ещё две машины.

Попутчица: Я поговорю с ними // Эй! // Остановитесь, пожалуйста! // Извините... // Что там?..

Обрывки разговора: “Мы хотели проехать по прямой, / а там... автобус в озере... // — Господи, / какой ужас! // ...ни с кем связаться // А у вас? — У нас тоже // — Да // — Да, / хотел набрать...”. (...).

Альма: Что-то есть?

Эллиот: Не могу дозвониться Джулиану.

Альма: С ним все будет хорошо // С ними обоими.

Эллиот: Может, он в чём-то прав? // (Показывает глазами на попутчика, ранее утверждавшего, что смертельные токсины выделяют деревья).

Альма: О чём ты говоришь?

Эллиот: Я не знаю // Все началось с парка.

Солдат (подбегает): Везде одно и то же: // нет живого места // Там автобус // В озере // Видна только крыша.

Попутчица: Кругом в пяти милях — / везде только ↓ мёртвые.

Солдат: Ладно // Ехать пока некуда // Так что... / отсидимся здесь, / хорошо? //

Попутчик (подбегает): Тут мать дозвонилась дочке // А дочка / как раз в Принстоне // Ваш друг вроде там?

Эллиот: Пошли.

Женщина с телефоном: ↑ Ничего // Стейси! // Стейси, ты цела? // Ты... // Ей так страшно! // Только... / ты оставайся в комнате, / и дверь никому не открывай // Смотри в окно, / под которым растёт дерево, / кто-нибудь придет и спасёт...

Эллиот: Нет, / нельзя... подходить к окну, под которым дерево // Скажите ей!

Женщина с телефоном: Нет, / (с убыстрением) не подходи к окну, под которым дерево!

Эллиот: Спросите: Принстон... / попал под удар?

Женщина с телефоном: Детка, // тут один человек тебя спрашивает: / как в Принстоне? // Что у вас там? // (плачет) Сказала: одни трупы на < улицах // Ты только сиди в комнате... // Детка, // ты как-то странно говоришь, / что с тобой?

В этом эпизоде проделана огромная работа по расстановке коммуникативных смыслов, диктуемых законами русской языковой системы. Проанализируем причины лишь некоторых решений переводчика.

Рассмотрим, как преобразуются в русской версии реплики героев, принёсших плохие вести:

Оригинал:

Солдат: They say it is the same story — about eight-nine miles back... They say there is a... bus... in a lake...

Попутчица: Five miles back! There are dozens of bodies!

Перевод:

Солдат (подбегает): Везде одно и то же: // нет живого места // Там автобус // В озере // Видна только крыша.

Попутчица: Кругом в пяти ми-
лях — / везде только ↓ мёртвые.

В отличие от английского “it is the same story”, в русском оборот «везде та же история», на первый взгляд аналогичный по смыслу,

неприменим к данным обстоятельствам: он является реакцией на незначительное нарушение нормы, содержит оттенок лёгкого раздражения и для ситуации, когда на много миль кругом все мертвы, оказывается слишком легкомысленным. В то же время вводится ни к чему в оригинале не восходящий, но органично выглядящий в этом контексте оборот «нет живого места». В оригинале солдат дважды ссылается на опрошенных им людей (they say — ‘они говорят’) и даёт точные данные — «в семи-восьми милях отсюда»; в русском переводе он под таким огромным впечатлением от услышанного, что говорит, ни на кого не ссылаясь, как бы от себя, как будто он все это видел своими глазами; информативная часть с цифрами при этом опущена, а образная напротив — усилена («видна только крыша»). Реплика попутчицы также модифицирована совершенно определённым образом: высказывание There are dozen of bodies (букв. ‘там дюжина трупов’, в более естественном переложении — ‘десяток трупов’) в русском озвучании появляется

¹²
в виде “везде только ↓ мёртвые”. Здесь также опускаются конкретные цифры (не важно, сколько именно мёртвых, важно, что нет никого живого), *только* обозначает реализованность максимально небенефактивной ситуации на фоне нереализованности той, на которую они слабо надеялись (что одна из дорог всё же окажется не такой опасной), ослабленная ИК-2 на слове «мёртвые» противопоставляет этот единственный вариант всем прочим, а понижение фонетического регистра в конце синтагмы передаёт смысл ‘страшно и говорить об этом’. Таким образом, мы видим достаточно серьёзную переработку реплик, цель которой, несомненно, в том, чтобы русской аудитории *также становилось страшно от них* (чем меньше цифр и конкретной информации, чем меньше известно и чем ярче образы, тем страшнее сказанное в восприятии русского зрителя).

Речь женщины, говорящей по телефону с дочерью Стейси в Принстоне, оказывается вся “переложена” переводчиком и актрисой на русский лад. Все, что мешает этому в оригинале, просто игнорируется, оставляется без перевода, замещается другими оборотами.

Оригинал:

Женщина с телефоном: It’s okay... honey... honey, it’s okay... you... ah, she is so scared... You just... you just stay in that room, you don’t open the door for no thing... just keep watching up

Перевод:

Женщина с телефоном: ↑ Ничего // Стейси! // Стейси, ты цела? // Ты... // (Дрожащим голосом) Ей так страшно! // Только... / ты ос-

the window with the tree, baby...
someone will come and get you
soon...

Эллиот: Tell her... tell her
not to go near the window with
that tree... Just tell her!

Женщина с телефоном:
Baby, don't go near the window
with the tree...

Эллиот: Ask her if Prinstone
is been affected!

Женщина с телефоном:
Honey... s-someone wants to
know if... if... if Prinstone had
any problems... (*Слушает от-
вет*). She says everyone is dead
outside... You just stay in your
room, you...

В оригинале мать повторяет дочери, что все хорошо (It's okay...
honey... honey, it's okay...), что в русской версии исчезает и замеща-
ется вопросом: Стейси, ты цела?¹ (при этом обращение “honey”
заменяется просто именем девочки. Интересно, что сохранение
здесь ласкового обращения — *зайка* и под. — в русском, как это ни
странно, представляло бы ситуацию как менее опасную. Реальная
опасность элиминирует из речи шуточные и ласковые обращения,
предполагающие все же некоторую расслабленность говорящего;

¹ Русский переводчик уверенно исключает из рассматриваемого эпизода все
okay, it's okay и *are you okay* или замещает их подходящими по контексту русскими
средствами, не связанными однозначно с идеей *хорошего*, с семантикой *порядка* и
благополучия (*верно, ладно*), или просто оставляя без внимания.

тавайся в комнате, / и дверь нико-
му не открывай // Смотри в окно, /
под которым растёт дерево, / кто-
нибудь приедет и спасёт...

Эллиот: Нет, / нельзя... подхо-
дить к окну, под которым дерево //
Скажите ей!

Женщина с телефоном: Нет, /
(с *убыстрением*) не подходи к
окну, под которым дерево!

Эллиот: Спросите: Принстон... /
попал под удар?

Женщина с телефоном: Детка, //
тут один человек тебя спрашива-
ет: / как в Принстоне? // Что у вас
там? // (*плачет*) Сказала: одни
трупы на < улицах // Ты только
сиди в комнате...

отсутствие их показывает, что мать отчаянно сосредоточена на спасении дочери, ей просто некогда «ворковать»).

В репликах матери есть множество косвенных показателей того, что девочка маленькая (или же что мать, волнуясь за неё, считает её таковой, представляет её как малого ребёнка, даже если это подросток). Это проявляется в том, как оформлены материнские

инструкции (Только... / ты оставайся в комнате, / и дверь никому не открывай // ...Ты только сиди в комнате...): удлинение интонационных центров имеет своей целью воздействие на слушающего, запечатление в его памяти спасительного знания о том, как правильно себя вести, и сближается с успокаиванием и уговариванием, оттенок ИК-3 вносит элемент ориентированности на позицию слушающего, а *только* передаёт стремление говорящего реализовать бенефактивную для дочери ситуацию и *не реализовать небенефактивную* (дочь может поступить и наоборот, она ведь несмышлёныш).

Мать упрощает для дочери выражение Эллиота (Принстон... / попал под удар? // — Детка, // тут один человек тебя спрашивает: / как в Принстоне? // Что у вас там?), вместо того чтобы просто механически повторить прозвучавший вопрос; видимо, она считает, что для маленькой дочери нужно сформулировать это попроще.

Острый трагизм ситуации в том, что, успокаивая дочь и давая инструкции, мать в действительности не может никак повлиять на происходящее, она предельно растеряна и не представляет себе, ни что происходит, ни как можно помочь. Первый раз это проявляется

в реплике: Смотри в окно, / под которым растёт дерево, / кто-нибудь придет и спасёт... Английский оборот “someone will come and get you soon” можно было бы перевести и как «за тобой скоро придут и заберут тебя». «Кто-нибудь» подразумевает отсутствие у говорящего представления о том, кто это будет, и тем более исчезает из русского перевода слово «скоро»; перевод “get” как *спаси* (а не как *забрать, увезти, вывезти оттуда*) тоже подчёркивает, что девочка в беде. Появляющееся в русском дублировании жалкое «кто-нибудь придет и спасёт» показывает, что мать и не пытается изобразить, что владеет ситуацией, она сама не представляет, откуда могла бы прийти помощь, и даже не догадывается скрыть это от дочери. Вторым подтверждением её полнейшей растерянности

становится высказывание: Нет, / (*с убыстрением*) не подходи к окну, под которым дерево! Покорность, с которой она поспешно повто-

ряет дочери слова незнакомого человека, даже не пытаясь вникнуть и разобраться, почему, собственно, он запрещает подходить к окну (Эллиот уже догадывается, что опасность несут именно деревья, большинство же людей об этом ещё не подозревает), очень хорошо показывает, насколько она растеряна и насколько у неё отсутствует собственная концепция происходящего. Если сопоставить русскую реплику с оригиналом, становится видно, что в русском вновь снято обращение и применён приём убыстрения речи: мать торопится как можно быстрее сказать главное, срочно запрети²ть подходить к опасному окну, и первые слова её реплики: Нет, /

не подходи, — призваны отменить действие, ранее рекомендованное как желательное, а разобраться, в чём дело, она успеет и потом.

То, что проделано при переводе «Явления», в целом нетипично для традиций русской школы дублирования, которая, как правило, стремится всё же «оставить иностранца иностранцем». Перевод выполнен таким образом, как если бы переводчик задавался не вопросом, «как лучше перевести эту реплику», но вопросом, «что сказал бы русский в этих обстоятельствах?». Семантические возможности русского коммуникативного уровня оказываются задействованы в полной мере; чрезвычайно показательно то, какие именно участки системы требуют безоголванного ухода от оригинала. Переводчик действует, учитывая глубокие расхождения в стратегиях реализации в русском и английском определённых эмоциональных целеустановок, изобилие которых в фильме-катастрофе предопределено жанром. Одновременно анализ русской речевой дорожки «Явления» даёт ответ на вопрос, отчего герои других голливудских фильмов-катастроф чаще всего не вызывают у русской аудитории ни жалости, ни сочувствия: чужая модель эмоционального реагирования, не пересаженная на русскую почву, бессознательно отторгается и заставляет его мысленно отделять себя от этих чужаков (подозрительно безразличных к собственным друзьям и родным, к трудностям, к смерти, необъяснимо бодро встречающих несчастья, наивно полагающих, что у них всё хорошо, даже тогда, когда всё хуже некуда, и т.п.). «Явление», ради которого была предпринята работа по коммуникативной русификации, со всей очевидностью показывает, что этот психологический разрыв в принципе преодолим и что проблема здесь кроется не в природных свойствах американского характера, а в отсутствии «пропуска» речевой дорожки фильма через русскую коммуникативную систему.

Список литературы

Безьева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

- Безяева М.Г.* Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005.
- Брызгунова Е.А.* Русская грамматика. § 1—2, 15—171, 1900, 1918, 1923, 1925, 1936, 1947, 1951, 2125—2127, 2223—2230, 2629—2640, 3189—3194. Т. 1. М., 1980. Т. 2. М., 1982.
- Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
- Коростелева А.А.* О роли коммуникативных средств в формировании двух образов одного персонажа // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VI. М., 2004.
- Коростелева А.А.* Об отборе коммуникативных средств при формировании жанровой принадлежности переводного фильма // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VIII. М., 2006.
- Коростелева А.А.* О роли средств коммуникативного уровня русского языка в интерпретации переводного фильма (“*Rain Man*” — «Человек дождя») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2007. № 6.
- Коростелева А.А.* Об особенностях коммуникативной интерпретации переводного фильма в русском, польском и ирландском языках // Слово. Грамматика. Речь. Вып. X. М., 2008.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

М.О. Алексеева,

кандидат филологических наук, ст. преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: monorime@mail.ru

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА КАК ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются специфика религиозной коммуникации и признаки религиозного дискурса, утверждается его институциональность, полиаспектность и многокомпонентность. Раскрывается дискурсивная роль отдельных составляющих — как вербальных, так и невербальных. Определяются характерные черты речевого компонента православного дискурса и особенности православной лексики. Анализируется соотношение дискурса и текста.

Ключевые слова: Речемыслительная деятельность, религиозный дискурс, лингвистические и экстралингвистические компоненты, институциональность, профессиональные термины, дискурсивная роль.

Marianna O. Alekseyeva,

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: monorime@mail.ru

Religious Discourse as a Subject for Research

The article studies the peculiarities of religious communication and signs of religious discourse; its institutional, poliaspect and multicomponent features are stated. The discursive role of separate parts (both verbal and non-verbal) is explained. Peculiarities of the speech component of religious discourse and features of the orthodox vocabulary are defined. The correlation between discourse and text is analyzed.

Key words: Speech and intelligence activity, religious discourse, linguistic and extralinguistic components, institutional issue, discursive role.

В современной лингвистике термин «дискурс» в широком смысле означает всякое высказывание, превышающее по объёму фразу, т.е. это понятие включает в себя некие языковые сверхфразовые единства, а также те процессы, которые имеют место при семантическом взаимодействии языковых единиц за пределами монопредикатного высказывания.

Если говорить более точно, то дискурс — это речь, вписанная в коммуникативную ситуацию («речь, погружённая в жизнь»), то есть языковая сущность высшего порядка с отчётливо выраженным социальным содержанием. Как и другие языковые сущности (морфемы, лексемы или синтаксические образования), дискурс,

естественно, отражает систему языка и определяется широким набором параметров: стилистикой, спецификой тематики, окрашенностью коммуникации — иначе говоря, идеологией. При этом форма организации дискурса позволяет распознать не только фактуальную и концептуальную, но и внетекстовую информацию. Существенный объем такого рода информации заложен как в полисемичных, так и в эврисемичных лексических единицах, зачастую определяющих своеобразие *религиозного* дискурса¹. Но если значение полисемантов определяется контекстом, то полный объем смыслов, заложенных в плане содержания широкозначных слов (эврисемантов), раскрывается исключительно в дискурсе: например, в конфессиональных терминах «**святой**», «**рenegат**», «**обряд**», «**храм**», «**реликвия**», характеризующихся отчётливой эврисемичностью, все коннотации, отражающие их православную специфику, реализуются только в конкретном конфессиональном дискурсе. Кроме того, в плане содержания конфессиональных лексических единиц инкапсулируются как конкретные, так и сакральные, мистические, символические смыслы, во многом определяющие специфику фидеистической лексики. Таким образом, дискурс можно рассматривать как единицу языка высшего уровня, которая, по сути, является языковой моделью некоторой ситуации, при этом языковая единица максимально отчётливо демонстрирует свою способность порождать смыслы именно в составе дискурса.

Главным признаком дискурса принято считать институциональность [Карасик, 2000; Лейчик, 2009; Манаенко, 2008]. Нам представляется правильным определение дискурса как социально обусловленной организации системы речи и одновременно набора определённых признаков и факторов, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется в определённом отрезке времени. То есть понятие дискурса трактуется и как процесс речемыслительной деятельности, и как её результат, зафиксированный в письменной или устной форме. Дискурсный анализ должен быть полиаспектным и многофакторным, ведь «изучение дискурса не укладывается в традиционные рамки любого вида лингвистического анализа, ибо он испытывает воздействие самых разных сфер человеческой деятельности, самых разных аспектов человеческого сознания» [Лейчик, 2009]. В настоящее время имеют место по крайней мере три теории дискурса: лингво- или речецент-

¹ Под эврисемией (от греч. *εσρος* — широкий и *σημα* — знак) понимается способность термина относиться к неопределённому количеству денотатов, соответственно эврисемантами называются слова с широкой понятийной основой, соотносящиеся с понятиями, отражающими действительность в максимально обобщённом виде.

рическая, текстоцентрическая и антропоцентрическая (учитывающая все сопутствующие собственно речи условия и факторы)².

Многофакторность дискурса и данность, что этот концепт носит широкий характер и принадлежит, скорее, не собственно лингвистике, а теории коммуникации, позволяет вычлнить и проанализировать отдельные виды дискурса, основываясь на их специфических особенностях, определяемых сферой употребления этих видов. В сущности, мы имеем дело даже не с видами, а просто с разными дискурсами, так как единственное, что их объединяет, это реализация в речи и завершение в тексте. Но они существенным образом различаются по институциональности и интенциональности, по виду личности и времени реализации, по совокупности порождённых текстов и т.д. [там же].

Религиозный дискурс как дискурс институциональный имеет свою специфику и определяет одну из наиболее сложных языковых сущностей. Если вспомнить, что слово «религия» (от лат. religio) означает «восстанавливаю связь», то можно сказать, что это система представлений о мире, где человек ощущает свою связь с неким бытием или определённой нематериальной личностью — Богом. Именно эта связь фиксируется в фидеистической лексике: в религионимах она выявляется, в частности, при диахроническом анализе с опорой на данные этнографии и теологии.

Однако, как уже упоминалось, наиболее полно религиозная составляющая реализуется в дискурсивном пространстве. Раскрыть всю полноту религиозного термина можно, только обладая религиозными фоновыми знаниями, известными всем членам данного религиозного сообщества, и часто смысловые потери от отсутствия этих фоновых знаний могут быть очень существенными. Если говорить о православной лексике, то, раскрывая план содержания отдельных языковых единиц, следует учитывать различные обстоятельства возникновения православного термина: исторические, идеологические, психологические, социологические. Одни и те же религиозные термины в православии, католичестве и протестантизме сохраняют разный набор смыслов, находящих свою объективацию только в соответствующем конфессиональном дискурсе. Так, термином «амвон» (от греч. ἀμβων) в православии называется возвышенная, как правило полукруглая, выдвинутая в середину храма часть солеи, откуда читается евангелие и провозглашается ектенья, или небольшое возвышение, устраиваемое в середине собора во время архиерейского служения; в католиче-

² В.М. Лейчик полагает, что если развить теорию Соссюра, то концепты «дискурс» и «текст» при всей своей близости должны быть вписаны в две разные парадигмы: «язык — речь — речевая деятельность (дискурс)» и «речь — текст (результат речевой деятельности)» [там же].

стве — это кафедра, с которой читается проповедь или евангелие, а в протестантских храмах зачастую просто поупитр, устанавливаемый перед алтарём.

Существенная часть фидеистической лексики преимущественно связана с богопознанием, с приближением к высшей истине, с постижением априори непостижимого. Такого рода языковые единицы, номинирующие религиозные догматы и понятия, безусловно, обладают глубоким смыслом и драматизмом: в концептах «**добро**», «**свет**», «**страдание**», «**любовь**», «**смерть**», «**блаженство**», «**смирение**» отражены сущность и смысл христианства. Очевидно, что эти лексические единицы принадлежат в первую очередь не специальному, а общенациональному языку и их терминологическое значение реализуется только в религиозном дискурсе — вне его они теряют тот специфический набор смыслов, который и обуславливает их принадлежность к терминологии православия. Более того, палитра смыслов, свойственная подобным лексическим единицам, принципиально, онтологически различается в конфессиональной и бытовой коммуникациях: достаточно отметить, что в общелитературном языке слово «**страдание**» содержит исключительно негативные коннотации, а в языке церкви на их фоне возникает сложный комплекс глубоких позитивных смыслов, открывающих путь к самосовершенствованию, спасению и жизни вечной. А слова «**любовь**» или «**блаженство**» в бытовом и религиозном дискурсах приобретают едва ли не противоположные значения, и их планы содержания определяются даже не контекстом (он не может выявить всех коннотаций), а исключительно дискурсом.

Религиозный дискурс включает как семиотические и когнитивные, так и информационные и прагматические элементы, которые и формируют столь сложный концепт теории коммуникации. Не будем забывать, что непременным компонентом религиозного дискурса, как, впрочем, и любого другого публичного дискурса, основой которого служит речевая составляющая, являются иллокутивные и перформативные высказывания, а также использование паралингвистических средств, воздействующих на личность, на человеческое сознание и подсознание. Однако здесь на первое место выдвигается убеждающая, фатическая функция, которой подчинены все компоненты дискурса — как вербальные, так и невербальные. Конфессиональным дискурсам в значительной мере присущ и признак диалогичности (свойственный также дискурсу научному), так как он направлен на определённый социум, представители которого отличаются особым менталитетом — религиозным сознанием, являющимся мощным объединяющим фактором. Специфика религиозной коммуникации проявляется и в сложном комплексе функций религиозного стиля: импрессивной, апеллятивной, пер-

фомативной, а также познавательной, предсказательной и эстетической. Нельзя не отметить и наличие экспрессивности в церковно-религиозной коммуникации, так как она всегда связана с особым, в некоторых случаях доходящим до экстатического, душевным состоянием, достигать которого способны как священнослужители, так и верующие миряне.

Дискурсивную роль исполняют не только священные или литургические тексты (письменная форма), молитвы и песнопения, отдельные возгласы священнослужителей и прихожан или проповеди, произносимые священником в храме (устная форма), но и установленная последовательность действий и их характер (определённый, канонически зафиксированный чин обряда), конвенционально закреплённые жесты или позы (поясные поклоны или стояние с опущенной головой), форма одежды (установленная форма облачений священнослужителей, а также определённая одежда прихожан), цветовая гамма (цвета церковного убранства и одежд священников), звуковой ряд (церковное пение, особая манера чтения молитв и священных текстов), характерный запах (каждение ладаном) и специфические вкусовые ощущения (просфора и красное вино при причащении). Значимую дискурсивную роль играет и церковная архитектура, а также отдельные детали интерьера храма и игра света (дневного — в витражах, электрического — от многочисленных светильников или тёплого, колеблющегося света от зажжённых свечей и лампад). Как дискурсивный знак можно рассматривать и определённое чередование церковных служб (как суточных, так и годовых), носящее циклический характер. Вспомним, что круг являет собой символ вечности, поэтому в православном дискурсе замкнутая, круговая композиция имеет сакральное значение и противопоставлена обычному, линейному течению времени. В религиозном дискурсе особую смысловую нагрузку несут также литургические цвета. Сложившийся цветовой канон облачений священников и покровов состоит из белого цвета, который является символом божественной благодати, семи цветов спектра солнечного света и чёрного цвета, который является символом отречения от земной жизни или траура.

В результате возникает особая, высшая, поликомпонентная — не только лингвистическая, но и экстралингвистическая — сущность, демонстрирующая разветвлённую многоуровневую систему дискурсивных элементов, каждый из которых несёт мистическую и/или символьную нагрузку.

Таким образом, религиозный дискурс представляет собой наиболее сложный тип дискурса, так как помимо письменной и устной речевых форм объединяет огромное множество семиотических невербальных единиц. В сущности, он представляет собой обширную

семиосферу, в которую включены определённые части полей этносферы, социосферы и даже ноосферы. Отсюда полиморфичность религиозного дискурса, объединяющего, в частности, целый ряд достаточно автономных терминосистем, обслуживающих разные сферы религиозной и церковной жизни общества, которые при этом не только взаимосвязаны, но и диффундируют. Если следовать утверждению, что «дискурс — это... особое использование языка... для выражения особой ментальности», то мы должны признать: в рамках религиозного дискурса создаётся особый «ментальный мир» [Степанов, 1985, с. 35, 38], существенное значение в котором имеют отдельные составляющие экстралингвистического контекста, несущие дискурсообразующую нагрузку.

В составе религиозного дискурса именно слову изначально придавалось основополагающее значение: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», как сказано в Евангелии от Иоанна; и именно *слово* в церковно-религиозной сфере аккумулирует в себе бесконечное множество смыслов — не только предметных, но и трансцендентных. Говоря о речевых и языковых аспектах православного дискурса, мы должны выделить ряд особенностей. Принципиально важно, что огромное число фидеистических терминов образуется на основе сложных символов, связанных с основными догматами христианской церкви и с историей христианской религии. Например, сложное символическое значение присуще всем названиям обрядов и таинств, а также их отдельных чинов: так, термин «**целование**» означают обряд, символизирующий христианскую любовь, то есть заключает в себе основополагающий религиозный принцип, при этом в его плане содержания есть отсылка к евангельским текстам, что заставляет нас вспомнить события земной жизни Иисуса Христа и его крестные муки.

Речевые и языковые аспекты дискурса и факторы, воздействующие на его реализацию, могут быть определённым образом структурированы. С формальной точки зрения дискурсы различаются: 1) по используемому коду; 2) по каналу коммуникации; 3) по участию коммуникантов; 4) по типу носителя информации; 5) по национальному признаку [Лингвистическое моделирование, 2009].

Если в этом ключе рассматривать религиозный дискурс, то следует признать, что он представляет собой смешанный (включающий вербальные и невербальные элементы коммуникации) тип. Его можно определить как *гибридный*, ибо церковная служба предполагает активное использование как устной речи (вербальная часть различных обрядов, проповедь, молитвенные обращения и т.д.), так и письменных текстов (Евангелие, псалтирь и т.д.). Кроме того, для современной религиозной жизни не исключено и общение в рамках интернет-диалога (в режиме Chat).

Религиозный дискурс можно описывать как *полилогический* тип дискурса, так как в рамках православного ритуала используется как монологическая речь — чтение Евангелия, проповедь, так и диалогические виды коммуникации — канонический обмен репликами между священнослужителями или ритуально закреплённое общение с паствой, предполагающее ряд ответов на определённые призывы и возгласы священников или диаконов.

Для носителей русского языка православный религиозный дискурс, естественно, представляет собой *русский* дискурс, хотя особого внимания требует использование в его сфере церковнославянского языка (и здесь новый смысл приобретает одно из определений дискурса как «языка в языке» [Степанов, 1985]). Действительно, применительно к православному дискурсу мы должны признать, что в его рамках существует совершенно особый язык, сформировавшийся в глубокой древности на гетерогенной основе (греческий, церковнославянский и русский языки) и в настоящее время представляющий собой уникальное, целостное, монолитное языковое явление.

«Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счёте особый мир» [там же, с. 44—45]. И это более чем справедливо именно для религиозного дискурса. Но нельзя забывать, что православному дискурсу, как и другим конфессиональным дискурсам, присуща *интернациональность* (наднациональность) — его ареал распространения огромен, он охватывает все континенты (включая Антарктиду, где выстроен и освящён православный храм) и множество стран. Но вместе с тем необходимо отметить определённую двойственность: с одной стороны, христианский дискурс ограничивается жёсткими конфессиональными рамками, с другой — форма богослужбных обрядов неизбежно приобретает определённую национальную окрашенность, нарушающую каноническое единообразие церковной обрядовости: так, например, в литургии, совершаемой в христианских общинах некоторых африканских стран, используются ритуальные танцы под звуки тамтамов.

При анализе конфессиональных дискурсов особую трудность вызывает определение типа носителя информации. Очевидно, что *печатный* дискурс является одной из важнейших составляющих религиозного дискурса, так как священные тексты, молитвенники, богослужбники и книги религиозного содержания — его неотъемлемая часть. Однако данный вид носителя информации не исчерпывает понятие религиозного дискурса: в современном мире религиозная коммуникация давно преодолела рамки храмового

пространства как единственного места, в котором сконцентрирована религиозная жизнь общества, и органично вобрала в себя такие виды коммуникации, как теле- или радиопередача, предполагающие, кстати, не только монологическую, но и интерактивную форму. Ещё раз следует заметить, религиозный дискурс стал частью интернет-дискурса, причём и здесь возможна интерактивная форма общения, то есть диалог, — с духовником можно общаться и по электронной почте (письменная, эпистолярная форма), и в режиме видеозвонка (устная форма), а не только в храме.

Рассматривая содержательную сторону дискурсов, их можно структурировать: 1) по способу изложения (описание, повествование, обсуждение и т.д.); 2) по социальной сфере деятельности (институциональный — политический, религиозный, педагогический, научный, медицинский, юридический, учебный и др.; бытовой или межличностный — семейный, дружеский, любовный и др.; производственный, торговый, деловой дискурсы, а также дискурсы шоу-бизнеса, спортивного или туристического бизнеса); 3) по жанру коммуникативного события (экзамен, заседание суда, панихида, застолье, пикник и т.д.); 4) по речевому жанру (письмо, деловые документы, публицистические выступления, все литературные жанры и т.д.) [Лингвистическое моделирование, 2009].

На первый взгляд религиозный дискурс легко типологизируется по социальной сфере деятельности — это церковно-религиозная практика. Но и здесь все далеко не однозначно. Поскольку институт церкви объединяет самые разные сферы человеческой деятельности, окрашивая коммуникацию в них определённым образом, то в рамках религиозного дискурса мы можем выделить и производственный (изготовление церковной утвари, облачений, предметов церковного обихода), и торговый, и деловой, и юридический, и учебный или педагогический (приходские школы, духовные семинарии и университеты), и художественный (архитектура, иконопись, скульптура) типы дискурса. Не будем забывать также, что церковный дискурс охватывает и частную жизнь верующих — он носит не только институциональный, но и бытовой характер, более того, межличностное общение пастыря и прихожанина является важным элементом религиозно-церковной практики, т.е. профессиональной деятельности священнослужителей. Важно отметить, что конфессиональное общение «отменяет» сословные и даже национальные (в идеале) различия³, формируя особую общность людей, объединённых верой и церковью.

Отдельные самостоятельные, значимые внелингвистические элементы христианского дискурса — дискурсеми, представляю-

³ В опросном листе первой всеобщей переписи в России (1897) был вопрос только о вероисповедании, а вопрос о национальности вообще не ставился

шие собой конкретное коммуникативное событие, — отчётливо типологизируются по жанру: так, например, все религиозные обряды (венчание, отпевание, литургия, рукоположение и т.д.) обладают рядом закреплённых жанровых признаков. Однако можно с уверенностью констатировать, что определённым жанровым своеобразием обладает и религиозный дискурс в целом, — это связано не только с установившимся, каноническим стилем речи (как устной, так и письменной), но и типом поведения, формой одеяний (как священно- или церковнослужителей, так и мирян), организацией визуальной и акустической среды и пр.

В рамках лингвистической составляющей религиозного дискурса существуют деловые документы, письменные тексты, публицистические выступления, а также специфические литературные жанры: отчётливым жанровым своеобразием обладают и житийная литература, и богословские труды, и, конечно, литургические тексты. По речевому жанру мы можем типологизировать и такие элементы дискурса, как проповедь, исповедь, молитва, чтение Евангелия, церковное песнопение и т.д. Но нельзя не признать, что все эти речевые жанры онтологически близки друг другу, определённым образом стилистически окрашены и имеют ряд общих признаков с точки зрения формы и содержания.

Теоретические основания исследования религиозного дискурса до сих пор не получили своего окончательного завершения, и это заставляет нас вновь и вновь обращаться к проблеме определения понятий «дискурс» и «текст». Здесь нам близка позиция В.М. Лейчика, утверждающего, что соотношение дискурса и текста является особенно важным вопросом, требующим тонкого и строгого подхода «к дискурсу как сложному, многоаспектному, многофакторному процессу, а к тексту — как языковому/речевому воплощению промежуточных и окончательных результатов реализации этого процесса». «Если дискурс метафорически представить в качестве пути (пути развёртывания мысли, знания, познания, накопления и применения информации/знания...), то тексты могут быть названы станциями на этом трудном пути, где человек останавливается, чтобы осмыслить пройденную часть пути, сделать выводы и, будучи обогащённым, двигаться дальше (окончательная цель движения не достижима, поскольку бесконечен процесс познания мира...)» [Лейчик, 2009, с. 297].

До сегодняшнего дня дискурсивные явления анализируются с позиций либо динамической, либо статической теории. Идея, объединяющая эти два подхода, напрашивается сама собой и представляется нам весьма продуктивной. В данном случае необходимо говорить о том, что соединение в архитектонике такого сложного

явления, как дискурс, двух моделей — статической и динамической — даёт возможность не просто механически соединить одно с другим, а обрести в этом единстве синергетический эффект, то есть обнаружить, описать и даже *предсказать* свойства, которые не могла выявить ни первая, ни вторая модель в отдельности, ни их простое соединение. На наш взгляд, такой синергетический эффект позволит получить новые, доселе невозможные и потому неожиданные результаты. В качестве иллюстрации можно привести на первый взгляд очень далёкий, но по сути своей чрезвычайно близкий пример. В известной степени аналогом подобной контаминации может быть соединение корпускулярной и волновой теории, приведшей к появлению квантовой (т.е. и корпускулярной и волновой одновременно) теории света и, в конечном итоге, к возникновению такого мощного направления, как квантовая физика, приведшего в XX в. к революционным открытиям применительно к физической картине мира, к осмыслению и постижению множества физических явлений. Небезынтересно вспомнить, что корпускулярная теория объясняла один круг, а волновая — другой круг явлений, в равной степени свойственных свету. И они долгое время сосуществовали, «обслуживая» каждая свой аспект. Но только квантовая теория смогла объяснить так называемый «тоннельный эффект», возникающий при прохождении света через препятствия, непреодолимые ни для волны, ни для частицы в отдельности. Показательно, что квантовая теория способна объяснить даже то, что человек понять и принять не в состоянии, — нечто, априори «непостижное уму», например взаимное соответствие массы и частоты, предполагающее — при определённых условиях — *отличную от нуля возможность для человека пройти сквозь стену* (sic!). Конечно, как говорят французы, «comparaison n'est pas raison» (сравнение не доказательство), однако легко предположить, что нечто подобное можно ожидать и от применения, так сказать, *лингвистической «квантовой» теории*, предложенной В.М. Лейчиком, которая может дать новые, пока ещё непредсказуемые, возможности выявления закономерностей в высшей, наиболее развитой и сложной форме существования языка — религиозном дискурсе.

В заключение ещё раз подчеркнём, что религиозное дискурсивное пространство включает в себя множество относительно автономных и компактных дискурсов, взаимообусловленных и взаимовлияющих, отличающихся устойчивостью и эзотеричностью, с одной стороны, и подвижностью и открытостью — с другой. Такая сложная конструкция обусловлена спецификой религиозной жизни общества — многоаспектной и разноплановой — и требует от исследователя системного подбора методик и инструментов анализа.

Список литературы

- Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5—20.
- Лейчик В.М.* Дискурс и текст. Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. Кн. 4 / Сб. статей, посвящённый памяти чл.-корр. Петербургской АН И.А. Бодуэна де Куртене. М., 2009. 350 с.
- Лингвистическое моделирование: Коллективная монография. Тюмень: Вектор Бук, 2009. 186 с.
- Манаенко Г.Н.* Дискурс и его отношение к речи, тексту и языку // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Е.А. Баженовой; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. Вып. 12. 236 с.
- Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

Н.И. Андреев,

доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университет) при Министерстве иностранных дел РФ; e-mail: AndreevNI@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРЫ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности метафоры в немецком политическом дискурсе. Анализ немецких политических метафор и метафорических моделей предложен с учётом их номинативных, когнитивных и образных типов. Отмечается повышенная частотность метафор в периоды предвыборного межпартийного противоборства. Политическая метафорика представлена в личностных идиолектах и групповых идиостилиях в рамках дискурсивной антропоцентрической парадигмы.

Ключевые слова: Немецкий политический дискурс, политическая метафора, когнитивно-дискурсивный анализ, концептосфера, идиолект.

Nicolai I. Andreyev,

Associate Professor at the German Language Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia; e-mail: AndreevNI@yandex.ru

Distinctive Features of Metaphor in German Political Discourse

The article deals with conceptual distinctive features of metaphor in the German political discourse. The analysis of German political metaphors and metaphoric models is suggested with due account taken of their nominative, cognitive and figurative types. An increased frequency of metaphors can be registered during pre-election cross-party debates. Political metaphors is found in individual idiolects and group idiostyles within the discursive anthropocentric paradigm.

Key words: German political discourse, political metaphor, cognitive-discursive analysis, concept sphere, concept, idiolect.

1. Метафорическая парадигма

В Германии опубликовано довольно много работ, посвящённых роли и значению политической метафоры, в том числе переводы на немецкий язык публикаций учёных других стран. Определённые представления о направлениях немецких исследований метафоры в политическом дискурсе в русле этой статьи дают выбранные нами заглавия опубликованных в ФРГ трудов¹.

¹ *Bachem R., Battke K.* Unser gemeinsames Haus Europa: Zum Handlungspotential einer Metapher im öffentlichen Meinungsstreit. 1999; *Bernhard D.* Die Rationalität der Metaphern. 1995; *Böke K.* Die "Invasion" aus den "Armenhäusern Europas". Metaphern im Einwanderungsdiskurs. 1997; *Drommel R.* Das Reden über "Ausländer" in Medien, Politik und Alltag. Metaphern in der politischen Rede. 1978; *Küster R.* Politische Metaphorik. 1983; *Musolff A.* Zur Analyse von Kriegsmetaphorik im öffentlichen Sprachge-

«Метафора является неотъемлемой составной частью человеческой коммуникации» [Насальский, 2004, с. 47]. «В политической коммуникации метафора служит важным средством познания и объяснения мира, эффективным средством прагматического воздействия на сознание массовой аудитории» [Чудинов, 2007, с. 180].

“*Die Metapher ist ein unabdingbarer Bestandteil der menschlichen Kommunikation*”. “*In der politischen Kommunikation dient die Metapher als wesentliches Erkenntnis- und Erklärungsmittel der Welt, als effizientes Mittel pragmatischen Einflusses auf das Bewusstsein der Massen*” [<http://www.literatur-im-foyer.de/Sites/Didaktik/metapher.htm>]. В упомянутых выше исследованиях, в работах отечественных лингвистов Э.В. Будаева, А.П. Чудинова и др. была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка: сами процессы мышления человека в значительной степени метафористичны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии.

Метафора — одно из сильных средств построения дискурсивных миров любой политической силы. «Метафора — это приговор суда без разбирательства», — пишет Н.Д. Арутюнова [цит. по: Маслова, 2008 с. 235]. Более того, как утверждает Дж. Лакофф, «Локус метафоры — в мысли, а не в языке» [Лакофф, 1993, с. 203].

По мнению А.Н. Баранова, «метафорическое мышление в политике — признак кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, разрешение которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов действий и выбора правильной альтернативы» [Баранов, Internet <http://www.courier.com.ru>].

В политическом дискурсе метафора выполняет две основные функции:

- 1) представление и познание политической реальности,
- 2) убеждение.

(1) Сложные и часто малодоступные для понимания обывателя явления политической жизни (а также других сфер жизни, связанных с политикой) осмысливаются в рамках более простых поня-

brauch. 1990; *Musolff A.* Die Sprache der Medien und wirtschaftliche “Realitäten”. 1993; *Musolff A.* Krieg gegen die Öffentlichkeit. Terrorismus und politischer Sprachgebrauch. 1995; *Niehr T.* Schlagwörter im politisch-kulturellen Kontext. 1993; *Rigotti F.* Die Macht und ihre Metaphern. Über die sprachlichen Bilder der Politik. 1994; *Wesel R.* Politische Metaphorik im “parlamentarischen Diskurs”: Konzeptionelle Überlegungen, exemplifiziert an entwicklungspolitischen Bundestagsdebatten. 1995.

тий: «механизм», «растение», «дом», «болезнь» и др. Естественно, что потребность в метафорическом осмыслении политической действительности возрастает в переломные моменты общественного развития, поэтому большое количество метафор в политическом дискурсе — признак кризисного мышления, как утверждает А. Баранов;

(2) Метафора является мощным средством воздействия на аудиторию. Принимая предложенную политиком метафорическую модель (например, Экономика — это больной человек), мы в то же время принимаем и все следствия, которые вытекают из данной метафоры (например, то, что больного (экономику) может спасти врач (глава государства), новые методы лечения — экономические реформы и т.д.; здесь уместно вспомнить хорошо известный термин «шоковая терапия») [Маслова, 2008, с. 238].

Диахроническое изучение охватывает вопросы исторического развития системы политических метафор, в этот круг вопросов входит анализ архетипичности и вариативности. Первое свойство выражается в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении длительного времени. Второе свойство отражается в вариативности уровня метафоричности и доминантности отдельных метафор в политическом дискурсе.

Важно разграничивать диахронический и ретроспективный анализ. Предметом диахронического анализа является процесс изменения политической метафорики во времени. Цель диахронического анализа заключается в фиксировании изменений (или констатации отсутствия таковых) в изучаемых явлениях. Ретроспективный анализ направлен на анализ политической метафорики, характерной для определённого исторического периода. По сути, ретроспекция — это синхрония, обращённая в прошлое.

Насколько высока цена непонимания и недооценки метафор и их изучения в ретроспекции и диахронии, показало прошлое Германии, оказавшейся в 30-е гг. прошлого столетия во власти нацистской идеологии. Политическая метафора — это не просто приём иносказательности для украшения и образности речи, а средство мышления, познания окружающего мира, коммуникации и манипуляции сознанием.

В качестве основных объектов анализа в политической метафорологии исследователи (Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, Дж. Лакофф и др.) выделяют три группы когнитивных структур метафорической экспансии:

1) сферы-источники (война, театр, человек, неживая природа, растения, животные, спорт, болезнь, монархия, семья, школа и др.);

2) сферы-мишени (политика, партия, государство, президент, выборы, война, парламент, экономика, законы, инфляция, терроризм и др.);

3) базисные когнитивные структуры (свои/чужие, мы/они, хорошие/плохие).

Как отмечают Э.В. Будаев и А.П. Чудинов в своей книге «Зарубежная политическая лингвистика» [Будаев, Чудинов, 2008, с. 352], «в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов — сферы источника и сферы мишени». В книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона также представлена теория концептуальной метафоры, согласно которой метафора представляет собой когнитивный процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов — сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции сформировавшиеся в результате взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют более сложную для осознания концептуальную сферу-мишень.

Использование метафор в процессе коммуникации предполагает некоторую сумму соглашений между участниками общения. Одно из них очень для нас существенно — то, что определяет связь между фреймом метафорической модели и фреймом объекта понимания: «метафорическая модель не равна объекту метафорического осмысления». Сущности, участвующие в процессе метафорического переноса, не тождественны друг другу.

Содержание основных понятийных разрядов, служащих сферами-источниками политической метафоры последних десятилетий, объединяется в пять групп, к которым относятся антропоморфная, природоморфная, социоморфная, артефактная и идеоморфная метафоры [Будаев, 2010]. Сферы-мишени метафорической экспансии охватывают самый широкий спектр феноменов политической действительности, но ведущее место в метафорологических изысканиях занимают сферы-мишени, репрезентирующие кризисные или «пограничные» состояния политической жизни общества (война, кризис, выборы, терроризм, период реформ и т.п.). Точкой отсчёта для изучения политической метафоры могут служить и сфера-мишень, и сфера-источник метафорической экспансии.

Исследование немецкого политического дискурса призвано выявить особенности использования метафоры сторонниками разных идеологических взглядов, участниками определённых политических объединений, приверженцами различных методов решения политических проблем. Исследовательские процедуры по идентификации сторон дискурсивного противостояния определяются двумя критериями:

1) принадлежностью к определённому политическому объединению (политическая партия: *CDU, SPD, LP*, фракция в бундестаге: *CDU/CSU, Bündnis'90/die Grünen*, идеологическое течение: *Konseratismus, Liberalismus, Sozialismus* и т.п.);

2) отношением к определённой насущной проблеме без акцентирования внимания на принадлежности субъектов дискурсивной деятельности к определённой политической общности (сторонники/противники/индифферентные/не определившиеся с мнением и т.д.).

Существенную роль играет при этом идиолектное исследование метафоры, актуализированной отдельными политиками, журналистами и другими личностями — субъектами дискурсивной деятельности. Выделяются два основных типа идиолектного исследования: собственно идиолектное с феноменами «антропоцентрическая парадигма», «языковая личность», «человек в языке, язык в человеке» — и идиолектно-групповое с понятийными категориями «институциональность политического дискурса», «партия в языке и язык в партии» и др.

В немецком политическом дискурсе, особенно в медийном, наблюдается высокая частотность метафор: практически все жанры на политические темы в средствах массовой информации содержат отдельные метафоры или развёрнутые метафорические модели. Ментальные репрезентации — речи, статьи, интервью, выступления на различных форумах и т.д. — раскрывают идеолекты — своеобразные персональные «лингвистические, дискурсивные паспорта» этих «языковых личностей» путём вербализации (овнешнения) их личностных концептосфер. В то же время упомянутые политические жанры в большинстве случаев носят у политиков институциональный характер — реальными авторами подобного рода текстов являются специальные спичрайтеры, например из группы референтов при ведомстве канцлера.

2. Анализ метафорических моделей в немецком партийно-политическом дискурсе

Проследим эти явления на примере идеолектов председателя ХДС — федерального канцлера А. Меркель и министра иностранных дел ФРГ, бывшего до недавнего времени и председателем СвДП Г. Вестервелле.

А. Меркель учитывает в своей деятельности решающую роль качества политического языка. Будучи опытным политиком, А. Меркель решила несколько разнообразить свой изначально сугубо официальный стиль публичных выступлений, дозированно включив в свои речи фрагменты из личной жизни и элементы образности.

(“Die CDU-Vorsitzende hat sich einen neuen Wahlkampfstil angeeignet, der von Erzählungen, privaten Geschichten und Zahlen in gut dosierten Mengen geprägt ist”). Каков языковой портрет А. Меркель? На этот вопрос отвечает множество выступлений других политиков и многочисленные публикации: самая влиятельная женщина Европы, сильная, при всей её скрытности и неприметности, обладает «почти нечеловеческой способностью к самоконтролю», сочетает в себе «строгий прагматизм, социальный либерализм и уверенность в необходимости бороться с изменениями климата».

Критики канцлера из её же партийного стана «чёрных» (ХДС/ХСС), прибегая к метафорам, отмечают у неё «недостаточную стойкость, лавирование и лицемерие в обращении с социал-демократами и польским правительством» *mangelnde Standfestigkeit sowie Taktiererei und Duckmäusertum vor Sozialdemokraten und polnischer Regierung*.

С другой стороны, оппозиция в бундестаге (СДПГ, «Союз-90 — Зелёные» и Левая партия) использует метафоры для негативной характеристики: «правительство Меркель не справляется со своими обязанностями, а она сама является лишь *менеджером*, а не главой этого правительства» (*Merkel-Regierung hat versagt, sie selbst sei nur noch “Geschäftsführerin” der Regierung*) (16). Многие метафоричные заголовки медийных политических публикаций содержат фамилию Меркель или связаны с ней: “Die uneuropäische Angela Merkel”, “Schau mir in die Augen, Kanzler”, “Ein Machtwort wie eine Fata Morgana”².

Другая сторона антропоцентрической парадигмы в рассматриваемом примере — *язык в Меркель*. Ключевая метафора для характеристики этой языковой личности — «мастерица приблизительности» (*Meisterin des Ungefähren*). Она придерживается стиля Геншера — лавирует, темнит, недоговаривает, говорит неопределённо. Неопределённость давно стала её политической натурой. В этом ей помогает использование политических метафор. *Sie genschert, laviert, verunklart, lässt offen, bleibt unbestimmt. Das Vage ist ihr längst zur politischen Natur geworden* [Der Spiegel, 2009].

Особого внимания заслуживает глагол-метафора “genschern”, образованная от фамилии Геншер³ *Genscher*. Подобный приём образования отфамильных глагольных политических метафор в немецком языке представляется весьма продуктивным.

Хорошим оратором избирательной кампании 2009 г. в немецких СМИ сразу после выборов был признан Г. Вестервелле, речь кото-

² Süddeutsche Zeitung. 11.12.10, 26.10.10, 2.03.10.

³ Hans-Dietrich Genscher war von 1969 bis 1974 Bundesminister des Innern sowie von 1974 bis 1992 fast ununterbrochen Bundesminister des Auswärtigen und Stellvertreter des Bundeskanzlers der Bundesrepublik Deutschland. Von 1974 bis 1985 war er außerdem Bundesvorsitzender der FDP [http://de.wikipedia.org/wiki/Hans-Dietrich_Genscher].

рого была «особенно ясная и впечатляющая, насыщенная оригинальными метафорами (*seine Reden sind mit "originellen" Metaphern garniert*). Ему принадлежит образная зоометафора (орнитометафора): «У крупных политиков — орёл (герб ФРГ), а у мелких — стервятник» (*"Bei den Großen kommt der Bundesadler, bei den Kleinen der Pleitegeier"*) [Der Spiegel, 2009].

Г. Вестервелле — бывший лидер «жёлтых» (СвДП), нынешний министр иностранных дел ФРГ занимает в концептосфере «политика» особое место. Газеты писали о нем: «Обожающий шумные "тусовки", обаятельный, подтянутый, спортивный, а главное — умеющий непринуждённо держаться и гладко говорить...». С тех пор как в 2001 г. лидером немецких либералов стал Вестервелле, мастер речевых манипуляций, поражения, которые «жёлтые» до этого терпели и на федеральных, и на земельных выборах, на несколько лет прекратились. СвДП снова получила места в ландтагах нескольких федеральных земель.

Однако с течением времени «человек в языке» Вестервелле переживал метаморфозу. В концепте «Вестервелле в языке» один из смыслов — спутник жизни мужчина, что в Германии, якобы, не мешает политической карьере. Однако Вестервелле подвергался по этому поводу нападкам как со стороны политических конкурентов, так и партнёров по «черно-жёлтой» правительственной коалиции. В этом плане известны политические метафоры одного из членов сегодняшнего германского правящего триумvirата Меркель — Зеехофер — Вестервелле. Х. Зеехофер⁴ назвал Вестервелле «сверхчувственным существом на птичьем дворе» *Sensibelchen im Hühnerhof* [Der Spiegel, 2009]. В ходе избирательной кампании Вестервелле неосторожно обошёлся с концептом «снижение налогов» *Steuersenkung*. Поскольку на практике ничего подобного не произошло, а СвДП к тому же потерпела в ряде земельных выборов 2010 и 2011 гг. крупные поражения, авторитет Вестервелле резко пошёл на спад и он был вынужден покинуть посты вице-канцлера и председателя партии «жёлтых».

Выделяются следующие типы языковой метафоры: а) номинативная, б) когнитивная, в) образная [Лингвистический энциклопедический словарь, с. 2681]. В качестве примера с присутствием всех трёх типов обратимся к вопросу о роли цвета в метафорической идентификации немецких политических партий, представляющих собой идеолектно-групповое явление.

Известные общественно-политические интерпретации цветов в Германии связывают чёрный цвет *Schwarz* с христианской (католической) и консервативной традицией, жёлтый *Gelb* — с либера-

⁴ Хорст Зеехофер — председатель Христианско-социального союза, премьер-министр федеральной земли Бавария (Прим. авт.).

лизмом и привлекательностью для масс, красный *Rot* — с социал-демократическим, рабочим и коммунистическим движениями (при наличии соответствующих оттенков в красках), зелёный *Grün* — с чистой экологией. Метафорическое моделирование сфер-источников и сфер-мишеней можно при этом представить следующим образом:

die Union: Christlich-Demokratische Union und Christlich-Soziale Union (CDU/CSU) ist schwarz (Christentum, Konservatismus);

die Sozialdemokratische Partei, die SPD ist rot (dunkelrot, rotes Purpur, soziale Demokratie);

die Freie Demokratische Partei, die FDP ist gelb (Liberalismus, Attraktion);

das Bündnis'90/die Grünen, die "Grünen" sind grün (Umweltschutz, saubere Natur);

die Linke Partei, die LP ist rot (grellrot, Sozialismus).

Таким образом, политическая, в данном случае «цветовая» метафора выполняет в дискурсе функцию концептуализации.

Как правило, метафора используется в тексте в условиях «максимального текстового напряжения», что обеспечивает привлечение особого внимания адресата. Наиболее привлекающая внимание читателей в тексте позиция — это *заголовок*. Для современной немецкой политической публицистики очень характерны метафорические заголовки, призванные заинтересовать читателей, побудить их прочитать основную часть текста. Обычно метафора в заголовке статьи развёртывается в основном тексте, нередко образуя при этом целую метафорическую систему. В соотношении метафорического заголовка статьи и её текста могут обнаруживаться специальные стилистические приёмы: эффект оправданного ожидания, эффект усиленного ожидания и эффект обманутого ожидания [Чудинов, 2007, с. 172].

В предпринятом нами исследовании более 20 статей крупных газет Германии "*Frankfurter Allgemeine Zeitung*" и "*Süddeutsche Zeitung*" все заголовки без исключения содержат политические метафоры. Во многих заголовках газет содержится «цветовая» метафора, о чем свидетельствуют приведённые ниже примеры.

"*Frankfurter Allgemeine Zeitung*" (статьи из номера от 17 июня 2011 г., русские названия приводятся в нашем переводе):

«"Зелёные" намерены поддержать решение об отказе от использования атомной энергии» *Grüne wollen Atomausstieg zustimmen.*

«Отказ от атомной энергии: мир "зелёных" в замешательстве» *Atomausstieg: Die grüne Welt in Unordnung.*

«Штутгарт-21: "Зелёных" обвиняют... в одурачивании людей» *Stuttgart 21: Bahn-Chef wirft Grünen "Volksverdrummung" vor.*

«Штутгарт-21: Прощание с “зелёным” якобинизмом» *Stuttgart 21: Abschied vom grünen Jakobinismus*.

«Сближение “чёрных” и “зелёных”: Представитель “зелёных” проясляет понимание канцлера» *Schwarz-Grüne Annäherung: Der grüne Kanzlerinnenversther*.

Другие метафорические заголовки из этой же газеты: “*Union und FDP: Die lange Nacht der Gruppentherapie*”, “*Historische Sondersituation: “Nachsteuern” beim G-8-Abitur*”, “*Regierungserklärung zur Energiewende: “Eine Herkulesaufgabe”*”, “*SPD in Baden-Württemberg: Eine Partei will werden, was sie nie war*”, “*Ilse Aigner und die Ehec-Krise: Die Leiden der Bundeskrisenministerin*”.

Несколько примеров завязки метафорической модели в заголовках “*Süddeutsche Zeitung*”⁵.

“*Die uneuropäische Angela Merkel*”, “*Ewiges Hickhack um Hartz IV*”, “*Ego-Feldzug am Hindukusch*”, “*Ein Maulwurf in der FDP*”, “*Schau mir in die Augen, Kanzler*”, “*Ein Machtwort wie eine Fata Morgana*”, “*Grüne Ostsee*”, “*Von der Leyens Hausaufgaben*”, “*Das umgekrempele Land*”, “*Die Htte brennt*”, “*Die neue deutsche Frage*”, “*Das Kind wächst, Hartz IV noch nicht*”, “*Mehr Hartz IV für Kranke*”, “*Das Streiflicht*”.

Способность к развёртыванию в тексте в самых разнообразных фреймах — важнейшее свойство концептуальной метафоры. Рассмотрим пример такого развёртывания модели в пределах небольшого фрагмента текста упомянутой выше статьи “*Die Hütte brennt*”, в дословном переводе «Изва горит», опубликованной 7 октября 2010 г. в газете “*Süddeutsche Zeitung*”. Метафора в заголовке символизирует общественно-политический и межпартийный конфликт в Штутгарте, возникший в связи с коренной реконструкцией железнодорожного вокзала. В этом относительно небольшом тексте наблюдается взаимодействие метафорических моделей с разнотипными сферами-донорами, сферами-реципиентами и концептуальными векторами. Соответствующие метафоры выделены в тексте подчёркиванием:

Die Hütte brennt

In so manchem Kirchlein des schönen Landes Baden-Württemberg steht eine geschnitzte Figur des Heiligen Sankt Florian. Das ist ein Heiliger, der ein Schaff mit Wasser in den Händen hält und es als himmlischer Feuerwehrmann auf ein brennendes Haus schüttet. In dieser Rolle kommt nun Heiner Geißler nach Stuttgart, weil dort, im übertragenen Sinn, die Hütte brennt. Er soll den lodernen Streit um Stuttgart 21 schlichten.

Geißler ist ein bunter Vogel mit schwarzer Seele. Er ist einer, von dem man sich vorstellen könnte, dass er im Schlosspark steht und Bäume schützt.

⁵ “*Süddeutsche Zeitung*”, 31 января, 14 февраля, 2 марта, 17, 24 сентября, 7, 26 октября, 11, 14 декабря 2010 г.

Als noch immer gerühmter Ex-Generalsekretär genießt er das Vertrauen der CDU und ihres Ministerpräsidenten Stefan Mappus, als Attac-Mitglied und Kapitalismuskritiker das Vertrauen der Grünen und ihres Landesfraktionschefs Winfried Kretschmann.

Geißler gilt als gefuchster Strategie; wenn überhaupt einer den Konflikt in Stuttgart entspannen kann, dann er. Es ist eine schier aussichtslose Aufgabe, die Mappus da an Geißler übertragen hat. Sie bringt diesem aber auch gewisse Befriedigung: Geißler hat nicht vergessen, wie mies er zuletzt als Vizefraktionschef im Bundestag von den Konservativen seiner Partei behandelt worden ist; nun rufen sie ihn als Retter... Geißler verhandelt als Schlichter über die Zukunft von Stuttgart 21. Es handelt sich um den Versuch einer Quadratur des Kreises.

В приведённом отрывке мы можем наблюдать параллельное развёртывание как минимум трёх метафорических моделей. Одна — доминирующая — метафора представлена уже в заголовке «Избушка горит» “*Die Hütte brennt*”. Концептуальные метафоры из разряда ОБЩЕСТВО — это ДОМ в русском и в немецком политическом языке очень похожи, важнейший концепт «дом» представляет собой в мировой культуре традиционную сферу — источник метафорической экспансии. Однако единому пониманию мешают некоторые существенные нюансы. *Die Hütte* переводится на русский язык как «избушка», «горная хижина», в немецком значении присутствуют оттенки уюта, романтичности, самостоятельности. В представлении большинства россиян избушка, хижина — это нечто иное, чем добротное комфортное строение, а дом — это, как правило, не собственный коттедж, а многоэтажный жилой объект с возможным наличием в нём в том числе коммунальных квартир. Поэтому при переводе подобного рода метафорических моделей могут требоваться специальные лингвокультурологические комментарии.

Другие метафоры в тексте выполняют когнитивную и образную функции, характеризую известного старейшего политика Хайнера Гайслера, во-первых, как «пёструю птицу с чёрной душой» *ein bunter Vogel mit schwarzer Seele*, во-вторых, «спасителя» *Retter* и, в-третьих, как умиротворителя *Schlichter*, на долю которого выпала миссия исключительной трудности, выраженная в очередной развёрнутой метафоре «квадратура круга» *Quadratur des Kreises*. Можно предположить, что выражения типа «пёстрая птица с чёрной душой» и некоторые другие в этом тексте также требуют пояснений, которые обнаруживаются в процессе развёртывания этой метафорической модели. Под «пёстрой птицей» подразумевается наличие у этого человека доверия со стороны как «зелёных», так и «чёрных». С одной стороны, он неоднократно поддерживал политические акции «зелёных», с другой — этот «изошрённый стратег»

gefuchster Stratege в прошлом прославился на посту генерального секретаря ХДС *gerühmter Ex-Generalsekretär ...der CDU* (чёрный цвет — символ ХДС).

Таким образом, основные признаки доминантных метафорических моделей — это высокая частотность использования соответствующих им концептов, развёрнутость и рассредоточенность по различным частям текста внутри дискурса. Особую значимость приобретает использование метафорических моделей в наиболее сильных позициях текста, в первую очередь в заголовке. Взаимодействие метафоры заголовка и всего текста служит основой для реализации эффектов обманутого, усиленного и оправданного ожидания. Метафорические модели в дискурсе представляют собой мощное средство воздействия на адресата, проявления оценочности и агрессивности политического дискурса. Меткая политическая метафора обладает эвристическим потенциалом, формирует отношение к обсуждаемым проблемам, влияет на принятие решений.

В политических дискурсах россиян и немцев для обозначения сходных ситуаций однотипные метафорические образы могут восприниматься по-разному [Миронова, 2007, 2009]. Сопоставление способов метафорического представления одной и той же политической ситуации (например, военных действий в бывшей Югославии или в Афганистане) в российском и немецком ПД показывает избирательность метафоры и различия прагматического потенциала моделей. Одновременно факты подтверждают реальность существования общих закономерностей, своего рода интердискурса. Например, театральные метафоры в российской и немецкой политической коммуникации близки по составу фреймов, слотов и набору концептов.

Сопоставление метафорических моделей, используемых в современных российских и немецких политических текстах интердискурса, позволяет лучше понять существующие проблемы и выделить то общее, что создаёт базу для взаимопонимания и толерантности в отношениях.

Преодоление трудностей, возникающих при интерпретации политических метафор в русском и немецком языке, способствует развитию переводческих компетенций.

Список литературы

- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. М.: Флинта. Наука, 2008.
- Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2010.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 7-е изд. М.: Кн. дом ЛИБРОКОМ, 2009.

- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём. М., 2004.
- Маслова В.А.* Современные направления в лингвистике. М.: Изд. центр «Академия», 2008.
- Миронова Н.Н.* Интерпретация семантики номинативных единиц в политическом дискурсе как проблема теории и практики // Наука о переводе сегодня: Мат-лы междунар. конф. / Под общ. ред. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во Моск. ун-та, Высшая школа перевода МГУ, 2007. С. 222—229.
- Михалев А.Б.* Общее языкознание. История языкознания: путеводитель по лингвистике: конспект-справочник. М.: Флинта: Наука, 2008. 240 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. 314 с.
- Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. М., 2007. 256 с.
- Mironova N.N.* Wortwahl im politischen Diskurs // Die Ordnung des Standard und die Differenzierung der Diskurse/Akten des 41. Linguistischen Kolloquiums in Mannheim 2006. Frankfurt a. M.: Peter Lang Verlag, 2009. S. 411—416.

Quellen

- Der Spiegel, N 13/2007; 27, 28, 29, 30 /2009.
Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2010.
Süddeutsche Zeitung, 2010.

Internet

- <http://www.literatur-im-foyer.de/Sites/Didaktik/metapher.htm>
<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-66360390.html>

Л.И. Раздобудько-Чович,

доктор филологических наук, профессор филологического факультета Косовомитровского университета (г. Косовска-Митровица, Сербия); e-mail: lrzodobudko@mail.ru,

Б. Чович,

академик, доктор филологических наук, профессор факультета филологических наук Паневропейского университета (г. Баня-Лука, Босния и Герцеговина); e-mail: covicb@mail.ru

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В СБОРНИКЕ
НОВЕЛЛ ИВО АНДРИЧА «ДОМ НА ОТШИБЕ»
И ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(к 120-летию со дня рождения Иво Андрича)**

Изучение фразеологических средств языковой репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» на материале цикла новелл «Дом на отшибе», итогового произведения в творческом пути Иво Андрича, позволило выявить весь комплекс фразеологических единиц, являющихся элементами идиостиля писателя. В ряде случаев фразеологические единицы могут быть осложнены авторскими коннотациями и это приводит к тому, что в пределах контекста общеязыковые значения данных фразеологизмов претерпевают смысловую трансформацию, в результате которой возникают индивидуально-авторские значения. В ходе анализа средств фразеологической вербализации концептов «жизнь» и «смерть» было выявлено, что в тексте произведения рассматриваемые концепты эксплицируются также фразеологизмами, входящими в состав ассоциативно-смысловых полей «жизнь» и «смерть».

Таким образом, исследование концептов «жизнь» и «смерть», основополагающих единиц философско-ценностной системы творчества Иво Андрича, расширило методологию постижения художественного мира писателя, позволило добиться более глубокого проникновения в ментальный мир автора и точнее определить особенности его речестилевой системы.

Специфика средств и способов эстетической репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» в корпусе цикла новелл Иво Андрича даёт возможность говорить о своеобразии жанровой экспликации упомянутых художественных концептов.

В идиостиле Иво Андрича *жизнь* — это явление более сложное и многомерное, чем *смерть*. Разнообразие структурных компонентов концепта «жизнь» и богатство средств его объективации в цикле корпуса новелл «Дом на отшибе» свидетельствуют об этом. Однако данные концепты существуют неотделимо друг от друга. Осмысление и интерпретация в тексте цикла новелл «Дом на отшибе» этих философских категорий отражает многоплановость концептосферы Иво Андрича как проявление специфики его идиостиля.

Ключевые слова: фразеологизм, трансформированный фразеологизм, фразеологический эквивалент, идиостиль, концепты «жизнь» и «смерть».

Larisa Razdobudko-Čović,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Faculty of Philology, University of Mitrovica (Kosovska Mitrovica); e-mail: lrzodobudko@mail.ru

Branimir Čović, PhD, Academician, Professor at the Faculty of Philology, Pan-European University, Banja Luka, Bosnia and Herzegovina; e-mail: covicb@mail.ru

Phraseological Peculiarities of Artistic Concepts “Life” and “Death” in Ivo Andrić’s Cycle of Short Stories “The House on the Outskirts” and its Russian Translation (Celebrating Ivo Andrić’s 120th Birthday)

The study of phraseological means of representing the concepts of “life” and “death” reveals a whole range of phraseological units, which are elements of the writer’s idiosyncrasy. It is to be noted that sometimes phraseological units are complicated by the author’s connotations, so that in the context their general meaning is undergoing a certain transformation, resulting in the emergence of the author’s individual meaning of such units. The analysis of phraseological verbalization of the concepts of “life” and “death” shows that in the text of the work the concepts become explicit by means of phraseological units that are part of the associative-semantic field of “life” and “death”.

Thus, the study of basic concepts of “life” and “death”, the fundamental units of Ivo Andrić’s philosophical and value systems, has expanded the methodology of comprehending the author’s artistic world, penetrating deeper into his mental world and defining distinct features of his speech-style system.

The peculiarities of the ways and means of aesthetic representation of the concepts of “life” and “death” in Ivo Andrić’s cycle of short stories “The House on the Outskirts” make it possible to speak of the uniqueness of the genre explication of the above mentioned concepts.

In Ivo Andrić’s idiosyncrasy, life as a phenomenon is more complex and multidimensional than death. A variety of structural components of the concept of “life” and the many means of its objectivation in the above mentioned cycle of short stories testify to this fact. However, these concepts are inseparable from each other. Comprehension and interpretation of these philosophical categories in the cycle reflect the multifaceted nature of Ivo Andrić’s concept sphere as a manifestation of his idiosyncrasy.

Key words: phraseology, transformed phraseological unit, phraseological equivalent idiosyncrasy, the concepts of “life” and “death”.

Материалом для настоящей работы послужил цикл новелл Иво Андрича «Дом на отшибе», являющийся заключительным аккордом творчества писателя и сочетающий реальное и имажинарное начала. Авторы параллельно исследуют как оригинальный авторский текст на сербском языке, так и его перевод на русский язык, осуществлённый Александром Романенко [Андрич, 1984, с. 119—208].

В качестве объекта исследования выступают фразеологические репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» и ряд связанных с ними дихотомий: потусторонний-посюсторонний, здешний-нездешний мир, факт-фикция. Выбор фразеологизмов в качестве объекта исследования обусловлен тем, что невозможно переоценить роль фразеологических единиц языка в реконструкции национальной картины мира. Фразеологические единицы отражают исторический опыт народа, а применительно к ключевым концептам дают информацию о тех знаниях, которыми располагает культура относительно стоящих за этими фразеологическими единицами фрагментов «невидимого» мира.

В методологии современного языкознания одно из ведущих мест занимает когнитивный подход к изучению языковых явлений. Концепты понимаются как единицы оперативного сознания, которые являются отражением факта действительности [Кубрякова, 1998, с. 47—50]. Они могут быть вербально представлены в виде ядерных лексем, фразеологических единиц, паремий, словообразовательных структур и т.д. Такое разнообразие средств их вербализации в языке предоставляет возможность полного отражения картины мира и культурных традиций в сознании носителей языка.

В современном сопоставительном языкознании, да и в лингвистике в целом отмечается довольно пристальное внимание к исследованию концепта «жизнь». В качестве примера можно привести тот подход к изучению вербализации названного концепта и его репрезентации во фразеологических единицах [Ипанова, 2003, с. 22—29; Новикова, 2003], при котором концепт «жизнь» в рамках когнитивного анализа рассматривается как «духовная жизнь человека» [Яковенко, 1995]. Однако в современных лингвистических исследованиях концепт «жизнь» чаще всего изучается в сопоставлении с концептом «смерть». При этом подходе интересующие нас концепты изучаются с точки зрения их лексической представленности в сознании носителей языков [Тимонина, Барабанова, 2009, с. 164—168; Чернейко, Хо Сон Тэ, 2001, с. 50—59], а также с позиций выявления структурных связей, организующих лексико-семантические поля данных концептов при сопоставлении нескольких языков [Гольдберг, 1984].

В ряде исследований указанные концепты рассматриваются как антитеза в культурологическом аспекте [Власова, 2003, Мршевић-Радовић, 2008, Радић-Дугоњић, 2003], в других исследуется их вербальная представленность в идиостилиях определённых писателей [Бычкова, 2004; Дзюба, 2001; Ермакова, 2006; Чумак, 2004], в третьих они становятся объектом исследования переводоведения [Влахов, Флорин, 1980; Гарбовский, 2007; Пејановић, 2010]. С позиций переводоведения важно определить, каковы тенденции перевода упомянутых фразеологических единиц при переводе текстов с одного языка на другой. Все перечисленное является обоснованием актуальности выбранной темы исследования.

Цель настоящей работы: 1) выявить специфику индивидуально-авторского содержания исходных ключевых концептов «жизнь» и «смерть» и смежных с ними в цикле новелл Иво Андрича «Дом на отшибе»; определить механизмы взаимодействия этих концептов в идиостиле писателя; 2) определить круг фразеологических единиц, вербализующих концепты «жизнь» и «смерть» в их противопоставлении друг другу путём анализа синтагматических отношений; и, наконец, 3) определить тенденции перевода фразеологизмов, яв-

ляющихся средством вербализации упомянутых художественных концептов «жизнь» и «смерть», с сербского языка на русский. Следует учитывать близкое родство этих языков и связанные с ним проблемы, в частности интерференцию как явление взаимодействия структур и структурных элементов языков, находящихся в контакте, что в переводе приводит к изменению в структуре или элементах структуры одного языка (языка цели) под влиянием другого (исходного языка).

Хотя каждая новелла в своём роде уникальна (и по переплетению пластов текста, и по возможностям интерпретации), наблюдается ряд устойчивых особенностей в стратегии текстообразования, характерных не только для малой прозы писателя, но и для его художественной манеры в целом. В первую очередь это касается способов репрезентации универсальных текстовых категорий (пространства, времени, субъекта повествования, вербализации основополагающих концептов «жизнь» и «смерть», которые, как мы уже отметили, и являются предметом настоящего исследования). В каждой новелле есть свой ракурс освещения сущности ключевого образа, связанного с постижением смысла *человеческой жизни*, то есть её способности быть выше физического существования — остаться надолго в памяти людей. Вербализация основных концептов *бытия (и небытия)* в структуре текста осуществляется единством семантически родственных ключевых образов, выступающих эталонами в соотнесённости концептов *человека и вечности*.

Как отмечает исследователь творчества Иво Андрича Ольга Кириллова, «черты его поэтики самопародируются в сборнике новелл “Дом на отшибе”. Литературная игра как важнейший элемент художественного целого сборника порождает определённую структурную заложенность в концепцию книги, отстранённость от мира неавторской словесности, который становится здесь объектом литературного осмысления и который представлен персонажами созданного Андричем в течение всей жизни художественного мира. Эта книга, моделирующая уже созданный художником мир, книга — прощание (последняя книга Андрича, опубликованная посмертно), где автор, следуя законам принятой им игры, сам обращается в персонажа, находящегося внутри того мира, от которого читатель посредством игры отстраняется. Это противоречие становится источником иронии, выражающей драматическое по сути своей мировосприятие художника, родившегося на грани эпох и перекрёстке культур» [Кириллова, 1990, с. 147—150].

На основании анализа текстов 11 новелл цикла «Дом на отшибе» («Бонваль-паша», «Али-паша», «Барон», «Землемер и Юлка», «Цирк», «Яков, друг детства», «Рассказ», «Рабыня», «Две жизни», «Любовь», «Зуя») представляется возможным говорить об особом

и преобладающем способе представления художественного времени, который можно определить как «идея связи времён, выраженная не в безликом его движении, а в череде людских судеб, как звеньев одной цепи. Такая связь существует, считает Андрич, хотя она не всегда видна, хотя она сложна и причудлива. Воплощение этой причудливой связи — уединённый дом в старой части Сараева, где обитает автор-рассказчик и где его посещают призрачные собеседники, повествующие о себе» [Яковлева, 1984, с. 18]. Среди посетителей-призраков «дома на отшибе» выделяются и один из локальных самодержцев Боснии Али-паша, под конец жизни без видимых причин смещённый, подвергнутый унижительному наказанию и убитый; и девушка-невольница, покончившая с собой накануне продажи, так как «это было единственное утешение, единственный путь к спасению. *Из-за жизни отказаться от жизни...* Исчезнуть навсегда, как исчезло всё, что ей принадлежало»; это и шалый француз Бонваль-паша, буйный, «этот гротескный, но отнюдь не смешной искатель приключений и весельчак», который «сотни раз оказывался в трудных ситуациях, но никогда не попадал в безвыходные», «приводящий в смятение мирный и богатый город Сараево»; а рядом с ним «один из спокойных и приятных посетителей дома на отшибе Ибрагим-эфенди Шкаро, чудаковатый легендарный рассказчик, «жизнь которого так и прошла в рассказах, словно она сама рассказ», а рассказы его «живут долго и переходят из уст в уста по всей Боснии», хотя прошло уже полвека от его кончины; и старый циркач, влюблённый в холодную и бессердечную канатную плясунью; и добрая, безотказная служанка Зуя, посвятившая свою жизнь хозяевам, их детям и внукам; и землемер, не выдержавший безобразий жены Юлки... Каждый из этих персонажей, принадлежавший к разным эпохам, национальностям и вероисповеданиям, прежде всего личность, неповторимая и цельная. Они оказываются в ситуациях, которые не в силах изменить, и все же каждый сохраняет верность себе, даже если за это приходится заплатить жизнью.

Жизнь и смерть — две философские категории, два ключевых художественных концепта, вербализация которых в тексте произведения отражает индивидуально-авторское мировосприятие Иво Андрича. Исследование способов языковой объективации позволяет установить эстетические связи компонентов текста с его концептуальной целостностью и определить особенности идиостиля Иво Андрича. Ядерными лексемами этих концептов соответственно являются *жизнь-смерть* (серб. *живот-смрт*) и ряд сопровождающих эту антитезу противопоставлений.

В основе методологии данного исследования лежит комплексный подход, в котором в качестве основного выступает метод концеп-

туального анализа текста, предполагающий рассмотрение способов языковой манифестации упомянутых концептов с последующим моделированием их структуры. Используя приёмы семантико-стилистического, контекстуального и интертекстуального анализа текста, позволяющие выявить наличие межъязыковых и внутриязыковых признаков концептов «жизнь» и «смерть», было установлено, что:

1.1. Ядерная лексема концепта «жизнь» (серб. «живот») в новелле «Бонваль-паша» реализует такие значения, как:

— *образ жизни* (“Tu se, pod komandom princa Evgenija Savojskog, istakao isto toliko svojim sposobnostima koliko i svojim *raspusnim životom* i svojom *kavgadžijskom ćudi...*” (s. 13) — «Здесь, состоя под командой принца Евгения Савойского, он выдвинулся как своими способностями, так и *разгульным образом жизни* и необычно *вздорным характером...*» (с. 122); “Jeo je i pio nemilice, a umeo i da *živi nedeljama o hlebu i vodi*” (s. 18) — «Он ел и пил невообразимо много, но случалось, неделями *жил на воде и хлебе...*» (с. 126); “Znam da mu (Alipaši, glavnom liku i kazivalu iz istoimene novele. — L.Č.) oholi grof Bonval nikad i nipošto ne bi ustupio *ni nokat* od svog prava prvenstva sa kojim se rodio i koje je neokrnjeno proneo kroz svoj ludi i neobični život...” (s. 19) — «Я понимаю, что ему (Али-паше, герою и сказителю одноименной новеллы. — Л.Ч.) кичливый граф Бонваль никогда и ни за что *не уступит ни на йоту* своего права первенства, каким он обладает по рождению и какое с честью пронёс через всю свою *шалльную* и необыкновенную *жизнь...*» (с. 126—127)) Информация передаётся с помощью фразеологизмов *raspusni život* — *разгульный образ жизни*, *živeti o hlebu i vodi* — *жить на воде и хлебе*, *ne ustupiti ni nokat* — *не уступить ни на йоту*. Интересно отметить, что не редки случаи, когда свободное словосочетание автор перевода даёт как фразеологизм анализируемого концепта (*kavgadžijska ćud* — *вздорный характер*), иногда и с индивидульно-авторскими преобразованиями. Например, компонент *glava* фразеологизма *шалльная голова* заменён словом *жизнь*: луд живот — *шалльная жизнь*; — *жизнь как действие* (“...Pred opasnošću da bude vezan sproveden na austrijsku granicu, gde ga je očekivala sigurna smrt, Bonval je, po savetu svojih sarajevskih prijatelja, *prešao na islam...*” (s. 14) — «Опасность, что его свяжут и доставят на австрийскую границу, где его ожидала верная смерть, побудила Бонвиля прислушаться к совету сараевских друзей и *принять ислам...*» (с. 123); или “...Nije ličio ni po čemu na lepotane-zavodnike, ali i takav ružan i naprasit umeo je da se približi i *uviče pod kožu ženata*” (s. 18) — «Он ничем не напоминал обольстительных красавцев, но, уродливый и резкий, привлекал женщин и *покорял их сердца...*» (с. 126)). Информация реализуется с помощью фразеологизмов *prešao na islam* — *принять ислам*, *uviče*

pod kožu — покорить сердце, как и контаминацией двух фразеологизмов *očekivala je sigurna smrt* — ожидает верная смерть.

— информация о человеке (“*Čovek otvoren i široke ruke, on se, čak i u ovoj nepoverljivoj i zatvorenoj sredini, slobodno kretao i lako povezivao sa ljudima svih vera i staleža*” (s. 14) — «Открытый и щедрый по натуре, он даже в этой, исполненной недоверия замкнутой среде чувствовал себя свободно и легко договаривался с людьми всех вероисповеданий и сословий» (с. 122). Устаревший сербский фразеологизм *čovek široke ruke* переведен с помощью свободного словосочетания *щедрый по натуре*, хотя в русском языке есть адекватный устаревший фразеологизм *человек широкой руки*; или “...*To je snažan pedesetogodišnjak, ukoljica, raspikuća, gurman i veseljak sa otrešitošću i samopouzdanjem francuskog feudalca, sa prodornošću avanturiste i bludnog sina koji smatra da čovek vredi samo onoliko koliko ume da se probije u svetu i nametne ljudima...*” (s. 13) — «Это крепкий пятидесятилетний весельчак, спорщик, транжир и гурман, отличающийся решительностью и самоуверенностью французского феодала, предприимчивостью авантюриста и блудного сына, который убежден, что стоящие люди лишь те, кто умеет добиваться в жизни желаемого и способен подчинить людей своей воле...» (с. 122); “*Prčast i baburast nos*” (s. 16) — «Вздёрнутый длинный нос» (с. 124)¹. Эта информация может быть вербализована при помощи фразеологизмов, указывающих либо на внутреннюю отличительную черту характера (човек *široke ruke* — щедрый по натуре, *bludni sin* — блудный сын, *svuda u svom i na svom* — всюду чувствует себя дома), либо на внешность человека (*prčast i baburast nos* — вздёрнутый нос);

— восприятие жизни (гедонизм, жизнь как наслаждение) (“*Osvaja ljude, često zaobilazi i još češće gazi zakone, provodi svoje čudi i ostvaruje zamisli, nikad se ni za trenutak ne ustručava da bude ono što je...*” (s. 17) — «...Подчинял себе людей, часто обходил, а куда чаще нарушал законы. Следовал своим капризам и воплощал свои замыслы, никогда ни на один миг не стеснялся быть самим собою...» (с. 125)). Эта информация реализуется с помощью следующих устойчивых словосочетаний: *da bude ono što je* — быть самим собою, *gaziti zakone* — нарушать законы, *provodi svoje čudi* — следовать своим капризам², *ostvariti zamisli* — воплощать свои замыслы.

На основании проведённого анализа перевода данной новеллы на русский язык, осуществлённого А. Романенко, можно сделать вывод, что в сербском языке ядерная лексема концепта «жизнь»

¹ Следует отметить, что переводчик *baburast nos* перевел ошибочно: как *длинный нос*. Следовало бы перевести как *мясистый* или *толстый нос*; “... kao da je uvek i svuda u svom i na svom” (s.15) — «...всюду чувствует себя дома» (с.124)).

² Сербский фразеологизм *provodi svoje čudi* лучше перевести как *удовлетворял свои капризы (причуды)*.

реализует значения в основном такие же, как и в русском языке: *образ жизни, жизнь как действие, информация о человеке (внутренняя и внешняя характеристики человека), восприятие жизни.*

Вместе с тем есть и отличные от сербского значения, которые выявляются только в результате анализа перевода. Это такие как:

— *жизнь как цель* («...Это крепкий пятидесятилетний весельчак, спорщик, транжир и гурман, отличающийся *решительностью* и самоуверенностью французского феодала, предприимчивостью авантюриста и блудного сына, который убеждён, что стоящие люди лишь те, кто умеет *добиваться в жизни* желаемого и способен подчинить людей своей воле...» (с. 122) — “То je snažan pedesetogodišnjak, ukoljica, raspikuća, gurman i veseljak sa otresitošću i samopouzdanjem francuskog feudalca, sa prodornošću avanturiste i bludnog sina koji smatra da čovek vredi samo onoliko koliko ume da se probije u svetu i nametne ljudima...” (s. 13). Обычное свободное словосочетание оригинала *da se probije u svetu* в переводе даётся в виде фразеологического *добиваться в жизни*).

Перечисленный состав значений ядерных лексем в каждом из сравниваемых языков представляет понятийную часть исследуемого концепта «жизнь» (серб. «живот»).

1.2. В системе мировосприятия автора цикла новелл «Дом на отшибе» явления жизни и смерти реализуется в виде своеобразной триады *жизнь — смерть — бессмертие*. Идея Иво Андрича о вечном существовании в человеческой памяти (обусловленном земной жизнью, образом жизни, стремлением к созиданию, гармонии, единству со всем сущим) предполагает неизбежность смерти как физического явления. Человек на пути к бессмертию как к особой форме присутствия в памяти потомков воспринимает смерть как этап и своеобразное подведение итогов, чем преодолевается боязнь смерти.

Так, несмотря на то, что главный герой новеллы «Бонвальпаша» «вплоть до своего *смертного часа* устраивал пиршества, на которых плясал и пел озорные солдатские песни, он умер с чувством сожаления, что его прах не будет смешан «с пеплом его предков». А пока он умирал, за душу его боролись ходжи и католические священники из Перы, и те и другие озабоченные его *вечным спасением*, о котором он сам никогда не проявлял ни малейшей заботы» (с. 123) — “Sve do *samrtnog časa* priređivao je gozbe na kojima je igrao i pevao obesne vojničke pesme. Pa ipak, umro je sa osećanjem žaljenja što se njegov pepeo neće pomešati» sa pepelom njegovih predaka. Dok je umirao, o njegovu dušu su se otimali hodže i katolički popovi iz Pere, zabrinuti i jedni i drugi za njegovo *večito spasenje* o kome on sam nije nikad brinuo” (s. 15). А потом *осталась* и долго *жила о нем память...* — Posle toga *ostalo je i dugo trajalo sećanje na njega*; u tom

sećanju, on je živeo uvećan i ulepšan i onda kad je od sve njegove besne snage postojala još samo šaka praha tamo u starinskom turbetu u Cari-gradu (s. 18—19).

Из приведённых примеров видно, что художественный концепт «смерть» в новелле «Бонваль-паша» у Иво Андрича вербализуется как с помощью универсальных фразеологизмов — библеизмов: *samrtni čas* — *смертный час*, *večito spasenje* — *вечное спасение*, так и устойчивого сочетания *ostalo je i dugo trajalo sećanje na njega*, которое переведено метафорическим словосочетанием — *осталась и долго жила о нем память*.

2.1. Что касается следующей новеллы, «Али-паша», то для неё концепты «живот — жизнь» и смрт — смерть» могут быть объединены рамками одного концепта: «живот/жизнь» — «смрт/смерть», поскольку в этой новелле, как и в человеческом сознании, данные понятия неотделимы друг от друга. Именно здесь раскрывается целый ряд острейших проблем существования: бытие человека на грани жизни и смерти в так называемых пограничных ситуациях, в том числе и во время кризисных ситуаций и обстоятельств. Осознание себя как смертного существа и переосмысление в связи с этим смысла жизни, раскрытие внутренних возможностей человека, часто неизвестных ему самому и открывающихся только в экстремальных ситуациях.

Главный герой Али-паша «с пьедестала своих страданий, словно с высочайшей горы, <...> увидел и постиг <...> истину о людях и их отношениях полнее и глубже, нежели когда-либо прежде... Есть вещи, которые можно было понять лишь тогда, с деревянного седла на облезлом муле, но которые надо бы знать, ведь тогда его жизнь и многие его поступки открылись в другом, истинном свете, и люди лучше бы умели *управлять собой* и другими» (с. 137) — в оригинале: “Sa postolja svoga stradanja, ...on je sagledao i uvideo, kaže, neke istine o ljudima i ljudskim odnosima, bolje i jasnije nego ikad ranije u svome životu... Ima stvari koje su samo tada i samo onako sa drvenog samara i olinjale mazge mogle da se sagledaju, a koje bi trebalo da se znaju, jer bi se tada njegov život i mnogi njegovi postupci objavili u drugoj, pravoj svetlosti, i ljudi bi bolje znali da vladaju i da se vladaju” (s. 32).

Человеку только кажется, что бранный мир не меняется. «Казалось, он так будет править *до самой смерти* и передаст своим потомкам страну и власть» (с. 128) — в оригинале: “Izgledalo je da će tako vladati do smrti i da će potomcima ostaviti zemlju i vlast” (s. 22).

Но всему есть конец. В пограничных ситуациях обостряются чувства и мысли человека о неизбежности ухода из бранный мира. При осознании конечности собственной жизни, и в особенности близкого конца, личность начинает осмысливать собственную судьбу по-иному, как бы поднимаясь над повседневностью, нередко

преодолевая уровень обыденного сознания — «...он хотел бы, чтобы правдивая и полная история его жизни стала известна всем. Если это возможно — хорошо, но он ни о чем не просит и ни на чем не настаивает. *У господа и без того все записано*» (с. 137) — в оригинале: “Zato, samo i jedino zato, želeo bi on da se njegova prava i potpuna istorija iznese na videlo. Ako može — dobro, ali on ne moli i ne navaljuje. *U boga je i tako sve zapisano*. Ali ako može, onda, eto, voleo bi, naročito zbog drugih” (с. 33).

«...это судный день, в котором свет и тени не растут и не уменьшаются и в котором все останется застывшим и неизменным, ... пока не свершится то, чему суждено свершиться» (с. 133). В оригинале: “...to je Sudnji dan u kome svetlost i senka ne rastu i ne opadaju i u kome će sve ostati ukočeno i bez promene, kao pozadina, dok se ne izvrši što treba da bude izvršeno» (с. 27—28).

«В эти дни на этом пути он постиг, что являет собой человек, когда внезапно лишается всего, и, утратив все, *встаёт на собственные ноги*, и, *один как перст*, противостоит всем силам окружающего мира, беспомощный, но несломимый (может лучше: непобеждённый?)» (с. 129). В оригинале: “U tim danima, na tom putu, u njemu je svanulo saznanje: šta ostaje od čoveka koji odjednom sve izgubi i tako, lišen svega, *stane na sopstvene noge*, sam i go, protiv svih sila sveta oko sebe, *bespomoćan a nepobediv*” (с. 23). В переводе дословно переведён фразеологизм *stane na sopstvene noge* — *встать на собственный ноги*, что существенно меняет смысл предложения, так как эти фразеологизмы — межъязыковые омонимы. Более адекватными были бы следующие варианты перевода: 1. *увидел мир другими глазами*, *у него открылись глаза*, или 2. *перестаёт смотреть на мир через розовые очки*.

В приведённых отрывках дана философия концепта «жизни и смерти» главного героя Али-Паши. Этот концепт реализуется во фразеологизмах: *stane na sopstvene noge* — *увидел мир другими глазами*, *Sudnji dan* — *судный день*, *vladati do smrti* — *до самой смерти*, *sam i go* — *один как перст*, которые легко распределяются по уже выделенным значениям, таким как:

— *информация о человеке* (*sam i go* — *один как перст*, *stane na sopstvene noge*, као и *položaj prvog čoveka* — *положение первого человека*: ...отпоцео je dugu i nemilosrdnu borbu sa svojom braćom i drugim odžakovićima svoga kraja za položaj *prvog čoveka* u Hercegovini (с. 20) — ...он вступил в долгую и жестокую борьбу с братьями и прочими здешними родственниками за положение первого человека в Герцеговине (с. 127)) и

— *жизнь как действие* (*vladati do smrti* — *до самой смерти*, как и *не приходит в голову*, *обстоятельства складываются*: “...i nije ni pomišljao da mogu naići i takve prilike u kojima će se njegova bezbrojna,

već poslovična lukavstva pokazati kao zastarela, čak opasna po njega” (s. 23) — «...ему не приходило в голову, что обстоятельства сложатся так, что его бесчисленные привычные хитрости окажутся устаревшими и даже опасными...» (с. 129—130); “Međutim, stari vezir je primio vest o njihovom neuspehu kao najprirodniju stvar na svetu, ili se tako pravio” (s. 25) — «Однако старый визирь принял весть об их неудаче как самую естественную весть на свете или *сделал вид*, будто это так» (с. 131); “...da se sad ne pita ni za zdravlje ni za bolest, nego samo za život i za smrt” (s. 25) — «...надо думать не о здоровье и болезни, но о *жизни и смерти* (чем быстрее, тем лучше» (с. 131)).

Следует добавить, что имплицитно выделяется ещё одно значение анализируемого концепта — *смысл жизни*.

3.1. Третья новелла этого цикла «Барон» дополняет концепт «жизнь/живот/» вербализацией следующими фразеологизмами, имеющими значения:

— *качество жизни: (не)srećan život — (не)счастливая жизнь* («И это лишало несчастного барона всякого авторитета в чужих и всякого уважения в *собственных глазах*, закрывало ему все пути, делало для него *невозможной счастливую жизнь* в семье и обществе, из-за этого над ним, иногда грубо и откровенно, иногда *за спиной* и подло, смеялись окружающие его люди, даже те, кто в сто крат его хуже» (с. 139) — “I to je ono što nesrećnom baronu oduzima svaki ugled u tuđim i svaku vrednost u njegovim rođenim očima, što mu zatvara sve puteve, onemogućuje *srećan život* u društvu i porodici, zbog čega mu se, čas grubo i otvoreno, čas *iza leđa* i podlo, podsmevaju svi ljudi oko njega, pa i oni koji su po svemu sto puta gori od njega” (s. 35—36)).

Эти примеры не только дополняют уже известные значения анализируемых концептов новыми фразеологическими единицами, но свидетельствуют о том, что в пределах контекста общезыковые значения данных фразеологизмов претерпевают смысловую трансформацию, в результате которой возникают порой и индивидуально-авторские значения:

— *информация о человеке: Beznadan slučaj — Безнадёжный случай, u najboljim godinama — в расцвете сил, pokošen — сбитый с ног* (как удар молотом звучит в новелле вся безнадёжность положения, в которое игрой судьбы попал несчастный барона Дорна: “*Slučaj je bio beznadan*” (s. 40) — «Случай был безнадёжный» (с. 144); “*Beznadan slučaj*” (s. 43) — «*Безнадёжный случай*» (с. 145), “Možda upravo zato što je njegov *slučaj* tako naročit i toliko *beznadežan*” (s. 43) — «Может быть, и в самом деле потому, что *случай* его такой особенный и такой *безнадёжный*» (с. 146); “A rakija je od tog snažnog čoveka *u najboljim godinama...*” (s. 41) — «А ракия крепкого, *в расцвете сил* человека...» (с. 144); “...i baron je, grubo probuđen i *pokošen*, padao sa svoje mesečarske visine, na koju se bio uspeo, duboko dole u svoju bedu

malog i smešnog, neropravljivog lazova” (s. 40) — «...и грубо пробуждённый, *сбитый с ног*, падал на землю со своей лунатической высоты, на которую он взобрался» (с. 143).

3.2. *Ритуалы, связанные с приближающейся смертью: pričešće — принять причастие* (“Umro je, posle šest meseci, na svom porodičnom imanju u Štajerskoj, *primivši* po pradedovskom običaju *pričešće* iz ruke opata susednog cistercitskog manastira. Ali je i posle *pričešća* u *samrtničkom buncanju*, tražio malo bosanske šljivovice i žalio za večernjim sedenjima i razgovorima na vrelu Bosne, kraj Sarajeva” (s. 43) — «Он умер полгода спустя в родовом имении в Штирии, *приняв причастие*... из рук аббата соседнего цистерцианского монастыря. Однако и *причастившись*, в *предсмертном бреду* по вечерним сборищам и беседам у истока Босны близ Сараева...» (с. 145)).

4. Из приведённых ниже примеров фразеологической вербализации концептов «жизнь» и «смерть» можно заключить, что в тексте произведения рассматриваемые концепты эксплицируются не только фразеологизмами, входящими в состав данных концептов, но и их ассоциативно-смысловыми полями (в тексте обозначены курсивом и подчёркнуты). Вместе с тем анализ фразеологических средств языковой репрезентации концептов позволяет выявить весь комплекс фразеологических единиц, являющихся элементами идиостиля писателя, который мы приведём ниже:

4. 1. Новелла «Землемер и Юлка»

— способ прекращения жизни

“Sahrana je obavljena uz učešće gotovo svih građana S. i uz pojanje sveštenika, iako su svi tvrdo verovali da je *počinio samoubistvo*” (s. 46) — «На похороны пришли почти все жители С., состоялось и отпевание, хотя ни у кого *не было сомнений*, что он *покончил с собой*» (с. 148).

— поведение человека в критических ситуациях жизни:

Moderirati se — (*от лат. moderor, 1 — обуздывать, сдерживать. Вряд ли это неологизм автора. Не исключено, что это диалектизм, возникший под влиянием романоязычных соседей, или жаргонизм) загадочное слово, представляет собой повторяющееся три раза обращение-предупреждение мужа к жене, которая мужу изменяет. Эта фраза удачно переведена русским фразеологизмом *держат себя в руках*, что подсказано окружающим контекстом, в особенности в третьем его повторении.

1. “Julka, *moderiraj se!*, rekao sam. Samo toliko. *A ona dobro zna šta te reći znače kad ih ja kažem. Trebalo bi da zna.* Pa ipak, izgleda da ne zna, ili ne mari za njih. *Đavo će ga znati*” (s. 41); — «Юлка, *держи себя в руках*», — всерьёз пригрозил я. Только и всего. А она отлично знает, что означают эти слова. Должна бы знать. Но, выходит, не знает или плюёт на них, чёрт побери (с. 150);

2. “Moderiraj se, Julka”, kažem ja, opet u nekoj prilici, a ona ne kaže ništa, samo sa dosadom sklapa oči, kao da to, molim vas, nešto znači, i kao da je to neki odgovor (s. 42) — «Держи себя в руках, Юлка», — говорю я снова, а она и не отвечает, только досадливо веки сомкнёт. Будто это, судите сами, что-то означает, будто это ответ (с. 151);

3. “Moderiraj se, Julka”, pokušavam da je mirim, a plač bukne ponovo, kao da sam kantu benzina dolio na prituljenu vatru (s. 44) — «Держи себя в руках, Юлка», — пытаюсь я её успокоить, но она с новой силой ударяется в слёзы, точно я ведёрко бензина плеснул в угасающий огонь (с. 153)³.

Предостережения и угрозы мужа не дали положительных результатов, и это привело к обострению их отношений, что демонстрируется рядом соответствующих фразеологизмов типа:

— *dovevesti do besa* — *приходить в ярость* (“То počinje da te ljuti sve više i više, i najposle može čoveka da *dovede do, do... do besa*” (s. 50) — «...Злишься все больше и больше и наконец *приходишь в ярость*» (с. 151));

— *izići iz takta* (“Pa to je da i najmirniji čovek pobesni i *da iziđe iz takta*» (s. 50) — «А ведь это способно *разъярить* и заставить забыть о приличиях самого спокойного человека» (с. 151)⁴;

— *udarila ti krv u glavu* — кровь бросается в голову (“...*udari ti krv u glavu*, i ti osetiš potrebu da se braniš i da dokazuješ da si tu, živ, i da nisi lud” (s. 51) — «...то кровь бросается в голову и возникает острая потребность защищаться и доказывать, что ты здесь живой и в *своём уме*» (с. 152)); а также

— *информация о человеке: meka srca čovek* — доброе сердце (“Dobro sam vaspitan i *meka srca čovek...*” (s. 53) — Я человек воспитанный, сердце у меня доброе...» (с. 153). Фразеологизм *čovek meka srca* переведён свободным словосочетанием *доброе сердце*).

В следующих новеллах список фразеологизмов может быть пополнен значениями анализируемых концептов, нехарактерными для их номинативного значения; они дают характеристику либо *поведению героя*, либо *его действию*, что каким-то образом определяет судьбу героя, его жизнь.

³ Кстати, в данных отрывках А. Романенко допустил несколько ошибок как на фразеологическом, так и на лексическом уровне, которые, как правило, сопровождают переводы с близкородственного языка вследствие наличия межъязыковых синонимов. Например, 1) «чёрт побери» не является эквивалентом сербскому фразеологизму “*đavo će ga znati*”, а «чёрт /бог/ его знает»; «чёрт побери» — эквивалент сербскому “*đavo ga odneo*”; 2) “sa dosadom sklapa oči” переведено «досадливо веки сомкнёт», а нужно было — «со скукой веки сомкнёт». С другой стороны, хотя кажется слишком свободным перевод сербского “*reka sam*” как «всерьёз пригрозил я», но предыдущая угроза «Держи себя в руках, Юлка» полностью оправдывает такую свободу прочтения внутритекстовых скрытых смыслов.

⁴ Для сербского устойчивого словосочетания *izići iz takta* переводчик не нашёл адекватного в русском языке и перевёл глаголом *разъярить*).

5. Новелла «Цирк»:

— *stiskati zube* (“*Stiskao sam zube i nastojao da zadržim suze teškog razočaranja...*” (s. 61)) — *oterati na prosjački štap* (“*Na prosjački štap će ga oterati*” (s. 64)) — *пустить по миру* («Она *пустит его по миру*» (с. 162));

— *isprazniti džepovi* (“Ne samo što ti *prazni džepove*, nego ti je *popila mozak i srž iz kostiju*” (s. 64)) — *пустой карман* «Она не только твои карманы опустошила, она *все соки из тебя — popiti mozak i srž iz kostiju*” (“Ne samo što ti *prazni džepove*, nego ti je *popila mozak i srž iz kostiju*” (s. 64)) — *соки высосать* («Она не только твои карманы опустошила, она *все соки из тебя высосала...*» (с. 162));

— *gledati pravo u oči* (“I govoreći to, *gledala mu je pravo u oči*, bez uzbuđenja, bez mržnje, hladno i rasejano” (s. 66)) — *смотреть прямо в глаза* («И все это время она *смотрела ему прямо в глаза*» (с. 163));

— *u četiri oka* (“...u *četiri oka i pred ljudima...*” (s. 65)) — *с глазу на глаз* («...измывавшейся над ним... *и с глазу на глаз*, и при людях...» (с. 163));

Иногда свободное словосочетание оригинала переводчик заменяет фразеологическим эквивалентом: “*Jedva su me urazumili...*” (s. 61) — *Прийти в себя (привести в себя)* (с. 159).

Таким образом, представляется целесообразным отметить, что дискурс меняет смысл фразеологических единиц, и они становятся периферийной частью наших анализируемых концептов.

Кроме новых контекстуально обусловленных значений фразеологизмов в функции данных концептов в этой новелле имеются также ранее указанные значения концепта «жизнь», например:

— *информация о человеке: nemirna srca i pritajena daha* [“*Nemirna srca i pritajena daha ušao sam...* u cikrus koji je bio jarko osvetljen...” (s. 56) — *С замирающим сердцем, затаив дыхание*, вступил я... внутрь освещенного шатра...» (с. 156). Или свободное словосочетание оригинала заменено в переводе фразеологизмом с соответствующим значением: *usukao je i olinjao — с лица спал* (“Eto si se sav usukao i olinjao...” (s. 65) — *«То-то ты высох и с лица спал!»* (с. 162)).

б. Новелла «Яков, друг детства»:

— поведение человека:

— *ne pada na um* (“Ali Jakovu to *na um ne pada...*” (s. 72) — *в голову не приходит* («Якову подобное и *в голову не приходит*» (с. 168));

— *ne ide za rukom* (“...*nije pošlo za rukom*” (s. 72) — свободное словосочетание («...чего ему самому не удалось добиться» (с. 168)); свободное словосочетание *...da ga iskorišćuju* в данной новелле переведено русским фразеологизмом *жить за счёт кого-то* с соответствующим значением: “...*da kaže da su paraziti i da ga iskorišćuju*” (s. 71) — «...они паразиты *и живут за его счет*» (с. 168));

— как и глагол *zaduživati* — фразеологизмом *залезать в долги*: “...jer on nije od onih što posreću ulicom, što se *zadužuju* ili izazivaju skandale” (s. 72) — *залезть в долги* («...слоняются по улицам, *залезают в долги...*» (с. 168));

Значения, входящие в состав концепта «жизнь»:

— *информация о человеке: и najlepšim godinama* (“То је снажан и vedar čovek” и *najlepšim godinama* — *в расцвете сил* («Это — образ жизни»: фразеологизм переведён свободным словосочетанием:

Psovati sve živo i mrtvo (“...i psovao sve živo i mrtvo” (s. 70)) — свободное словосочетание «Поносить все *живое и мертвое*» (с. 167).

7. Ассортимент средств вербализации концептов «жизнь-смерть» в новелле «Рассказ» своеобразен и находится в прямой связи с трактовкой характера главного персонажа Ибрагим-эфенди, чудакватого, «никогда не занимающегося «серьезным занятием» и ни к чему *рук не прикладывающего* (с. 177) (...ali nekim poslom, onim što se zove “ozbiljan posao”, nije se nikad bavio niti se primao nekog zanimanja (s. 82)), но бесподобного сказочника, живущего в воображаемом мире своих удивительных историй, не похожих на окружающую действительность. Оказывается, что его небылицы — своего рода протест против произвола властей, погубивших его отца. С молоком матери всосавший горечь сиротства и ненависть к убийцам отца и виновникам скоропостижной смерти матери, которая «покинула сей мир, не найдя слов для выражения того, что привело её к смерти...» (с. 177) (“...otišla je sa sveta, ne našavši reci za ono od čega je umrla” (s. 82)). Не обладавший отцовским мужеством, Ибрагим ушёл в вымышленный мир. («Вместо так называемой реальной жизни, удар которой он ощутил еще в материнской утробе, он создал себе иную действительность, существующую в его рассказах» (с. 180—181)). В мире, о котором он постоянно рассказывает своим землякам «простым душам», люди окружены уважением, никто никого не обижает, а все происходящее имеет благополучный конец, хотя «иные начальники, чиновники и “деловые люди” неодобрительно относились к... его рассказам...». Их оскорбляло, «что над ними смеётся столько *простых смертных*. И все же эти его сказки оставили след, и след заметный. Хотя сказочник давно похоронен на сараевском кладбище, он оживает как легенда и его истории передаются *из уст в уста* по всей Боснии. Так он избежал смерти и обманул судьбу. Вот уже около пятидесятилетия он лежит в могиле на Алифаковце. Но нет-нет и оживает как легенда» (с. 180). (Ср. «Bivalo je da neki prvaci, državni službenici i “ljudi od posla” nisu dobro primali ni Ibrahim-efendiju ni njegove priče ali ih vreda, izgleda, to što se toliki ostali ljudi smeju... a priče žive dugo i idu *od usta do usta* po celoj Bosni» (s. 85)). Из приведенных отрывков видно, что значительная часть фразеологизмов данной новеллы представлена

теми единицами, которые являются средствами вербализации концептов *жизнь* и *смерть*:

— информация о человеке: “*ljudi od posla*” — «деловые люди», *ostali ljudi* — *простые смертные* (очередной перевод свободного словосочетания русским фразеологическим оборотом);

— образ жизни: *niti se primao nekog zanimanja* — *рук не прикладывать*;

— жизнь в противопоставление смерти: *otišla je sa sveta* — *покинула сей мир*.

Что касается фразеологизма *od usta do usta* (*из уст в уста*), то он осложнён авторскими коннотациями, т.е. в пределах контекста общезыковые значения данного фразеологизма претерпели смысловую трансформацию, в результате которой возникло индивидуально-авторское значение, и фразеологизм стал связующим звеном своеобразной авторской триады *жизнь — смерть — бессмертие*, где идея о вечной жизни человека передаётся противопоставлением «он лежит в могиле», «но нет, он оживает как легенда».

8. В новелле «Рабыня» фразеологический корпус, связанный с концептами «жизнь-смерть», весьма и весьма разнообразен и богат разного рода противопоставлениями, поэтому их значения нехарактерны для номинативного значения концепта «жизнь». Ситуация в первую очередь осложняется основным, сквозным парадоксальным противопоставлением — «смерть во имя жизни» (смерть как «единственный путь спасения») — и сопровождающими его антонимами: «чёрный-белый» «одушевлённое-неодушевлённое», «инстинкт смерти — инстинкт жизни» («страх смерти») и т.д. С помощью именно этих средств даётся характеристика нетипичного поведения человека и его действий; в данном случае истинной героини, девятилетней девочки Ягоды из небольшой герцеговинской деревни Прибиловичи. Турки сожгли деревню дотла, а её взяли в плен, посадили в клетку и собираются продать на приморском городском рынке. Оставшись без родни и родной деревни, девочка решила покончить с собой «во имя жизни»: *Nema Pribilovića, nema njene kuće ni njenog roda. Pa onda nema ni nje! To bi bio jedini lek i najkraći put ka spasenju. Zbog života odreći se života. Stalno joj se priviđa plamen, a sa njim uporedo ide i želja: nestati u tom plamenu! Da nestane, ali posve i zauvek, kao što je sve njeno nestalo (s. 79)* — Нет Прибиловичей, нет её дома и её рода. Тогда, значит, и её самой нет! В этом было бы единственное утешение, единственный путь к спасению. *Из-за жизни отказаться от жизни*. Ей все время видится огонь, вызывающий одно желание — исчезнуть в этом огне! Исчезнуть навсегда, навеки, как исчезло всё, что ей принадлежало» (с. 184). И появляется навязчивая мысль — как это сделать? Сначала она решила не смотреть на окружающий противный ей живой мир

и не дышать, после того как «*настал чёрный день*» и «в душе её сами собою выросли другие Прибиловичи, *чёрные, тяжёлые и мёртвые*, они давят на неё, не позволяя глубоко вздохнуть, а люди, близкие ей люди, или погибли, или стали рабами и рассеялись *по белу свету*» (с. 184) — “...u istom trenu podigli su se u njoj, sami od sebe, novi Pribilovići, crni, teški i mrtvi, i leže joj u grudima i ne daju joj da duboko uzdahne, a ljudi ce, njeni ljudi, ukoliko nisu pobijeni, pretvorili u roblje i rasturili *po svetu*” (с. 79). И, наконец, она нашла выход: втиснула голову меж деревянных жердей клетки и повесилась: *Cvileći prigušeno od bola, stezala je zube i grčila mišiče. Činilo joj se da bi tako mogla zaustaviti i samo srce; grč bi prestao i, najposle, srce bi stalo, pao bi mrak koji se ne diže, i nestalo bi nje i sveta... Odupirala se sve jače, a u potiljku, užlebljenom između dve čvornovite motke kaveza, osećala je bol koji biva sve oštrij... Kao da se odjednom svet obrnuo... zemlja, svom težinom, i nemilosrdno sabija njenu glavu sve dublje među dve tvrde motke koje se pretvaraju u omču, u tesnac kroz koji sada valja proći nekud na drugu stranu, kao u trenutku rođenja* (с. 82) — «Приглушенно постанывая, она *стискивала зубы* и напрягала мышцы. Ей казалось, что можно *остановить* и само *сердце*; *сведёт судорога* — и в *конце концов сердце остановится*, наступит тьма... Она продолжала упираться *изо всех сил*, и затылком, зажатым между двумя сучковатыми жердями, чувствовала возрастающую боль... Словно *мир перевернулся*; ...земля безжалостно вбивает ее голову глубже и глубже между двумя... жердями, которые превратились в петлю, в ущелье, и сквозь него теперь нужно *пройти* куда-то *в другой мир*, как и в день своего появления на этот свет»⁵. Но в последний момент ещё раз ожили *инстинкт жизни и страх смерти*: «Молнией сверкнуло новое могучее желание избавиться и защититься от этого сжатия, вырваться из этих тисков. Нет, только не это! Не смерть!... Жить, только жить, любой ценой, как бы то ни было и где бы то ни было, пусть без близких, пусть рабыней» (с. 187) — “Poput munje šiknula je i razlila se po njenoj unutrašnjosti nova i jaka želja da se otima i brani od tog pritiska i tog davljenja. Ne, ne to! Ne smrt! Nek boli nek muči, ali neka ne ubija! Živeti, samo živeti, ma kako i ma gde, pa ma i bez ikog svog, kao rob” (с. 82). Из приведённого отрывка ясно видна трактовка автором двух противоположных инстинктов, присущих особым натурам: добровольный уход из жизни во имя моральных принципов — так называемый *инстинкт смерти*, несмотря на присущий им, как и всем смертным, — *страх смерти*.

Но это не всё. Автор этим мучительным навязчивым мыслям и терзаниям на редкость храброй и морально чистой девушки, при-

⁵ Вместо *пройти* куда-то *в другой мир* может бы было лучше перевести как *в иной мир*), «...как и в миг появления на этот свет» (с. 186—187).

держивающейся строгих патриархальных нравственных норм, противопоставляет всю душевную пустоту её хозяина-рабовладельца и богатого покупателя, дряхлого старика Ибиш-аги, который торгуется, как-будто это любой другой товар, а не мыслящий и страдающий человек — «...А продавец продолжает:

— Это не девушка, а скала. Сам видел. *Товар нележалый*. Что касается выкупа, то это товар не для выкупа. Кто купит — хорошенько запомни! — перепродавать не станет. А захочет продать — в любое время выручит свои деньги и еще в придачу несколько дукатов получит... *Товар сам за себя говорит*. Да что *вольнку тянуть*. Редкий случай!» (с. 182) — “... a trgovac nastavlja:

— To nije devojka, nego tvrdi grad. Sam si video. Nije ovo vodano po pijacama za roblje niti je čamalo po magazama. A što se otkupa tiče, ovo i nije roba za otkup. Ko ovo jednom kupi — znaj dobro! — taj više ne prodaje. A ako baš hoće da proda, može u svako doba dobiti za nju svoje pare, i koji dukat više... Ali, šta da ti duljim! *Espap govori!* Retka prilika!” (s. 77).

В переводном тексте выделяются две фразеологические единицы: *товар нележалый* и *вольнку тянуть*. Первая из этих фразеологических единиц — *товар нележалый* — является свободным переводом сложного предложения оригинала (“Nije ovo vodano po pijacama za roblje niti je čamalo po magazama” — Её не таскали по рынкам для рабов и не сидела она пленницей в чуланах. Перевод наш. — Л. Ч.). Мы не собираемся пока давать оценку тому, насколько этот перевод далёк от оригинала (хотя это факт), но такой перевод подсказан переводчику окружающим контекстом и прежде всего тем, что в тексте живое существо отождествляется с мертвым товаром (*Товар сам за себя говорит*). Исползованная в переводе фразеологическая единица *товар нележалый* (то есть свежий, а не *лежалый* (серб. *bajat, ustajao*), не тот, который долго лежит где-то в тёмном чулане) в данном случае представляет собою наглядный пример одного из самых распространённых видов метонимий — метонимию пространства, в частности той из двух моделей переноса, когда лексема непросторной семантики «товар» означает пространство (*locus*): *товар лежалый* — *чулан*, где он хранится [Ковачевић, 2000, s. 48—51]. В данном случае, так как *товар нележалый*, то отсутствует *чулан* как место его хранения, но подразумевается то место, где предлагают нележалый, свежий товар. Таким образом, употреблённая в переводе фразеологическая единица образует новый концепт: «одушевлённое-неодушевлённое», где живой человек приравнивается к товару: *товар нележалый* — *товар говорит сам за себя*, и товар этот на самом деле говорит (и мыслит). С этой точки зрения довольно свободный перевод сложного предложения оригинала с помощью фразеологической единицы кажется нам удачным,

полноценным, хотя и не является в буквальном смысле точным, так как переводчик опустил первое из двух сложносочиненных предложений, а именно «Её не таскали по рынкам для рабов...» (Nije ovo vodano po pijasama za roblje), хотя отдаленно и намекает на то, что если его (товар) не таскали по рынкам, то путём простых логических умозаключений приходим к выводу, что это «*товар нежелальный*». Это лишний раз свидетельствует о том, что переводчик «Дома на отшибе» Романенко обладает редким талантом аналитического подхода к тексту оригинала и старается уловить все скрытые от простого глаза завуалированные смысловые оттенки поэтического текста. Такому переводчику можно простить редкие ошибки, которые кое-где встречаются в тексте перевода, в том числе и в этом отрывке. Например: “tvrđi grad” — «стена», вместо «крепостная стена», «крепостной вал» или «крепость».

9. В судьбах героев «Дома на отшибе» Иво Андрича прошлое и настоящее, вымышленное и реальное сплетается нередко самым странным и неожиданным образом. Как нельзя лучше это продемонстрировано в новелле «Две жизни», в которой главный персонаж «...носит личину, он замаскировался *с головы до пят* и тщательно скрывает свой внутренний мир! Его странная, отшельническая жизнь и всепоглощающая страсть к диковинам и предметам старины... его смирение, и пренебрежение ко всему остальному, и гробница, приготовленная в саду, — все это личины. Его жизнь протекает вместо другой, иной жизни, которую он отверг, по-настоящему не начав жить» (с. 191). «Люди считали, что перед ним прямая... дорога *избранника судьбы*, а он уже тогда понял, что *не пойдёт этой дорогой*» (с. 192) — “...Pa ovaj čovek je maskiran od *glave do pete*, ne samo izgledom nego celim svojim spoljnim i možda i unutarnjim bićem! I ovaj neobični, osobenjački život, i ta velika i jedina strast sakupljanja retkosti i starina, i priče koje revnosno priča posetiocima, i ta smirenost i nebriga za sve ostalo na svetu, i grobnica spremljena u zelenilu — sve su to samo maske. Ceo taj njegov život postoji samo *umesto* drugog i drugo jačeg života koji je on davno odbacio od sebe, još pre nego što je počeo njime stvarno da živi (s. 100—101) ...Svima se činilo da je pred njim prav i obašjan put izbranika, a on je već tada uviđao da neće dugo tim putem ići...” (s. 102). Вряд ли адекватен перевод конца этого предложения. Ср.: uviđao da neće dugo tim putem ići — понял, что *не пойдёт этой дорогой*. Точнее бы было: «...понял, что недолго будет ходить по той дороге».

10. В новелле «Любовь» героиня осознаёт, что живёт в настоящем «сумасшедшем доме» — (с. 196). Однако она не видит выхода из создавшегося положения: «Живём, если можно назвать жизнью, *как люди не живут*» — говорит она собеседнику. — *Живём как звери*» «...Знаю, что в *злую минуту* убью его. Наверняка. Убью, хотя

я люблю его. *Да простит меня господь!* Люблю, люблю, люблю!.. Я чувствую... что *добром это не кончится*» — (с. 197—198) — “A živimo, ako se to može životom nazvati, kao niko... Kao životinje živimo... Znam, ubiću ga u *zlom trenutku*. Sigurno. Ubiću ga, a volim ga. *Neka mi bog oprosti!* Volim, volim, volim! ...A osećam, osećam jasno, da se sve to ne može *dobro svršiti* (с. 106, 108—109). Трансформированный Андричем сербский фразеологизм *u zlom trenutku* (*zao čas*) переводчик даёт как свободное словосочетание *в злую минуту* вместо существующего адекватного фразеологизма *не в добрый час*.

11. Последняя новелла «Зуя» представляет концепт «жизнь» как *реальные действия, поддерживающие жизненное обитание главной героини Зуи*.

“...i nikad Zuji nije ponestajalo posla, a ona se nije nikad zamorila da *na svoje* koščate i uvek crvene *ruke* dočekuje novorođenčad... kćeri i sinove, a zatim unučad, pa i praunučad, kako je koje *padalo na zemlju*, Zuja je oduvek bila tu... Sa Zujom se otkriva svet, sa njom se igra i boluje... Uvek *pri ruci*... Zujakao dobar duh...” (с. 110—111) — «Зуе всегда хватало работы, и она без устали *принимала на свои широкие... руки* новорождённых... Дочери и сыновья... а затем его (хозяина) внуки и правнуки, только *появившись на свет*, видели Зую постоянно возле себя... Зуей *открывается мир*, с нею играют и хворают... Она всегда *под рукой*... Она — *добрый дух*» (с. 200).

Таким образом, на основании проведённого анализа сборника новелл Иво Андрича «Дом на отшибе» и его перевода на русский язык можно отметить близость отражения концептов «жизнь и смерть» в сербском и русском языках. Тем не менее в ходе сравнительного анализа оригинала и перевода была выявлена национальная специфика изучаемых концептов.

Межъязыковым признаком концепта «жизнь» является «проявление жизни как всего живого». К межъязыковым признакам концепта «смерть» относится «неизбежность смерти».

Для концепта «жизнь» в сербском языке внутриязыковыми признаками являются «успех и обогащение», «жить в достатке». К основным признакам концепта «жизнь» в русском языке относятся «лёгкая, беззаботная жизнь».

Внутриязыковым признаком концепта «смерть» несмотря на разницу в социальных и культурных традициях как в сербском, так и в русском языке оказывается «страх смерти». Соотношение универсального и уникального, очевидно, зависит от мировосприятия писателя. Ожидалось, что явления жизни и смерти (сами по себе универсальные) концептуально также окажутся достаточно близкими, что в целом и подтвердилось.

Проведённый анализ показал, что концепт «смерть» по сравнению с концептом «жизнь» более универсален. Возможно, это объяс-

няется тем, что само явление жизни многограннее в своих проявлениях, что и порождает разнообразие оценок и мнений.

В переводе А. Романенко фразеологические единицы, представляющие собой средства выражения анализируемых концептов, находятся под влиянием стилистического своеобразия оригинального текста новелл, что является одним из достоинств этого перевода.

При переводе с сербского языка на русский язык фразеологизмов, вербализующих концепты «жизнь» и «смерть», обнаруживается наличие следующих тенденций:

1) использование фразеологических эквивалентов, зафиксированных в словарях;

2) введение собственных, индивидуально-авторских фразеологических вариантов (так называемых трансформированных фразеологизмов);

3) перевод фразеологизмов оригинала свободными словосочетаниями и

4) интересный случай в переводе — достаточно часто встречающийся перевод свободного словосочетания (в одном случае даже и сложного предложения) адекватным фразеологизмом русского языка, полностью соответствующим стилю новеллы, что, по нашему мнению, является достоинством перевода Романенко. (Конечно, в переводе иногда встречаются и ошибки, в данном случае речь идет о межъязыковых фразеологических омонимах.)

Анализ средств языковой экспликации художественных концептов, основных элементов авторского сознания, в текстах Иво Андрича позволяет обнаружить специфику его идиостиля, отражающего индивидуально-авторское мировосприятие.

Вербализация художественных концептов с помощью фразеологизмов в тексте произведений, отражая творческое видение автора, тесно связана со всей его речестилевой системой, с образно-ассоциативным мышлением художника слова. Эта ассоциативная природа концепта проявляется в субъективной структуре языковой личности, представленной в художественном тексте, где ментальные проекции объединены единой системой смысла и подчинены задачам создания художественной образности.

Изучение фразеологических средств языковой репрезентации концепта «жизнь» позволило выявить весь комплекс фразеологических единиц, являющихся элементами идиостиля писателя. Следует отметить, что иногда фразеологические единицы осложнены авторскими коннотациями, так что в пределах контекста общезыковые значения данных фразеологизмов претерпевают смысловую трансформацию, в результате которой возникают индивидуально-авторские значения. Кроме того, при анализе фразеологической вербализации концептов «жизнь» и «смерть» было

констатировано, что в тексте произведения рассматриваемые концепты эксплицируются также фразеологизмами, входящими в состав ассоциативно-смысловых полей «жизнь» и «смерть».

Таким образом, исследование базисных концептов «жизнь» и «смерть», основополагающих единиц философско-ценностной системы автора, на материале цикла новелл «Дом на отшибе», являющегося итогом творческого пути Иво Андрича, расширило методологию постижения художественного мира писателя, позволило добиться более глубокого проникновения в ментальный мир автора и точнее определить особенности его речестилевой системы.

Специфика средств и способов эстетической репрезентации концептов «жизнь» и «смерть» в корпусе цикла новелл Иво Андрича даёт возможность говорить о своеобразии жанровой экспликации упомянутых художественных концептов.

В идиостиле Иво Андрича *жизнь* — это явление более сложное и многомерное, чем *смерть*. Разнообразие структурных компонентов концепта «жизнь» и богатство средств его объективации в цикле корпуса новелл «Дом на отшибе» свидетельствуют об этом. Однако данные концепты существуют неотделимо друг от друга. Осмысление и интерпретация в тексте цикла новелл «Дом на отшибе» этих философских категорий отражает многоплановость концептосферы Иво Андрича как проявление специфики его идиостиля.

Список литературы

- Андрич И.* Дом на отшибе / Пер. с сербохорват. А. Романенко // Собр. соч. Повести, рассказы, эссе. Барышня. Роман. М.: Художественная литература. Т. 2. 1984. С. 119—208.
- Бычкова Т.А.* Концепт «жизнь-смерть» в идиолекте Михаила Зошенко: Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 162 с.
- Власова С.А.* Концепт “life” в современной англоязычной культуре: Дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003. 180 с.
- Влахос С.* Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Гольдберг В.Б.* Типология структурных связей, организующих лексико-семантическое поле (на примере поля «Жизнь-смерть» в русском и английском языке): Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1984. 226 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
- Дзюба Е.В.* Концепты жизнь и смерть в поэзии М.И. Цветаевой: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 22 с.
- Ермакова А.В.* Способы и средства реализации концептов «жизнь» и «смерть» в художественном тексте: на материале романов «Чевенгур» А. Платонова и «Казус Кукоцкого» Л. Улицкой: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 181 с.
- Ипанова О.А.* Концепт «жизнь» в лингвокультурологическом аспекте // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного. СПб.: Политехника, 2003. С. 22—29.

- Кириллова О.* Дом на отшибе как отражение художественного мира И. Андрича // Сов. славяноведени. М., 1984. № 4.
- Кириллова О.* Иво Андрич (писатель и человек) как идеальный выразитель балканской модели мира: Тезисы и материалы. Балканские чтения 1. Симпозиум по структуре текста. М., 1990. С. 147—150.
- Кубрякова Е.С.* Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Семантика языковых единиц: Докл. VI Междунар. конф. М.: Наука, 1998. С. 47—50.
- Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141, 172.
- Новикова Н.А.* Концептуальная диада «жизнь—смерть» и её языковое воплощение в русской фразеологии, паремииологии и афористике: Дисс. ... канд. филол. наук. Череповец, 2003. 190 с.
- Рудяков П.* Між вічністю і часом: Життя і творчість Іво Андрича. Київ, 2000.
- Тимонина А.П., Барабанова Е.С.* Концепты «жизнь» и «смерть» в сознании французов // Языковые и культурные контакты различных народов: Сб. ст. Междунар. науч.-метод. конф. Пенза: Поволжский дом знаний, 2009. С. 164—168.
- Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. 5-е изд. СПб.: Вариант, 1994. 544 с.
- Чернейко Л.О.* Концепты жизнь и смерть как фрагменты русской языковой картины мира // Филологические науки. М., 2001. № 5. С. 50—59.
- Чумак О.С.* Корреляция концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле Б.Л. Пастернака (на материале романа «Доктор Живаго»): Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 156 с.
- Яковенко Е.Б.* Реконструкция элементов концептуальной области «духовная жизнь человека» (на материале немецкого и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГПУ им. В.И. Ленина, 1995. 15 с.
- Яковлева Н.* Предисловие // Андрич И. Собр. соч. Рассказы и повести / Пер. с сербохорват. М.: Художественная литература. 1984. Т. 1. С. 18.
- Яковлева Н.Б.* Современный роман Югославии. М., 1980.
- Andrić I.* Kuća na osami i druge pripovetke. Novi Sad: Budućnost, Knjiga četrnajesta, 1986. S. 9—122.
- Kovačević Miloš.* Stilistika i gramatika stilskih figura. 3. dopunjeno i izmenjeno izdanje. Kragujevac: Kantakuzin, 2000. S. 48—51.
- Mršević-Радовић Драгана.* Фразеологија и национална култур. Београд: Штампa Чигоја, 2008.
- Пејановић Ана.* Фразеологија Горског вијенца. Подгорица, 2010. С. 157—305.
- Радић-Дугоњић М.* Прилог проучавању инваријатних и варијантних обележја концепата емоције у српском и руском језику (на материјалу руског превода «Сеоба» Милоша Црњанског) // Стил, Међународни часопис. Београд; Бања Лука, 2003. С. 321—330.

Э.К. Харацидис,

доктор наук, доцент Фракийского университета имени Демокрита,
г. Комотини (Греция); e-mail: romangr2008@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР КАК ИСТОЧНИК ПРОГРЕССА (миф о Полифеме в преданиях народов Кавказа)

Процессы взаимодействия культур более сложные, чем простая «перекачка» достижений высокоразвитой культуры в менее развитую. Контакты между народами всегда были мощным стимулом исторического процесса. А взаимодействие их культур, диалог между ними — наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений.

К концу IV в. до н.э. сформировалась своеобразная «цивилизационно-контактная зона» между древнегреческим и «негреческим» мирами. Подобного рода контактной зоной были Кавказ и Закавказье, где этнографами было записано много сказаний, легенд и мифов, в частности сюжет о Полифеме.

Вопрос происхождения данного мифа до сих пор вызывает полемику. Можно предположить, что не только это сказание, но и множество других сюжетов из греческого эпоса перешли и стали достоянием многих народов, которые находились на севере и востоке от Кавказа, а не наоборот. И в этом процессе роль кавказской культурной зоны неоспорима.

Ключевые слова: взаимодействия культур, контактная зона, цивилизационно-контактная зона, мифы и сказания, мифологический образ, Полифем.

Eleftherios K Charatsidis,

PhD, Associate Professor at Democritus University of Thrace, Greece; e-mail: romangr2008@mail.ru

Interaction of Cultures as a Source of Progress (the Polyphemus Myth in Caucasian Peoples' Legends)

The processes of interaction between cultures are more complicated than a simple “transfer” of achievements from a more developed culture to a less developed one. Contacts between people have always provided impetus for historical process, and interaction and dialogue between their cultures have laid groundwork for interethnic and international relations.

By the end of the 4th century BC, a “civilization contact area” between the Greek and the non-Greek worlds formed. It existed in the Caucasus and Transcaucasian region, where ethnographers have been able to collect a large number of tales, legends and myths, notably ones about Polyphemus.

The origin of this myth remains controversial. It may be supposed that not only this legend, but many other plots from Greek myths were taken up by people living to the North and the East of the Caucasus, and not vice versa. The role of the Caucasian cultural area in this process is indisputable.

Key words: cultural interaction, contact area, civilization contact area, myths and legends, mythological image, Polyphemus.

Процессы взаимодействия культур более сложные, чем, как когда-то наивно предполагали, простая «перекачка» достижений высокоразвитой культуры в менее развитую, что, в свою очередь, логично подводило к выводам о взаимодействии культур как источнике прогресса. Одно несомненно, что великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур и только в точке их пересечения. Способность одной культуры осваивать достижения другой — один из источников её жизнедеятельности [Харацидис, 2008, с. 241—242].

Контакты между народами всегда были мощным стимулом исторического процесса. А взаимодействие их культур, диалог между ними — наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений.

И не случайно с момента становления первых этнических общностей древности основные центры развития человеческой культуры находились на этнических перекрёстках — своеобразных контактных зонах, где сталкивались и взаимно обогащались традиции разных народов [Бахтин, 1986, с. 354].

Подобной «зоной», в пределах которой происходили интенсивные торговые и культурные контакты между кавказскими народами и древнегреческим миром, была пограничная зона, образовавшаяся в период с VIII по IV в. до н.э., в эпоху так называемой Великой греческой колонизации.

Уже в VIII—VII вв. до н.э. греки проявляют особый интерес к Колхиде, которая омывалась водами Чёрного моря и территориально охватывала почти всё западное Закавказье. Об этом свидетельствуют мифы и сказания об аргонавтах в греческой эпической литературе этого периода. В них мифологический образ Колхиды, быт и нравы её жителей пока лишены какой-либо исторической достоверности. В последующие века процесс греческой колонизации затронул и северное побережье Чёрного моря. В этот период здесь были основаны греческие поселения, крупнейшими из которых были Ольвия, Херсонес, Феодосия и др. Одновременно с ними возникло множество более мелких центров. Результатом этого процесса стало формирование зоны античной государственности на обширной территории от устья Дуная до Геленджикской бухты вдоль побережья Чёрного и Азовского морей [Античные государства Северного Причерноморья, 1984; Античные памятники Крыма, 2004]. А на восточном побережье Чёрного моря греческие колонисты основали города Фасис, Диоскурия, Гиэнос др. Таким образом, к концу IV в. до н.э. сформировалась своеобразная «цивилизационно-контактная зона» между древнегреческим и «негреческим» мирами, которая тянулась от Дуная и до восточных областей Закавказья, Кавказа, а на севере — от Кавказского горного хребта

в предгорные районы Северного Кавказа, переходящие в южнорусские степи [Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985].

Закавказье и Кавказ всегда представляли собой не только мост, который связывал Запад и Восток, но и контактную зону для Севера и Юга, своеобразный перекрёсток для различных (порой враждебных и взаимоисключающих) миров и их культур — европейских и азиатских, оседло-земледельческих и кочевых [Асатиани, 1998, с. 5].

Непосредственное знакомство греческих колонистов с многочисленными народами, которые населяли различные районы Кавказа, происходило через Закавказье. По мере расселения греков по берегам Чёрного моря и непосредственного знакомства с местными народами постепенно создаются первые географические и исторические описания этой страны, авторами которых являлись логографы [Лордкипанидзе, 1979, с. 14]. Они много путешествовали, находились в непосредственном контакте с местными жителями и в своих сочинениях описывали их историю, обычаи и быт, основываясь на личных наблюдениях, нередко используя и документальные материалы [Бузескул, 1904, с. 52—56].

Посредством их деятельности, различного рода контактов, которые происходили между греками-колонистами и местным населением, народы и народности, находившиеся в «контактной зоне», знакомились с греческой культурой и религией. Богатый этнографический материал и результаты археологических исследований говорят о существовании в Ольвии, Боспоре и Фасисе культа Аполлона, который имел несколько своих местных функциональных форм и значений. В Причерноморье Аполлон Дельфийский обрёл функцию покровителя и защитника мореплавателей в их трудном ремесле (Аполлон Простат). А в греко-скифский период в пантеоне Ольвии Аполлон Простат занимал особое место.

Об этом говорит тот факт, что служителями в возведённых в честь него храмах были стратеги, посвящающие ему свои сокровища [см.: Скрижинская, 1998, с. 26—28]. В V — начале IV в. до н.э. в Фасисе был широко распространён культ Аполлона Гегемона — покровителя городов и переселенцев [Лордкипанидзе, 1979, с. 12].

А на юге России Аполлон почитался на протяжении многих столетий, а именно с IV в. до н.э. и до начала III века н.э. [Толстой, 1904, с. 186; Лордкипанидзе, 1979, с. 12, 124—125]. И, вероятнее всего, в этот период как следствие тесных культурных контактов местных народов и греков стало появление в народной традиции народов Закавказья и Кавказа сказаний, напоминающих греческое, — о прикованном Прометее [Миллер, 1895, с. 25].

Наиболее известным среди них был Гекатей Милетский. В обширном этногеографическом сочинении «Землеописание» (520—500 гг. до н.э.) он обстоятельно описал известные к его времени

страны, дал интересные данные об этническом составе населения Колхиды, гаванях и поселениях.

Известный кавказовед В. Миллер в конце XIX в. отмечал, что через Кавказ в течение всей его истории прошёл длинный ряд древних и средневековых народов, «оказывавших влияние на южные и северные склоны гигантского хребта — ассирийцев, персов, греков, римлян, хазар, болгар, половцев, татар и многих других» [Миллер, 1895, с. 24]. И, принимая во внимание удивительное разнообразие кавказских народностей по языку, религии, культуре, писал о глубоком интересе и о необходимости изучения кавказских народных сказаний, что было актуально с точки зрения истории распространения эпических сюжетов [там же].

В течение XIX в. в различных районах Кавказа и Закавказья этнографами была записана масса интересного эпического материала: сказаний, легенд, мифов. Немалое место в этнографических исследованиях этого периода занимают, распространённые среди народов Кавказа сказания и легенды, сюжеты которых до невероятности близки с сюжетом греческих легенд о циклопе Полифеме. В. Миллер все эти легенды объединил под единой формулой — «*формула Полифема*»¹ [Миллер, 1895, с. 26]. Полифем у разных народов называется соответственно народным традициям, и его имя можно перевести как Одноглаз.

Исследования XIX в. показали, что этот же миф знаком и многим тюркским и другим народам, в том числе и восточнославянским. Одни версии повторяют почти дословно гомеровскую историю, другие — более разнообразны и отличны от неё. Легенды с подобным сюжетом встречаются в Казахстане и в Монголии. Похожий рассказ был записан и у юкагиров на Колыме. Правда, исследователи считают, что текст юкагирами явно заимствован у русских переселенцев.

Мотив бегства из пещеры появляется вновь в Северной Америке, но несколько в другом контексте [Берёзкин, 2005, с.4].

Вс. Мюллер обращает внимание на то, что родственные сюжеты сказанию о Полифеме есть в арабском сборнике «Тысяча и одна ночь». Рассказы с подобным сюжетом бытуют и у многих европей-

¹ Предметом нашего исследования стала история из греческой мифологии, в которой рассказывается о спасении героя из пещеры одноглазого великана. Согласно Гомеру, оказавшись на неизвестном острове со своими спутниками Одиссей находит ночлег в пещере, в которой живёт циклоп — Полифем. Полифем — пастиух с одним глазом в центре лба. Найдя людей у себя в пещере, он убивает и съедает одного из них и засыпает. Одиссей и его спутники, чтобы спастись, выжигают единственный глаз людоеду. Однако уйти не могут, потому что им не под силу отодвинуть огромный камень, которым Полифем закрыл вход в пещеру. Одиссей предлагает своим спутникам спрятаться, вцепившись в шерсть коз из стада Одноглазого. И таким образом, обманув великана, оказываются на свободе.

ских народов. Однако среди всех известных сюжетов об одноглазом великане, по мнению Вс. Мюллера, особое место занимают кавказские сказания [Миллер, 1895, с. 30]. Так почему же известный кавказовед отводит особое место именно этому корпусу мифов? Постараемся изложить нашу точку зрения в качестве ответа на поставленный вопрос.

Говоря о европейских сказаниях, Вс. Мюллер замечает, что сложно разъяснить генетические отношения между ними. Можно только отметить частное сходство между ними и, основываясь на соответствующей литературе, их следует отнести к нескольким «основным редакциям» [там же, с. 40]. Это, вероятнее всего, связано с малоизученностью возможных путей проникновения сюжета древнегреческого сказания о Полифеме в Европу, или в противном случае отсутствием доказательств об их местном происхождении.

Но если предположить, что сюжет о Полифеме по мере продвижения от «контактной зоны» с северных берегов Чёрного моря на север и запад трансформировался и приобщался к местным традициям, то можно дать ответ на вопрос о первоисточнике и его характере.

В противовес всем этим рассказам кавказские сказания по содержанию очень близки к древнегреческим [там же, с. 26]². Сравнивая их, Миллер относит их не только к одному сказочному сюжету, а к одной редакции одного и того же сюжета [там же, с. 42]. В кавказских рассказах Одноглаз, как и в греческом Полифем, представлен скотолюбивым пастухом, который живёт в пещере. По сравнению с ними тип великана-пастуха не известен европейским сказаниям. Даже в самом близком к греческому арабском сказании великан живёт в огромном роскошном дворце и вовсе не занимается скотоводством.

В кавказских сказаниях ослепление великана, как и в греческом, производится острым предметом. Эта подробность в значительной части европейских рассказов заменена другим способом ослепления, например, в эстонском — выливанием в глаз расплавленного свинца, во французском — масла, а в латышском отсечением головы и т.д.

Среди кавказских сказаний об Одноглазом особое место Вс. Миллер отводит мегрельскому, которое, по его мнению, ближе всех остальных стоит к греческому³. Анализируя содержания текстов

² В статье автор приводит и анализирует рассказы о циклопе-великане Одноглазе (Полифеме), записанные у мингрельцев, чеченцев, осетин и дагестанцев.

³ Мегрельское сказание было записано в 1886 г. в приморском городке Анаклия и деревнях Зугдидского уезда: Дарчения, Ганарджиаши и Читацкари [Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1886, отд. 2, с. 97 и последующие].

сказаний и сравнивая их, он предполагает, что они представляют собой не только один сказочный сюжет, но относятся к одной редакции этого сюжета. Помимо главного мотива, касающегося ослепления Одноглаза, Вс. Миллер отмечает и массу совпадений в деталях. Исходя из этого он предполагает, что греческий рассказ мог перейти к мегрельцам книжным путём.

Анучин Д.Н. в 1882 г. в Дагестане записал местный вариант рассказа об Одноглазом. Не зная других кавказских сказаний, он указывал сходство сюжета в деталях записанной им «сказки» с гомеровским рассказом. Такое сходство он также объясняет появлением рассказа в Дагестане из какого-то книжного источника [Анучин, 1884, с. 40—41].

Гипотеза о книжном проникновении сюжета мифа о Полифеме равным образом может быть применима и к сказаниям, записанным в Осетии, Чечне и Дагестане. Этим, скорее всего, и объясняется наибольшая близость кавказских рассказов к древнегреческому, чем даже рассказ из арабского сборника [Миллер, 1895, с. 40].

Возвращаясь к мегрельскому сюжету, отметим, что он был записан в XIX в. на берегу Чёрного моря в местечке Анаклия, которое в древности находилась в непосредственной близости от греческих полисов. Скорее всего, жители Анаклии ознакомились с гомеровским рассказом о Полифеме от какого-то образованного человека. А отсюда, но уже в устном пересказе, он сначала распространился по близлежащим деревням [Миллер, 1895, с. 31]. Далее легенда, сохраняя характер морского приключения, появляется у народов Дагестана. Отсюда она передаётся другим народам, которые жили среди Кавказских гор: осетинам, чеченцам, при этом обретая черты сухопутного приключения. И чем дальше на север, на восток и запад от Кавказа уходила гомеровская легенда, тем больше подвергалась влиянию других местных однородных сюжетов о великанах, тем сильнее она видоизменялась, адаптировалась к местным условиям, становилась местной.

Можно предположить, что не только это сказание, но и множество других сюжетов из греческого эпоса перешли и стали достоянием многих народов, которые находились на севере и востоке от Кавказа, а не наоборот. И в этом процессе, как нам кажется, роль кавказской культурной зоны неоспорима.

Список литературы

- Анучин Д.Н.* Отчёт о поездке в Дагестан летом 1882 года. Оттиск из Императорского русского Географического Общества. Т. XX. СПб., 1884.
- Асатиани В.* Мирный Кавказ: Роль культуры в будущем Кавказа. *Caucasica* (The Journal of Caucasian Studies). Vol. 2. Tbilisi, 1998.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.

- Берёзкин Ю.* Мифы глубокой древности. Природа. 2005. № 4.
- Бузескул В.* Введение в историю Греции. Харьков. 1904.
- Лордкипанидзе О.* Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси, 1979.
- Миллер В.Ф.* Кавказские сказания о циклопах // Этнографическое обозрение. 1895. № 1.
- Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1886. Отд. 2.
- Толстой И.И.* Культ Аполлона на Боспоре и в Ольвии // Этнографическое обозрение. 1904. № 1.
- Харацидис Э.К.* Особенности греческо-русской межкультурной коммуникации (взгляд на проблемы преподавания истории русской культуры в вузах Греции). Салоники, 2008.

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

Есакова М.Н.,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: maria_esakova@mail.ru,

Кольцова Ю.Н.,

кандидат культурологии, доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: koltsova-73@mail.ru

Литвинова Г.М.,

преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: bambuk25@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ И ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В последнее время все чаще поднимается вопрос о значении лингвистической подготовки переводчика как профессиональной языковой личности, так как уровень компетентности будущего специалиста зависит от заложенной языковой и культурологической базы. Это касается как иностранного языка, так и родного. Задача переводчика состоит в том, чтобы разобраться, что представляет собой современная культура родного языка. В зависимости от целей и задач, которые ставятся в процессе общения, происходит отбор различных языковых средств. Преподаватели стилистики русского языка и культуры речи должны научить будущего специалиста отбирать различные языковые средства в зависимости от ситуации, приучать контролировать свою речь. Учитывая все вышесказанное, мы понимаем необходимость создания новой программы («Русский язык для переводчиков»), которая помогла бы решать задачи подготовки специалистов по переводу на высоком профессиональном уровне. В состав этой программы должны входить пособия нового типа, включающие в себя не только традиционные задания по лексической и грамматической стилистике, тренинг по орфографии и пунктуации, но и специальные «переводческие» упражнения, направленные на формирование различных переводческих навыков: на развитие оперативной памяти, на способность к запоминанию, на выработку умения быстрого и продуктивного переключения, на тренировку темпа, на наращивание активного запаса частотной лексики и т.д.

Для того чтобы интенсифицировать процесс обучения переводчиков, в 2011 г. выходит в свет первая часть нового учебного пособия под названием «Практический курс русского языка для переводчиков» (продвинутый этап обучения), подготовленного авторским коллективом преподавателей Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Особенностью данного учебного пособия является комплексный подход, позволяющий корректировать навыки как устной, так и письменной русской речи с одновременным углублением знаний в области социально-культурной жизни России.

Следует отметить, что данное учебное пособие не является традиционным учебником по русскому языку для иностранных учащихся. Его своеобразие заключается, прежде всего, в том, что оно рассчитано на весьма широкую аудиторию:

группы иностранных учащихся вынужденно формируются из студентов разного уровня владения языком, а также разного национального состава.

Эта особенность обуславливает подбор учебного материала и способы его презентации. Тексты составлены таким образом, что в пределах изучения одной лексической темы можно вести занятия в группах смешанного уровня владения языком.

В этой статье мы хотим рассказать об особенностях подобных пособий.

Ключевые слова: лингвистическая подготовка переводчика, передача стилистических приёмов языка, знание современной культуры родного языка, создание программы «Русский язык для переводчиков», статус русского языка, многоязычие, языковая картина мира, перевод, переводческая деятельность, прямой метод изучения языка, комплексный подход к обучению специалистов по переводу.

Maria N. Yesakova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: maria_esakova@mail.ru

Yulia N. Koltsova,

Cand. Sc. (Culturology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: koltsova-73@mail.ru

Galina M. Litvinova,

Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: bambuk25@mail.ru

Teaching Russian to Russian-Speaking and Foreign Students Alike: Issues of Translator Training

The issue of language training of translators as professional language personalities has been repeatedly raised recently as aspiring translators' competence depends on the language and cultural background in both their native and foreign languages. The goal of any translator is to understand the contemporary standards of the native language. Linguistic means are selected depending on objectives and goals of training. Teachers of Russian stylistics and speech standard should make students choose linguistic means depending on the situation and teach them how to monitor what they are saying. Therefore, it is necessary to develop a new program ("Russian for translators") to address the issue of training well-qualified translators. This program should include new-generation textbooks that have usual tasks on lexical and grammatical stylistics, exercises on spelling and punctuation, as well as special "translator-training" exercises aimed at developing translation skills: memory span, ability to memorize and to switch quickly and efficiently, speech tempo, accumulating set expressions, etc.

With the goal of intensifying the translator training, the first part of the series "Russian for Translators (Advanced)" is due to be published in 2011; it has been developed by teachers at the Higher School of Translation and Interpretation of Lomonosov Moscow State University.

The textbook is characterized by its comprehensive approach that allows improving skills of both spoken and written Russian as well as advancing knowledge of Russian society and culture.

It is to be noted that this textbook is different from conventional Russian language textbooks for international students. First and foremost, it is to be used by quite a wide audience: international students groups usually include students with different language skills as well as different national backgrounds.

This peculiarity determined the choice of teaching material and its presentation. Texts within a module are selected so that they can be used in groups with mixed language competences.

This article provides a more detailed overview of such textbooks.

Key words: language training of translators, conveying stylistic devices, knowledge of contemporary language standards, developing the “Russian for Translators” program, Russian language status, multilingualism, language image of the world, translation, translation activity, direct method of language learning, comprehensive approach to translator training.

Чтобы стать профессионалом в любой области, необходимо все время совершенствоваться, «шлифовать» прежние навыки и умения и одновременно не останавливаться на достигнутом, стремиться осваивать новые методы, знакомиться с различными «ноу-хау» в своей профессиональной сфере. Безусловно, касается это и области перевода. Переводчик обязан поддерживать свои умения и навыки в активном состоянии (читать газеты, слушать радио, общаться на двух языках (родном и иностранном), накапливать, расширять и обновлять лексический запас), потому что диапазон лексических пластов, с которыми придётся столкнуться переводчику, непредсказуем.

Одним из самых интересных аспектов теории перевода является проблема передачи стилистических приемов языка. На сегодняшний день данный аспект недостаточно проработан и продолжает привлекать внимание исследователей-теоретиков и ученых-лингвистов практиков.

Сказанное в равной степени касается как иностранного языка, так и родного. Последнее часто не кажется очевидным. Многие переводчики уверены, что родной язык они знают идеально и не уделяют его совершенствованию должного внимания. Специалисту, который решил посвятить себя переводу, необходимо с самого начала избавиться от этого заблуждения, придирчиво исследовать собственный реальный уровень владения родным языком и принимать необходимые меры. Мы разделяем мнение тех специалистов, которые убеждены, что обучение современного переводчика следует начинать с активного преподавания родного языка и продолжать интенсивный тренинг до самого окончания обучения [Алексеева, 2008, с. 11].

Мы не будем сейчас говорить об уровне культуры речи в современном обществе, который нельзя, увы, назвать высоким. Задача переводчика как раз и состоит в том, чтобы разобраться, что представляет собой современная культура родного языка, что признано литературной нормой, какие возможны отклонения, какие существуют жанры письменной и устной речи.

Мы должны помнить о том, что запросы общества постоянно изменяются — и культура речи должна удовлетворять эти запросы. Перевод на родной язык должен проводиться с учетом особенностей современного стиля изложения. Переводчик обязан хорошо

понимать аспекты литературной речи, анализировать возможность определенных отклонений. Многие специалисты данной области отмечают, что качественный перевод на родной язык может проводиться только в том случае, когда переводчик продолжает постоянно следить за изменениями в языке и тенденциями его развития.

В зависимости от целей и задач, которые ставятся в процессе общения, происходит отбор различных языковых средств. Задача преподавателей стилистики русского языка и культуры речи как раз, на наш взгляд, и состоит в том, чтобы научить будущего специалиста отбирать различные языковые средства в зависимости от ситуации, приучать контролировать свою речь, поскольку переводчик — это специалист по активному владению речью на двух языках прежде всего в ситуации повышенной сложности, когда партнеры неравноправны.

Принято считать, что грамотный и образованный человек — это тот, который много читает. Однако этого мало: надо еще много говорить и писать. Специалист по переводу должен уметь сам порождать тексты различных жанров (от инструкции по использованию микроволновой печи до деловых бумаг). Поскольку переводчик в своей профессиональной деятельности может столкнуться с самыми разнообразными ситуациями и персонажами, речь которых ему придётся переводить, он должен владеть всеми пластами речи, всеми стилями, всеми жанрами и т.д.

Существует феномен, с которым нам постоянно приходится сталкиваться. Устному переводчику часто оказывается легче переводить на иностранный язык, чем на родной. Почему это происходит? Исследователи приходят к выводу, что активный запас знаний иностранного языка оказывается больше, чем активный запас родного. Кроме того, знания родного языка вариативнее, а широта выбора, особенно если часть вариантов находится в пассивном запасе, затрудняет сам выбор и замедляет перевод (такие знания нередко представляют для себя балласт избыточности и затрудняют решение задачи перевода).

Поэтому родной язык необходим переводчику в активной форме. Курс современного русского языка — одна из важнейших лингвистических дисциплин в профессиональной подготовке переводчика.

Учитывая всё вышесказанное, мы понимаем необходимость создания новой программы (назовем ее условно «Русский язык для переводчиков»), которая помогла бы решать задачи подготовки специалистов по переводу на высоком профессиональном уровне.

Одним из первых и важнейших компонентов данной программы является, безусловно, создание пособий нового типа, ориентированных на подготовку переводчиков. Цель таких пособий — научить будущих специалистов достаточно быстро выбирать адекватный

вариант как с лексической и грамматической, так и стилистической точек зрения, а также помочь им в совершенствовании практических навыков владения письменной и устной речью, необходимых для грамотного построения высказываний при переводе на русский язык или же для правильного и полного понимания русских текстов, без которого адекватный перевод на иностранные языки невозможен. Огромное количество существующих пособий удовлетворяют эти запросы лишь частично. В настоящий момент чувствуется острая необходимость в использовании комплексного подхода к обучению специалистов перевода.

При создании пособий по русскому языку и культуре речи для переводчиков необходимо помнить о существовании определённых стилистических требований, которым должен отвечать перевод, т.е. о нормативных правилах, характеризующих тексты аналогичного типа в языке перевода. К этим требованиям, по мнению специалистов, можно отнести [Митякина, Еремина]:

1. Смысловое соответствие, которое включает в себя стилистическую точность, адекватность и полноту;

2. Грамотность, т.е. соответствие текста общим нормам русского и иностранных языков (отсутствие стилистических, грамматических и орфографических ошибок);

3. Лексическое и стилистическое соответствие, которое предполагает верный подбор эквивалентов терминов оригинала, поиск аналогов сокращений и аббревиатур, корректную транслитерацию и т.д.

Таким образом, занятия по русскому языку, стилистике русского языка и культуре речи должны включать в себя целый комплекс упражнений, призванных облегчить работу переводчика в будущем. В этот комплекс должны входить не только традиционные задания по лексической и грамматической стилистике, тренинг по орфографии и пунктуации, но и специальные «переводческие» упражнения, направленные на формирование различных переводческих навыков: на развитие оперативной памяти, на способность к запоминанию, на выработку умения быстрого и продуктивного переключения, на тренировку темпа, на наращивание активного запаса частотной лексики и т.д.

Кроме того, на наш взгляд, особое внимание необходимо уделять постановке произношения. Как известно, орфоэпические и акцентологические ошибки приводят к тому, что собеседнику трудно сосредоточиться на содержании речи, это может раздражать слушателя или рождать недоверие к профессиональным качествам переводчика.

Поэтому важно корректировать устную речь обучаемых, устраняя орфоэпические ошибки, связанные с нарушениями норм произношения слов и норм акцентуации. К сожалению, существующие

орфоэпические и акцентологические правила несовершенны, имеют огромное количество исключений и поэтому, как показывает практика, необходим постоянный тренинг, целью которого является выработка автоматизма при постановке ударения (чтобы специалист не попадал под влияние «узуса»: когда даже с экрана телевидения звучат формы «не включат в прихожей свет», «там вы были правы́», «программное обеспечение», «облегчить положение» и т.д.).

Работа над произношением впоследствии должна проводиться в течение всего курса обучения (10—15 минут каждого занятия — например, фонетическая разминка в форме диктанта, карточки и т.д.). При ликвидации подобных ошибок актуален «эффект 25-го кадра»: в различные фрагменты речи вставляется нормативная форма, что приучает учащихся через подсознательное усвоение к верному ее употреблению.

Кроме того, мы уверены, что необходимо учиться на примере речи образцовых дикторов радио и телевидения, хотя таких, увы, становится на нашем телевидении и радио все меньше. Пособие должно быть снабжено, на наш взгляд, аудиоприложением с фрагментами образцовой речи и упражнениями, основанными на этих фрагментах (например, эхо-повтор).

Ещё один важный, на наш взгляд, момент, на который необходимо обращать пристальное внимание при обучении русскому языку, — это особенности современного словообразования. Словообразовательные процессы многосторонни и динамичны. Сложно, безусловно, говорить об универсальности словообразовательных моделей. Они есть, но многообразны и вариативны. Это, обогащая русскую речь, одновременно является причиной различных речевых ошибок, происхождение которых сосредоточено на словообразовательном (деривационном) уровне языка. Будущий переводчик должен хорошо ориентироваться в мире словообразования, чтобы не допускать речевых ошибок, которые оказываются тесно связанными с сугубо лексическими и проявляются за счёт неверного морфемного дополнения к первообразным словам (*центрее, казахизация, ельцинизм, бомжизация, заедь; читабельный, смотрибельный, изучабельный, носибельный; билетить, обстроить, обштопать, отелефонить, особачиться (т.е. приобрести щенка); вместо слов «прийти» и «выйти» нередко звучит ошибочное: «Я к вам в кабинет подойду...», «Я собираюсь подъехать за товаром», «Он отошёл на несколько минут»*).

В разделе лексической стилистики следует обратить пристальное внимание на упражнения, направленные на умение точно и молниеносно выбирать необходимое слово в соответствии с его современным значением в языке. Часто это происходит, когда че-

ловек не следит за своей речью, или когда нет автоматизма, позволяющего производить правильные высказывания, или когда говорящий не знает точного значения слов и, стремясь к «красоте» высказываний, допускает ошибки под влиянием ложных ассоциаций. Например, в Москве открыт огромный магазин, который носит название «Ангар-бутик», объединившее два несовместимых понятия.

Речевые ошибки возникают тогда, когда говорящий или пишущий не может адекватно выразить свою мысль, употребляя слова в несвойственном им значении. Так, в последнее время наблюдается тенденция к активному использованию заимствованных слов, которые кажутся более весомыми и значимыми, чем слова родного языка. Однако нередко при этом говорящие и слушающие не знают семантики этих слов. Подобная ситуация удачно обыгрывается в фильме «О, счастливчик», вышедшем на телеэкраны в 2009 г. (режиссер Э. Парри). В одном из телефонных разговоров главный герой пугает своих подчинённых грозной фразой: «*А если ситуация потребует моего личного аутсортинга, то я вам его обеспечу!*» В то время как «аутсоёрсинг» (от англ. outsourcing: (outer-source-using) использование внешнего источника/ресурса) — это «*передача организацией на основании договора определённых бизнес-процессов или производственных функций на обслуживание другой компании, специализирующейся в соответствующей области*» [<http://ru.wikipedia.org>]. Поэтому обеспечить «личный» аутсортинг герой никак не может, и речь идёт, скорее всего, о личном присутствии (что вытекает из контекста ситуации).

Обилие новой лексики, которая в последние десятилетия стремительно заполняет различные тематические пространства, особенно те, которые с наибольшей полнотой отражают изменения, происходящие в жизни общества, например политика, государственное устройство, идеология (*авторитаризм, административно-командный, антиноменклатурный, антиправо, антиправовой, конформизм, сталинщина, фундаменталист*); экономика, финансовое дело (*акционирование, акционерно-биржевой, антирыночник, бартер, бартерный, безвалютный, безналичка, безналоговый, бизнесменка, бессобственнический, бизнес-центр, брокер, ваучер, инвалюта*); армия, охранительные органы (*бандформирование, гулаговский, дедовщина, дембель, декриминализация, кагэбэшник, ОМОН, омововский, омововец, отказник, силовик*), а также такие широко используемые сейчас слова, как *имидж, презентация, номинация, спонсор, видео, шоу, триллер, хит, дискотека, диск-жокей* и множество других ставят перед переводчиком задачу постоянного расширения лексического запаса и введения этих слов в активное употребление.

Многозначность, или полисемия, т.е. наличие у одного слова нескольких значений, порождает трудности при переводе, поскольку по одним значениям слова в разных языках могут совпадать, а по другим — нет. Типичной переводческой ошибкой является перевод с помощью первого словарного соответствия. Поэтому учащиеся должны хорошо знать все значения различных слов, например слово *belt*, основное значение которого *пояс, ремень*, в техническом тексте может превратиться в *конвейерную ленту*, а в медицинском — в *бандаж*.

Признаком высокой культуры речи является разнообразие её форм — умение говорить и писать понятно и доступно, с учётом темы, состава слушателей и читателей, условий и целей общения. Поэтому в курс русского языка для переводчиков должны быть включены и упражнения на синонимы, антонимы, паронимы, диалектизмы, архаизмы и т.д.

Особое внимание необходимо уделить проблемам фразеологии — наиболее сложной для перевода категории: языковым афоризмам, пословицам, поговоркам, крылатым словам и выражениям, а также уместности и возможности их использования в переводе.

Фразеологизмы необходимы переводчику. Как известно, они создают характерный уровень образного оформления речи на любую тему и любого жанра. Необходимо хорошо разбираться в разнообразном мире фразеологии, чтобы уметь находить функциональный аналог, ориентируясь на семантическое тождество. Фразеологизмы переводятся не слово в слово, поэтому нужно хорошо знать их семантику, чтобы не сделать ошибку, которые, увы, часто встречаются в последнее время.

Важно также обращать внимание на имена собственные. Переводчик должен знать имена современных общественных деятелей, имена тех, кто навсегда вошел в историю цивилизации и т.д. Риск потери информации при переводе личных имен можно уменьшить, если фонд частотных имен сделать для переводчика ожидаемым, прогнозируемым (поэтому эти имена необходимо постоянно включать в тренинг, в упражнения с разными задачами).

Как уже было сказано выше, в курс должны быть включены упражнения, направленные на профессиональный тренинг переводчика. Например, упражнения, которые в методике получили название «снежный ком»: учащимся предлагается продолжить ассоциативную цепочку слов, из которых потом необходимо составить связное высказывание. Важными представляются и упражнения на так называемое прогнозирование — способность предугадать в речевой цепи появление элемента высказывания, возможного с точки зрения смысла, ассоциаций и структурной модели. Прогностические навыки необходимы прежде всего в устном переводе,

так как они помогают переводчику экономить время для распознавания малознакомой информации.

Учащиеся должны научиться восполнять недостающие компоненты структуры предложения или текста.

В ходе занятий важно работать над выработкой навыков грамматически правильной устной и письменной речи, корректировать и предупреждать такие ошибки, как смешение форм категорий рода и числа, падежных форм имен существительных и прилагательных, а также падежных форм числительных, неверное использование глагольных форм, ошибки в именном и глагольном управлении, в употреблении деепричастных оборотов, в согласовании подлежащего со сказуемым и т.п. Например, употребление числительных представляет особую трудность для говорящих на русском языке, что связано с сильным влиянием разговорных форм. Частотны ошибки типа: *нет двести (пятьсот) рублей, восьми рублями, восьмиста восьмидесяти рублями* и т.д. В условиях устного перевода знание грамматических форм числительного должно быть доведено до автоматизма. Кроме того, как показывает практика, переключение с буквенного на цифровое кодирование всегда доставляет переводчику дополнительные сложности и может понизить качество работы даже опытного специалиста.

Таким образом, при разработке курса «Русский язык для переводчика» нужно не только знакомить учащихся с нормами современного русского языка, развивать лингвостилистическое чутье и навыки употребления языковых единиц, но и обращать особое внимание на задания, ориентированные на формирование профессиональных навыков переводчика.

Очевидная близость национальных культур стран Европы и России, позволяющая обнаружить немало общего, универсального в языках, тем не менее предполагает множество своеобразных черт, которые бывают незаметны в ситуациях межязыкового и межкультурного общения, но со всей остротой всплывают в процессе перевода, когда диалог языков и культур превращается в неразрешимое противоречие.

С другой стороны, культура как общечеловеческое понятие формируется, развивается и отражается, т.е. фиксируется сознанием и передаётся как по вертикали (то есть из поколения в поколение), так и по горизонтали (от одного народа к другому) с помощью разных языков. В этом случае мы считаем возможным говорить об общечеловеческой культуре как об особом характере отношения субъекта деятельности (человека) к окружающей его действительности, отличающей его от жизнедеятельности других организмов.

Именно такое универсальное общечеловеческое понимание культуры, связанной со всеми языками народов мира, и лежит

в основе переводимости, то есть возможности передачи явлений культуры, принадлежащих одному народу и зафиксированных средствами какого-либо языка, средствами другого языка и для другого народа — носителя иной культуры.

Множественность языков и культур позволяет полнее представить опыт всего человечества. При этом можно говорить о взаимной дополнительности языков и культур. По мнению Нильса Бора, разные человеческие культуры дополняют друг друга, и каждая культура представляет собой гармоническое равновесие традиционных условностей, при помощи которых скрытые потенциальные возможности человеческой жизни могут раскрыться так, что обнаружат новые стороны её безграничного богатства и многообразия. Общая мировая культура формируется благодаря развитию каждой этнической культуры, за счёт разнородных элементов как некая система, в которой культуры, созданные на разных мировоззренческих основах дополняют друг друга и взаимодействуют. Соответственно во взаимодействии оказываются и разные языки.

Россия является страной мультиэтнического состава. Российская нация при главенствующей роли русской этнической культуры является, тем не менее, плодом смешения множества этнических культур. Если говорить о русской культуре как о культуре российской нации, то следует признать её безусловный мультиэтнический характер. Однако вопрос о мультиэтническом характере русской культуры осложняется тем, что нередко разные этносы, населяющие Россию, формируют свои культурные категории (культуре́мы) с помощью русского языка. Родной язык этнических меньшинств как носитель культурных категорий выступает параллельно с русским языком. И в тех случаях, когда русский язык не подавляет полностью язык этнического меньшинства, возникает явление двуязычия, которое тут же влечёт за собой потребность в переводе.

Неслучайно в странах, где двуязычие является нормой жизни общества, перевод представляет собой один из основных видов деятельности. В то же время нельзя не отметить, что даже тогда, когда один этнос доминирует над другим (количественно, территориально, социально и т.п.) и когда один язык и по своему составу, и по характеру, и числу выполняемых им функций преобладает над другим, нередко язык этнического меньшинства сохраняется как преимущественная форма фиксации и передачи свойственных данному этносу культурных понятий, главным образом в бытовой сфере.

Поэтому именно изучение культурных элементов, связанных с бытом, традиционно представляет большой интерес для лингвокультурологического анализа.

Подобные противоречия и оказываются наиболее важным объектом изучения студентами, стремящимися овладеть профессией пе-

реводчика. Поэтому, на наш взгляд, очень важно внедрение образовательных и научно-исследовательских программ, в основе которых лежит сравнение языковых картин мира, проявляющих семантическую симметрию и асимметрию и отражающих различия национального мышления народов. Иначе говоря, обучение иностранных студентов осуществляется таким образом, что категории русского языка и русской культуры на определенном этапе обучения усваиваются сквозь призму родного языка и родной культуры.

Разумеется, это не отрицает прямого изучения системы русского языка и русской культуры, так как уровень лингвистических и культурологических знаний студентов зарубежных стран в области русского языка и культуры недостаточен для того, чтобы сосредотачивать их внимание только на сравнении с родным языком и культурой. Поэтому изучение русского языка прямым методом составляет необходимый элемент учебных программ. К сожалению, можно констатировать, что этот необходимый элемент учебных программ занимает довольно много учебного времени, сокращая, таким образом, время на собственно переводческую подготовку обучаемых, то есть на изучение того общего и различного в языках и культурах и на формирование профессиональных навыков устного и письменного перевода.

Для того чтобы интенсифицировать процесс обучения на этапе овладения русским языком и русской культурой прямым методом, создаются новые учебные пособия, цель которых развивать и углублять знания русского языка не на случайно подобранных текстах, а в системе российской культурной жизни.

В 2011 г. выходит в свет первая часть нового учебного пособия под названием «Практический курс русского языка для переводчиков» (продвинутый этап обучения), подготовленного авторским коллективом преподавателей Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Особенностью данного учебного пособия является комплексный подход, позволяющий корректировать навыки как устной, так и письменной русской речи с одновременным углублением знаний в области социально-культурной жизни России.

Следует отметить, что данное учебное пособие не является традиционным учебником по русскому языку для иностранных учащихся. Его своеобразие заключается прежде всего в том, что оно рассчитано на весьма широкую аудиторию: группы иностранных учащихся вынужденно формируются из студентов разного уровня владения языком, а также разного национального состава.

Эта особенность обуславливает подбор учебного материала и способы его презентации. Тексты составлены таким образом, что

в пределах изучения одной лексической темы можно вести занятия в группах смешенного уровня владения языком. С одной стороны, лексика, максимально формирует концептуальное поле учащегося, с другой — позволяет варьировать объем активного запаса слов и выражений, позволяющих студенту понимать русскую речь, как в письменной, так и в устной форме, и изъясняться на русском языке.

Задания учитывают не только семантику и план выражения слов, но и формируют синтагматические и ассоциативные связи. Изучение лексико-фразеологических единиц осуществляется в два этапа. Сначала новые слова вводятся в предложениях и в ситуациях, что позволяет показать особенности их функционирование в речи, а затем следует их семантизация, т.е. подробный анализ их семантической структуры.

В методике преподавания языков утвердилось мнение, что слово может войти в активный словарь учащихся, если оно будет ему представлено в разных видах и формах не менее семи раз. Пособие построено таким образом, что одна и та же лексико-фразеологическая единица неоднократно презентуется в разных контекстах.

В данном учебном пособии особое место отводится работе с синонимами, так как именно они позволяют максимально расширить лексический запас учащегося. Умелое оперирование синонимами необходимо для осуществления переводческого перефразирования, лежащего в основе любого переводческого процесса. «В основе деятельности переводчика лежит выбор. Постигать смысл в хитросплетениях значений слов — это выбор. Создавать новые формы из множества теоретически возможных — это тоже выбор. Делать непонятное — понятным — и это выбор (понятное кому, когда, насколько?). Но свобода выбора переводчика ограничена жесткими рамками семантического, семиотического, исторического, языкового, социального, психического и иных порядков. В этом вся сущность перевода» [Гарбовский, 2008]. Большое внимание уделяется многозначным словам, омонимам и паронимам, неумение их различать в речи часто становится причиной переводческих ошибок.

Одной из главных составляющих переводческой деятельности является, как известно, поиск необходимой информации в той сфере, которой принадлежат переводимые им в конкретной ситуации речевые произведения. Но переводчику необходимо обладать и широкой общелингвистической культурой и постоянно расширять и обновлять свой лексический запас. Диапазон специальных лексических пластов, с которыми придётся столкнуться переводчику, прогнозировать невозможно, но можно научить его поиску терминологических соответствий.

В пособии представлена лексика различных сфер: бытовая, социальная, культурная, политическая и т.д. Будущему переводчику необходимо разобраться и в том, что представляет собой современная культура русского языка, что признано литературной нормой, какие возможны отклонения, что допускается узусом в той или иной сфере общения. Разумеется, переводчику следует не только знать, какие существуют жанры письменной и устной речи, но и постоянно работать над их активным овладением.

Третья важнейшая составляющая методической концепции, положенной в основу разработки данного учебного пособия, — это необходимость учёта психологических особенностей переводческой деятельности. Направленность заданий обусловлена необходимостью формирования навыков, важных для будущего переводчика. Будущему переводчику необходимо развивать зрительную память, догадку, прогнозирование, наблюдательность, внимание и логическое мышление. Для этого в пособии имеются соответствующие задания и система упражнений: задания на формирование переводческой памяти, на развитие навыка переключения, на внутриязыковое перефразирование, на зрительное восприятие текста со счетом, а также упражнения с числительными, задания на создания ассоциаций и другие, разработанные преподавателями перевода [Миньяр-Белоручев, 1969].

Таким образом, система упражнений предполагает наряду с традиционными заданиями, направленными на совершенствование знаний русского языка, и познавательные упражнения, стимулирующие поисковую деятельность обучающихся, работу с неадаптированными текстами, различными словарями, использование Интернета, а также задания, формирующие навыки, необходимые будущему переводчику.

Подготовка переводчиков-русистов в современных условиях, когда преподавание русского языка во многих странах в системе среднего образования сведено на нет, становится чрезвычайно сложной задачей. За три-четыре года, отведённых на получение высшего профессионального образования, необходимо, начиная практически с нуля, вывести обучающихся на уровень профессионального переводческого владения русским языком. В связи с этим эффективная подготовка по русскому языку в национальных университетах, построенная на инновационных образовательных технологиях, на использовании инновационных учебников и учебных пособий, учитывающих специфику настоящего периода, приобретает особое значение. В этих условиях образовательная кооперация с российскими высшими учебными заведениями может, на наш взгляд, дать значимые результаты. Необходимо сказать, что такая кооперация, разумеется, в качестве одной из составляющих

предполагает мобильность студентов, то есть их стажировки, которые позволяют им окунуться в языковую и культурную среду той страны, язык которой они изучают, то есть России. Однако только мобильность и возможность стажировок не решает проблемы качества овладения русским языком. Главное, что стажировки должны иметь конкретную образовательную дисциплинарную направленность, предполагающую определённый перечень дисциплин с определённым количеством учебных часов и с определённой формой отчетности.

Необходима также и научно-методическая кооперация преподавателей, которая затрагивала бы все области профессиональной деятельности будущих специалистов. Помимо координации учебных программ, позволяющей студентам с наибольшим успехом интегрироваться в учебный процесс в высшем учебном заведении другой страны, необходима серьезная совместная научная работа по написанию учебников, учебных пособий, двуязычных словарей. В таких материалах могли бы найти отражение самые тонкие, но весьма значимые нюансы различий культур, что совершенно необходимо для подготовки квалифицированных специалистов.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика. СПб., 2008.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. Век XXI: от эмпиризма к рационализму // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 1. С. 39.
- Митякина Л.В., Еремина Е.* Некоторые особенности стилистических приёмов перевода. <http://www.study-english.info/article046.php>
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Последовательный перевод. Теория и методы обучения. М., 1969.
- <http://ru.wikipedia.org/wiki/Outsourcing>

Информация для авторов журнала

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к статье:

- необходимо предоставить 2 рецензии;
- текст отправляется по электронной почте на адрес vestnik22@mail.ru или приносится лично в комнату № 1150 первого гуманитарного корпуса МГУ (на диске в формате RTF);

- *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;

- необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

- наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

- *примечания* в виде подстраничных сносок;

- *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [Ibid., p. 123] для иноязычных источников;

- данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

имеется в продаже:

Civilización de América Latina: Учебное издание / Составители: Кардосо Виера И., Сударь Г. С., Сударь А. М.; под редакцией профессора Раевской М.М. — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 296 с., ил.

ISBN 978-5-211-06180-4

Учебное пособие «Civilización de América Latina» предназначено для студентов гуманитарных специальностей, занимающихся региональными исследованиями. Предлагаемые в пособии учебные материалы помогут учащимся лучше узнать геополитическую и геоэкономическую обстановку данного региона, а также разобраться в сложных вопросах культуры, религии и искусства данного полиэтнического континента. Глубокое изучение многонационального региона, каким является Латинская Америка, поможет по достоинству оценить значимость всех происходящих там в настоящее время процессов и с большей ответственностью подходить к проблемам межкультурного сосуществования в нашем многоликом мире.

***В Издательстве Московского университета
работает***

**Ассортиментный кабинет
вузовской литературы**

Здесь вы найдете весь спектр учебной литературы для студентов и абитуриентов от Издательства Московского университета.

Книги продаются по минимальной розничной цене.

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).

Тел./Факс: (495) 939-33-23;
(495) 939-34-93 (отдел реализации)

E-mail: izd-mgu@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:
www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин:
<http://msupublishing.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГАРБОВСКИЙ Николай Константинович — главный редактор, директор Высшей школы перевода, профессор, доктор филологических наук,

КОСТИКОВА Ольга Игоревна — зам. главного редактора, зам. директора Высшей школы перевода по научной работе, доцент, кандидат филологических наук,

МОЗГОВАЯ Людмила Авраамовна — ответственный секретарь,

БЕЛЬСКИЙ Евгений Викторович — старший преподаватель

ВИССОН ЛИНН — профессор Высшей школы перевода Монтерейского института международных исследований (США), доктор философии,

ЕСАКОВА Мария Николаевна — зам. директора Высшей школы перевода по работе с иностранными студентами, доцент, кандидат филологических наук,

ЖАРКОВА Ольга Сергеевна — старший преподаватель

ЗАБРОВСКИЙ Андрей Петрович — доцент, кандидат филологических наук

КОЛЬЦОВА Юлия Николаевна — зам. директора Высшей школы перевода по воспитательной работе, доцент, кандидат филологических наук,

МАНЕРКО Лариса Александровна — профессор, доктор филологических наук,

МИРОНОВА Надежда Николаевна — профессор, доктор филологических наук,

МИШКУРОВ Эдуард Николаевич — профессор, доктор филологических наук,

МАТАСОВ Роман Александрович — преподаватель, кандидат филологических наук,

РЕЗНИЧЕНКО Ольга Леонидовна — старший преподаватель, кандидат филологических наук

ПАБАГА Ирина Юрьевна — доцент, кандидат филологических наук

Редактор *М.Л. Балашова*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Корректор *А.Я. Марьясис*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Тел. 697-31-28

Подписано в печать 19.12.2011. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 1.

Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 7,8.

Тираж 240 экз. Изд. № 9265. Заказ № .

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Типография МГУ.

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-6636.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 3. 1—128.

ISSN 0201-7385
ISSN 2074-6636